

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ АССОЦИАЦИИ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

РУССКОЕ №1(15)
ПОЛЕ
2016
ВЫХОДИТ С 2010 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

Два особых
юбилея

Ольга Батаева 3

Поле
славы

Константину Симонову – сто лет
Михаил Лупашко. Большой поэт большой войны 11

Пушкинская
горка

Александра Юнко. Когда окно разбито. Стихи 23

Поле зрения

К 75-летию со дня рождения Юрия Кузнецова
Сергей Казначеев. Неисчерпаемость таланта 31
Ю. Кузнецов. Стихи 33

Живой
родник

Наталья Гандзюк. Восхождение кота Иеронима 42

Нива науки

Нелли Торня. «Душа сбылась...».
Очерк о Татьяне Млечко 53

Болевая
точка

Игорь Корнилов. Иррационально о рациональном 62

Звезда над
полем

Борис Благовещенский. Судьбы бурливая река 71

Я твой
тонкий
колосок

Александр Огушевич. «Золотой петушок»
в Кишинёве (Окончание) 77

Ольга Гарусова.

«Трезвоны» этой сказочной птицы...» 82

Сергей Маслоброд.

Через Вас выражалась и наша душа... 93

Марина Сычёва. Ключ к волшебному замку 99

Лариса Ладыка. Стихи 100

Николай Антонов. Стихи..... 109

Лера Чеботарёва. Вещные ценности..... 109

Алиса Чопчик. Я – дерево. Я – стекло 113

Наталья Новохатняя.

«Как соломинкой, пьёшь мою душу...»..... 130

Пётр Шорников. Защита русской речи и молдавской

истории в 1990-1998 годах 132

Интервью с Тамарой Рощиной 149

Регионы Уральского Федерального округа 154

Учредитель и главный редактор: *Олеся Рудягина*
 Редколлегия: *Сергей Пагын, Виктория Чембарцева,*
Татьяна Орлова-Волошина, Виктория Алесенкова,
Марина Сычёва.

Литературный редактор: *Нелли Торня*
 Корректор: *Антонина Иванова*
 Художник: *Сергей Сулин*
 Вёрстка: *Людмила Ильина*

E-mail: russkoepole-md@mail.ru

ISSN 1857-1301

Отпечатано в типографии SRL "Metrompaş"
г. Кишинёв, ул. Фердедулуй, 4

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Перепечатка материалов – только с разрешения редакции журнала «Русское поле».

110
лет

Два особых юбилея

70
лет

ОЛЬГА БАТАЕВА

В конце прошлого года свой 110-й юбилей отпраздновал Пушкинский Дом – Институт русской литературы (ИРЛИ) Российской академии наук. С этим единственным в мире по своей неповторимости научным центром неразрывно связана история появления Дома-музея А.С. Пушкина в Кишинёве, 70-летие которого будет отмечаться нынешней весной.

Идея создания Пушкинского Дома возникла в 1899 году при подготовке к 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Тогда была образована специальная комиссия для проведения юбилейных торжеств. Ею руководил председатель Академии наук, один из образованнейших людей того времени, внук Николая I, Великий князь Константин Константинович, известный как поэт под творческим псевдонимом КР. Комиссия работала по трём направлениям: занималась сбором средств для установки памятника Пушкину в Санкт-Петербурге, изданием академического собрания сочинений поэта и собиранием пушкинских материалов для проведения юбилейной выставки. Юбилейная Пушкинская выставка состоялась в Академии наук и произвела настоящий фурор: в немыслимо короткие сроки удалось собрать в одном зале огромный материал, рассеянный по частным собраниям и различным учреждениям – почти 770 экспонатов, среди которых было 93 пушкинских автографа, книги и личные вещи поэта. Именно тогда в обществе возникло беспокойство о дальнейшей судьбе меморий: реликвии, находясь у разных владельцев, могли со временем затеряться и погибнуть.

К сожалению, тревога оказалась не напрасной. Так, на юбилейной выставке посетители с волнением разглядывали личные вещи поэта, среди которых был золотой перстень – талисман с сердоликом, подаренный Пушкину в Одессе Е.К. Воронцовой. Его умирающий поэт передал Жуковскому. От него реликвия перешла к сыну, а затем к И.С. Тургеневу, который желал «чтобы этот перстень был передан графу Льву Николаевичу Толстому... Когда настанет и „его час“, гр. Толстой передал бы мой перстень по своему выбору достойнейшему последователю пушкинских традиций между новейшими писателями». Красивой литературной традиции не суждено было получить развитие – после смерти Тургенева его друг Полина Виардо переслала талисман в Пушкинский музей Александровского лица, откуда он был украден в 1917 году вместе с двумя рукописями поэта.

Постройка скульптурного монумента затянулась, и в Академии наук возникло предложение о создании своеобразного памятника великому поэту – особого Дома, где было бы собрано всё, связанное как с Пушкиным, так и другими

знаменитыми русскими писателями. Эта идея очень понравилась великому князю Константину Константиновичу, который поддержал её, отметив, что на «такое просветительное учреждение гораздо легче будет привлекать пожертвования, чем на статую». Официальное учреждение состоялось 15 декабря 1905 года. Предлагались высокопарные названия – Пантеон Пушкина, Одеон имени Пушкина. В феврале 1907 года было изменено почти утвердившееся название «Дом Пушкина» на «Пушкинский Дом» и принято положение, которое гласило, что он «составляет государственное достояние и находится в ведении Императорской Академии наук». Тогда

же был сформирован небольшой штат сотрудников.

Велик вклад в создание нового, особого музея литературоведа Бориса Львовича Модзалевского, обнаружившего личную библиотеку Пушкина. Более трех тысяч томов с закладками и пометками поэта хранились в имени его внука и в 1906 году были приобретены за огромные по тем временам деньги – 18000 рублей. В библиотеке было 3560 томов, они составляли 1522 названия на 16 языках. Самое старое издание – «Божественная комедия» Данте 1596 года. Среди книг – художественная и историческая литература, труды философов, экономистов, этнографов. Сочинения по медицине и описания путешествий, астрономические трактаты, издания с песнями и обычаями разных народов, о происхождении слов, теории шахмат, сказки. Библиотека поэта легла в основание фондов Пушкинского Дома.

В становлении Пушкинского Дома как хранилища документов по истории русской литературы особую роль сыграло приобретение собрания А.Ф. Отто-Онегина в Париже. Пушкинист по призванию, он создал огромный музей, куда входили многочисленные рукописи Пушкина, русские и зарубежные издания поэта, литература о нём, пушкинская иконография и иллюстрации к его произведениям, а также документы, связанные с дуэлью и смертью поэта, с делами опеки над его имуществом и детьми. Кроме того, было много документов

Пушкинский Дом

по истории русской литературы XIX века, среди которых автографы других русских литераторов, а также 598 томов из личной библиотеки В.А. Жуковского. Хлопоты и переговоры о передаче этого собрания Пушкинскому Дому длились 20 лет. В 1925 году А. Ф. Отто-Онегин умер, завещав России всё своё состояние, в том числе и 600 тысяч франков, но лишь в 1928 году его бесценная коллекция в полном составе поступила в Пушкинский Дом.

В разные годы были приобретены рукописные и книжные собрания П.А. Ефремова и П.А. Плетнёва. Они дополнили фонды Пушкинского Дома уникальной библиотекой, включающей все издания русских писателей XVIII и XIX веков, библиографические справочники, альманахи и журналы. Редкостное собрание автографов, среди которых рукописи произведений и писем Державина, Карамзина, Дмитриева, Жуковского, Пушкина, Гоголя, Вяземского, Дельвига, Грибоедова, Баратынского, Гнедича, Рылеева, Некрасова, Тютчева, Тургенева, Салтыкова-Щедрина и других.

Собрание нового заведения складывалось довольно быстро. Желающих передать историко-литературные материалы в Пушкинский Дом было немало. Одной из первых портрет своей бабушки, воспетой Пушкиным в шедевре «Я помню чудное мгновенье...», принесла внучка Анны Петровны Керн. Создатели Пушкинского Дома как музея литературы «столкнулись с полной невозможностью отделить эту литературу от окружающего её быта... Эти соображения и привели к тому, что в коллекции музея Пушкинского Дома были введены отделы реликвий и отчасти предметов быта». Этот принцип стал впоследствии основополагающим при комплектовании фондов всех пушкинских музеев.

У новоиспеченного учреждения первоначально не было своего пристанища – все материалы размещались в сундуках и ящиках на чердаке Академии. В 1913 году, в результате ходатайств академика Н.А. Котляревского, Пушкинский Дом получил три небольших зала и вестибюль в главном здании Академии наук на Васильевском острове. Первая «пушкинодомская» выставка, состоявшаяся в том же году, а также развернувшаяся научная деятельность, результатом которой стали два номера «Временника Пушкинского Дома», показали, насколько успешно была реализована идея создания нового заведения. Однако вскоре разразилась Первая мировая война, и залы занял военный госпиталь.

После 1917 года запасники Пушкинского Дома пополнялись целыми коллекциями. В полном составе были переданы фонды Пушкинского музея Александровского лицея и Лермонтовского музея Николаевского кавалерийского училища. Пушкинский Дом стал крупным научным центром. В его библиотеке насчитывалось 30 000 томов, в рукописном отделении – 10 000 рукописей. Постепенно его коллекция росла, 1925 году в его ведение была передана последняя квартира Пушкина на Мойке, 12.

Свою обитель Пушкинский Дом обрёл в конце 1927 года. Он переехал в здание бывшей Петербургской таможни, где, по преданию, бывал и Пушкин. Сегодня этот адрес хорошо известен – набережная адмирала Макарова, 4. В 1930 году Пушкинский Дом получил статус Института русской литературы АН СССР (сейчас РАН). В 1934 году Дому был передан Псковский Пушкинский заповедник, а в 1947 году – весь состав Пушкинской выставки. В 1953 году были созданы

самостоятельные музеи: Всесоюзной музей Пушкина и Заповедник с центром в Михайловском. В ИРЛИ остались библиотека поэта и все его рукописи.

Особая страница жизни Пушкинского Дома – блокада Ленинграда. В первые месяцы войны коллекцию сознательно распределили по нескольким городам. Личная библиотека Пушкина, упакованная в 48 ящиков, оказалась в Свердловске. Рукописи авторов Серебряного века и огромное собрание книг XVIII–XIX веков оставались в осаждённом городе. Об этих днях сохранились документальные свидетельства. «В июне 1942 года была эвакуирована из Ленинграда в Казань основная часть научных сотрудников Пушкинского Дома. В Институте осталось всего тринадцать человек. Всем им пришлось взять на себя ответственность за сохранность материального фонда. Ведь далеко не все рукописные и музейные фонды удалось эвакуировать. Оставшуюся часть требовалось сохранять при соответствующем режиме. А сделать это было очень трудно: холод и голод, артиллерийские обстрелы и бомбежки мешали сотрудникам работать. <...> Бывали случаи прямого попадания снарядов в здание Пушкинского Дома. <...> После артиллерийских обстрелов все сотрудники чинили крышу здания, заделывали фанерой окна, производили уборку помещений. А сколько зажигательных бомб приходилось гасить!» В годы войны сотрудники института издавали «Оборонную серию». Это были книги и брошюры, которые на примерах русской классической и советской литературы раскрывали героическое прошлое и патриотизм народа. Город Петра выстоял, выстоял и Пушкинский Дом – уже в 1944 году состоялась его первая выставка. Рукописи Пушкина и Лермонтова вернулись из эвакуации в 1946 году.

С академическим Институтом русской литературы связана деятельность многих знаменитых писателей и учёных: А.В. Луначарского, А.Н. Толстого, М. Горького, который был в 1935–1936 его директором; Л.Н. Майкова, Б.Л. Модзалевского, М.К. Азадовского, М.П. Алексеева, Н.А. Котляревского, А.С. Бушмина, В.Г. Базанова, В.Э. Вацура, В.В. Гиппиуса, Н.В. Измайлова, В.М. Жирмунского, В.А. Мануйлова, А.С. Орлова, Б.В. Томашевского и многих других выдающихся литературоведов и пушкинистов. Огромен вклад в различные области научного знания – литературоведение, историю искусства и культуры, научно-организационную и преподавательскую деятельность академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва, чей авторитет был настолько велик, что его называли «совестью нации».

В Пушкинском Доме несколько довоенных лет работал научным сотрудником первый директор Дома-музея А.С. Пушкина Борис Трубецкой. Попав после освобождения Молдавии в Кишинёв, он отыскал первое место жительства поэта, чудом уцелевшее среди руин. Это был бывший заезжий дом русского купца И.Н. Наумова по улице Антоновской, 19, где опальный стихотворец жил с 21 сентября до середины ноября 1820 года. Всего лишь через год после окончания Великой Отечественной войны, 31 мая 1946 года, Правительство Молдавской ССР приняло постановление № 498 об открытии Дома-музея А.С. Пушкина «в целях увековечения пребывания великого русского поэта А.С. Пушкина в Кишинёве (1821–1823 гг.) и развёртывания научно-исследовательской работы по изучению этого периода». В своей знаменитой моногра-

фии «Пушкин в Молдавии» Б.А. Трубецкой писал, что музей был создан при поддержке писателей Андрея Лупана и Емельяна Букова и молдавского комсомола. Разбирая архив учёного, я узнала то, о чём он по различным причинам умолчал – ключевую роль сыграл К.У. Черненко, возглавлявший в послевоенные годы отдел пропаганды и агитации ЦК Компартии Молдавии. Он боготворил Пушкина и использовал своё влияние для скорейшего открытия кишинёвского музея.

Однако мемориальное здание было в плачевном состоянии – обветшали стены, провалилась крыша, да и кругом были одни развалины. После реставрации, которую возглавил главный архитектор Кишинёва Федор Петрович Наумов, домик Пушкина был готов принять посетителей. Своих экспонатов у нового музея, естественно, не было. На помощь пришли коллеги из Пушкинского Дома – они подготовили первую экспозицию и подарили подлинные раритеты, которым сегодня могут позавидовать многие именитые музеи. Среди них – 18 экспонатов основного фонда, до сих пор украшающие экспозиционные залы: первые прижизненные публикации пушкинских произведений, превосходные копии знаменитых портретов Пушкина кисти В.А. Тропинина и О.А. Кипренского, копия бюста работы И.П. Витали. Кроме того, были подарены около 700 экспонатов вспомогательного фонда, на которых и была построена экспозиция о жизни и творчестве великого русского поэта. В День памяти А.С. Пушкина, 10 февраля 1948 года, музей был торжественно открыт для посетителей, сразу став любимым и притягательным местом для кишинёвцев и гостей города.

Основные вехи истории музея: в 1964 году, когда директором был А.В. Сухомлинов, с помощью ленинградских коллег из Всесоюзного музея А.С. Пушкина, состоялось открытие филиала в селе Долна. В 1972 на территории усадьбы торжественно открыли памятник Пушкину работы Олега Комова (копия этого монумента украшает одну из площадей Мадрида). В том же году скульптурный портрет молодого Пушкина, выполненный известным ленинградским скульптором М.К. Аникушиным, украсил сквер кишинёвского музея.

В 1987 году, под руководством директора Е.Г. Сугак и поддержке председателя Совета Министров республики, видного политика и экономиста И.Г. Устияна, создан музейный комплекс, в центре которого находятся мемориальный домик и сквер, а ограждают его здания литературной экспозиции, научной библиотеки и фондохранилища. В 1999 году, к 200-летию юбилею А.С. Пушкина, в музее была открыта полноценная, основанная на подлинных материалах, экспозиция, посвя-

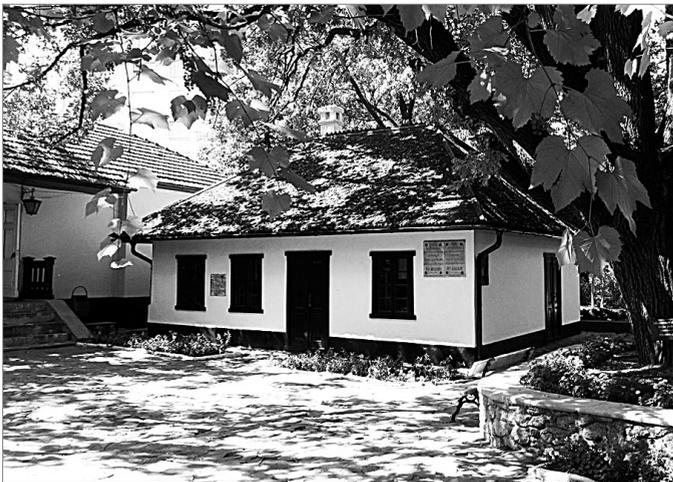

Таким был будущий музей в Кишинёве после войны

щённая трехлетнему пребыванию А.С. Пушкина в Молдавии – «Твоей молвой наполнен сей предел...». Осуществить это удалось только благодаря помощи Российского Посольства и личному участию посла России А.В. Папкина. Всего год не дожидаясь до этого знаменательного события Борис Алексеевич Трубецкой... В 2014 году, к 50-летию долнинского музея, в филиале была открыта новая экспозиция, знакомящая с хозяевами усадьбы и их знаменитыми потомками, с пребыванием в этих краях в 1821 году А.С. Пушкина и историей создания поэмы «Цыганы».

Борис Алексеевич до конца своих дней поддерживал отношения с музейщиками и коллегами из ИРЛИ, эти традиции продолжили сотрудники кишиневского музея. Мне тоже посчастливилось бывать в Пушкинском Доме, изумляться его раритетам, видеть подлинные рукописи Пушкина, которые хранятся в особой стальной комнате-сейфе, оставшейся со времен таможни, когда в ней держали золото и другие ценности. Описать чувства, которые испытываешь, глядя на листы, исписанные рукой Пушкина, сложно, но, замечу, что копии на бумаге XIX века, представленные в экспозиции кишиневского музея, трудно на глаз отличить от оригиналов. И это тоже дар Пушкинского Дома. Вместе с участниками научной конференции я побывала в особой комнате, где хранится библиотека А.С. Пушкина. Все хорошо помнят строгие ряды книг в кожаных переплётах с золотом в кабинете поэта на набережной Мойки, 12 – дубликаты книг из пушкинской библиотеки. Но вместо них мы увидели серо-голубые бумажные переплеты дешёвых изданий. У всех возник один и тот же вопрос: «Как это понимать?» Хранитель объяснила то, о чём знали и мы, но здесь это проявилось с особой очевидностью – первый поэт России был очень стеснен в средствах и вынужден был покупать самые дешёвые издания...

Творческие связи молдавских пушкинистов и музейщиков с Институтом русской литературы активно развивались в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Для участия в научных конференциях «Бессарабская весна» в Кишинёв приезжал академик Н.Н. Скатов, бывший директором Пушкинского Дома в 1987–2005 годах. Особо тёплые отношения сложились у коллектива музея с профессором,

Дом-музей А.С. Пушкина сегодня

доктором филологических наук, учёным секретарём Пушкинской комиссии Российской академии наук С.А. Фомичёвым. Сергей Александрович – человек необыкновенный. Несмотря на свой академический статус и всемирную известность в литературоведческих кругах, он очень прост и остроумен в общении, а его многочисленные

научные работы написаны живым и свободным языком. В качестве соредактора (вместе с учёным хранителем рукописей Пушкина Татьяной Краснобородько) он работал над подготовкой уникального труда – восьмитомного факсимильного издания «Рабочие тетради А.С. Пушкина» (СПб.; Лондон, 1995–1998), осуществлённого Пушкинским Домом и профинансированного Форумом лидеров Бизнеса под эгидой принца Уэльского. В результате этого проекта наиболее ценная часть рукописного наследия поэта (18 рабочих тетрадей Пушкина, в том числе кишинёвские, – всего около 2500 листов) стала доступна для всестороннего исследования широким кругам пушкинистов во всём мире. Это издание, выполненное на самом высоком полиграфическом уровне, приобрели библиотеки, архивы, университеты Англии, Италии, Швейцарии, Норвегии, США, Японии и других стран. Пушкинскому Дому было передано 100 комплектов (из общего тиража 800), из которых часть была подарена крупнейшим библиотекам России и ближнего зарубежья и всем пушкинским музеям России, Украины и Молдавии. Два комплекта уникального издания в Кишинёв привез С.А. Фомичев. Один из них хранится в национальной библиотеке им. Б.П. Хашдеу, второй – в Доме-музее А.С. Пушкина.

В неформальной беседе с сотрудниками музея Сергей Александрович рассказал о том, какие трудности пришлось преодолеть, «пробивая» этот международный проект. Самое сложное было заручиться согласием принца Уэльского. Пока ломали голову, как это сделать, узнали, что принц приедет с визитом в Петербург. Теперь возникла проблема – как «заманить» его в Пушкинский Дом. Академик Д.С. Лихачёв, используя свои связи и влияние, добился того, что ИРЛИ был включён в список посещаемых принцем мест. Вскоре приехала специальная комиссия, дабы удостовериться, что это место достойно посещения высокой особой. И тут возникло, казалось, непреодолимое препятствие: в старинном здании была не менее старая канализационная система, которая создавала в нижнем этаже и подвале неблагоприятный запах. Члены комиссии были категоричны: «О визите принца даже не мечтайте!» Но пушкинодомцы не привыкли отступать. Были закуплены огромные количества всевозможных средств для ароматизации и дезодорирования воздуха, в ход шли дорогие одеколоны и французские духи. Во второй раз привезти комиссию было отдельным подвигом. Но, посетив институт и тщательно поведив носами, строгие ее члены посещение разрешили. И вот, наконец, наследник британского престола принц Чарльз Уэльский, ознакомившись с Пушкинским Домом и его коллекцией, оказывается в святая святых – в комнате, где хранятся рукописи Пушкина. Впечатлённый увиденным, откинув голову назад и глубоко втянув в себя воздух, он вдруг произносит: «Какой запах!» Все наши пушкинисты в ужасе замирают: «Неужели унюхал?» А принц, выдержав длинную паузу, продолжает: «Как у нас в Кембридже!»

В настоящее время Пушкинский Дом – достояние не только специалистов, но и всех, кто интересуется историей русской литературы. В ИРЛИ работают более 100 докторов и кандидатов наук. Здесь хранятся 98% всех известных сегодня автографов «солнца русской поэзии» – более 12000 страниц, исписанных его рукой, свыше 500 адресованных ему писем, около 5000 документальных свидетельств о его жизни. За рубежом находятся всего 30 пушкинских автографов.

В литературном музее Пушкинского Дома собрано более 200 тысяч единиц изобразительных, документальных и историко-бытовых материалов, относящихся к русской литературе XVIII–XX веков. Его постоянная экспозиция включает в себя разделы: Г.Р. Державин, А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, А.К. Толстой, семья Майковых, Я.П. Полонский, Ф.М. Достоевский, великий князь Константин Константинович. В 1995 году Институт русской литературы был включён в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия России. В планах ИРЛИ открытие первого в России музея рукописей, где будут представлены манускрипты и автографы XII–XXI веков.

Посетителей Пушкинского Дома встречает словно сам поэт – в год 200-летнего юбилея А.С. Пушкина перед зданием был восстановлен классический бюст, созданный скульптором И.Н. Шредером. Двери этого гостеприимного Дома открыты для всех, ведь он является не только научным, музейным, но и культурно-просветительским центром. Ежедневно там проходят литературные чтения, конференции, семинары, вечера, концерты, выставки. Его сотрудники консультируют исследователей и музейщиков всего мира. Они с радостью приветствовали создание Пушкинской аудитории при Российском центре науки и культуры в Молдове, знают о нынешних проблемах кишинёвского музея. Об этом говорили на секции пушкинистов прошедшего в декабре 2015 года IV Санкт-Петербургского международного культурного форума, приуроченного к 70-летию ЮНЕСКО.

Имя, творчество и жизнь Пушкина навсегда связали Россию и Молдавию. И связь эта настолько сильна, что в какую бы сторону над нашей страной ни дули политические ветры, разорвать её не дано никому.

Ольга БАТАЕВА – родилась и живёт в Кишинёве. Окончила филологический факультет Молдавского государственного университета. В течение тридцати лет возглавляла экспозиционный отдел Дома-музея А.С. Пушкина, создавала музейные экспозиции.

В настоящее время – сотрудник Российского центра науки и культуры в Молдове, куратор Пушкинской аудитории. Автор книг «Благослови, поэт...» и «Твоей молвой наполнен сей предел...», а также многочисленных статей в различных периодических изданиях. Автор стихов Пушкинского песенного цикла (в соавторстве с композитором А. Арсений). Награждена государственной наградой Республики Молдова «За особые заслуги в творческой деятельности», медалью «Mihai Eminescu». Она – обладатель диплома «Персона года» в Молдове в номинации «Пушкинская горка – 2014» по версии общественной организации «Personalitate».

Поле славы

ПОБЕДИТЕЛИ

МИХАИЛ ЛУПАШКО

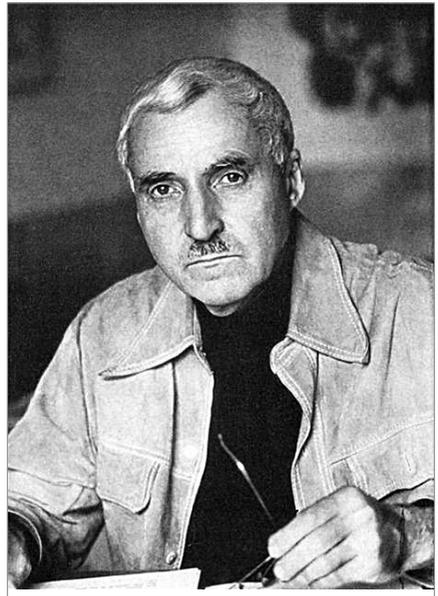
БОЛЬШОЙ ПОЭТ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ *К столетию со дня рождения Константина Симонова*

В июле 1941 года военный журналист Константин Симонов после нескольких недель ужаса, хаоса и смятения приграничных сражений ожидаемой, но всё же внезапно начавшейся войны, впервые за эти бесконечно долгие летние дни стал свидетелем стойкой обороны советских войск. Случилось это на Буйничском поле под городом Могилёв. Симонову в ту пору было двадцать шесть лет.

За боевыми порядками красноармейцев, за Днепром были Смоленск и Москва. Впереди – жестокий, обученный, хорошо вооружённый враг.

И – Великая Отечественная война. Народная, требующая предельного напряжения. Не на жизнь, а на смерть война. Его, Симонова, «Большая война».

Направление главного удара германских танковых клиньев было определено в плане «Барбаросса» предельно чётко: Брест – Минск – Могилёв – Смоленск – Москва. Шесть недель отводил бесноватый фюрер своим «белокурым бестиям» на то, чтобы моторизованные части вермахта, сокрушив в приграничных сражениях основные силы Красной Армии, цокая подкованными прусскими сапогами, вошли в Москву...

Удар бронированной лавины на «главном направлении» был страшен. Позже историки и на Востоке, и на Западе объективно отметят, что в истории войн не было столь подготовленного и неожиданного наступления... Не было...

Испытание, выпавшее на долю советских дивизий и полков в полосе наступления гитлеровцев летом 1941 года на западном направлении, стало мериллом героизма одних и чашей позора, трусости и предательства других. Потом Константин Симонов опишет эти горькие дни в романе «Живые и мёртвые». Расскажет об

этом так, как не рассказал до него ни один писатель. Честно, страшно, с болью... Горечь поражений того жаркого лета навсегда останется в его памяти.

Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.
Она такой вдавила след
И стольких наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верится, что живы!

Слово «вдавила» в этом коротком стихотворении, написанном в 1971 году, через тридцать лет после вторжения врага, не случайно. Танки генерала Гудериана, прорвав оборону на минском направлении, вдавили в землю тысячи и тысячи недавно призванных солдат Западного военного округа, утративших боевой дух. Симонов видел это своими глазами. Призванный в первый день войны, он оказался в самом пекле. Впору было сойти с ума. Ведь ещё недавно, летом 1939-го, во время сражений с японской военщиной в степях Монголии, у озера Халкин-Гол военный корреспондент Симонов наблюдал совсем иные картины. Там у горы Баин-Цаган советские танки разнесли в пух и прах оборону японцев и принудили противника признать поражение и убраться вон с территории Монголии. Именно в монгольском небе советские пилоты подавили авиацию неприятеля, завоевав полное господство в воздухе. «Что же случилось с теми, кто разгромил опытного, до зубов вооруженного японского милитариста-самурая? Отчего впал в ступор герой войны в Испании генерал Павлов? Как это случилось, что командующий авиацией округа не успел поднять в воздух тысячи советских истребителей, и они были сожжены врагом на аэродромах? Почему танковые части действовали разрозненно, не применяя опыт массированных ударов, приобретённый в Монголии?» – эти вопросы, как зазубренный штык врага, терзали душу Симонова, с детства привыкшего видеть в военных людях основу государства, его силу и надёжный щит. «Да, враг был твёрд и силен!» – позже напишет Симонов. Сила опытного убийцы, среди ночи ворвавшегося в мирный дом и пользующегося смятением и тьмой, пугала многих, оказавшихся летом 1941 года в Минском, Бобруйском и других котлах. Симонов был потрясён, но не напуган! С каждым часом, с каждым днём войны в нём росла ненависть к подлому оккупанту, врагу и насильнику. Ненависть давала силы противостоять обстоятельствам, вынести горечь поражений, безнадёгу, подозрительность «ребят из особого отдела» к вышедшим из окружения солдатам и командирам Красной Армии. Сорок первый – страшный по своим человеческим потерям и моральным издержкам год. Гитлеровская пропаганда обрушивалась вслед за бомбами и снарядами вермахта вал мутной лжи и дезинформации. Находились слабые души, которые этой пропаганде верили, сеяли панику. Симонов понимал опасность морального поражения, как никто другой. Страна ждала от него, военного корреспондента, автора нашумевшей пьесы «Парень из нашего города», сообщений о том, что враг остановлен, что танковые колонны гитлеровцев могут и

должны гореть. Симонов при всех обстоятельствах в глубине души не сомневался: так оно и будет, рано или поздно, но именно так!

Постепенно бойцы и командиры обретали силу и уверенность. Сопротивление врагу становилось всё яростнее, а рубежи обороны всё прочнее. Именно горящие танки немцев, прочную оборону и уверенных в победе над фашистами солдат и командиров Красной Армии 12 июля 1941 года увидел Симонов в расположении 338 полка под командованием полковника Кутепова. В этот невозможно долгий жаркий день на Буйничском поле бойцы полка при поддержке батарей 340-го легкого артиллерийского полка, 601-го гаубично-артиллерийского полка и 174-го отдельного дивизиона противотанковой обороны уничтожили 39 немецких танков.

«Я не был солдатом, был только корреспондентом, однако у меня есть кусочек земли, который мне вовек не забыть, поле под Могилёвом», – говорил потом Симонов. Впереди были война, Победа, подписание Акта о полной капитуляции врага. Историческое событие, при котором Симонов присутствовал лично. Испытывал ли он гордость в те минуты, когда спесивый фельдмаршал Кейтель (позже повешенный по приговору Нюрнбергского международного военного трибунала) поставил свою готическую подпись под признанием поражения гитлеровской Германии? Несомненно, испытывал! Не только потому, что это был великий день в истории. Но и ещё и потому, что его, Симонова, личный вклад в Победу был неоспорим. Да, он не был генералом или маршалом, но он был одним из духовных отцов той великой Победы.

*Военный корреспондент
Константин Симонов*

Человек на войне, тяжелый солдатский труд, незаметный героизм рядовых и сержантов – темы, которые были близки Симонову. Его фронтовые корреспонденции находили своего читателя и в Москве, и на уральских заводах, и в далёком Ташкенте, куда отправлялись эшелоны с эвакуированными. Подвиг – понятие громкое. Симонов старался избегать излишнего пафоса. Правда его строк – это правда человека бывшего там, где смерть подстерегала тебя каждую минуту. Из всех работавших на фронтах войны корреспондентов советских газет и кинохроники именно Константин Симонов провёл на передовой в расположении войск больше всего времени. Выполняя редакционные задания, он вполне мог ограничиться штабом фронта или дивизии. Но не таков был «этот парень из нашего города». Сам должен был сходить с разведчиками за линию фронта. Лично

принять участие в высадке десанта. Быть на борту подводной лодки, уходящей в рейд. Впечатления и образы людей, с которыми делил затыжку самокрутки и наркомовские сто грамм, переплавлялись в поэтические строки.

Начинена огнём земля;	И как последнее прости –
Не оступись, не хрустни веткой –	На жданный и нежданный случай
Вперёд, за минные поля	Им сказано: пора идти.
Уходит пешая разведка.	Чем проще сказано, тем лучше.
Всё пригнано, чтоб не греметь,	А после – ждут и в тишину
И приготовлено для боя,	Глядят за чёрный край передний,
И орден своих с собою	Уже не в первый за войну,
Им не положено иметь.	Но может стать – что в последний.

Смерть не раз заносила над Симоновым свою костлявую руку, но судьбой ему выпало остаться в живых. Время и эпоха выбрали его, чтобы нам, потомкам и наследникам Великой Победы и уже не существующей Великой Державы, остались правдивые свидетельства цены, которую заплатил народ за мирное небо. Народ и в его лице солдат заплатили сполна. Но как могло быть иначе? Великая Победа – великая цена.

«Я один из писателей, чьи книги связаны с войной. Обычно никому в голову не приходит назвать военный роман «производственным». Но если на минуту отвлечься от всех тех неповторимых условий, с которыми связано трагическое дело войны, то любой из моих военных романов можно при желании назвать «производственными». И сделай это кто-нибудь, мне нет причин сетовать на такое по форме странное, но по существу недалекое от истины определение. Да, все эти книги, в сущности, написаны о людях, которые работают на войне. И то, как они воюют, как занимаются этим свалившимся на их плечи тяжким делом, определяет моё отношение к ним. Я меряю их нравственный облик мерою усилий, вложенных ими в выполнение планов, мерою их решимости взять на себя ответственность, мерою их правдивости в докладах об удачах и неудачах».

(К.Симонов «Глазами человека моего поколения»).

Судьба вела Симонова по жизни к великой цели. Это так. Поверхностному наблюдателю может показаться, что более благостной и удивительной предвоенной биографии не найти в истории советской литературы. Ещё бы, в 24 года Симонов уже член Союза писателей СССР, автор поэм и пьес, удостоенных высших государственных премий. Но это только на первый взгляд. Всё было не так гладко и просто. Были годы полуголодного детства в военной семье. Был арест отчима и тревоги матери. Но обошлось, отчим, кадровый русский военный, вернулся в семью. «Там разобрались!» – только и сообщил он. «Там» в то время разбирались по-всякому. Отголоски оставшейся в истории страны «диктатуры пролетариата». Была учеба в ФЗУ и трудовые будни на московском заводе. Почти год молодой автор Симонов носил свои стихи зрелым редакторам. Талант паренька заметили. Помогли поступить в литературный институт. Последовали долгие командировки – на Север, на юг, туда, где держава укрепляла свои рубежи. Туда, где строили основы индустриальной мощи.

В то время Симонов пишет поэмы о людях долга, о тех, для кого собственный интерес – интерес страны. Так было. Драматургические опыты молодого автора оценила придирчивая московская критика, театральная среда. Он стал известен после шумной премьеры в Театре имени Ленинского Комсомола спектакля по его пьесе «Парень из нашего города». И сегодня эта пьеса, как и её кинематографическая версия с Николаем Крючковым в главной роли, удивляет своим героическим, светлым настроем. Хочется увидеть рядом таких же надёжных и смелых парней, как Сергей Луконин. Хочется, да нет их.

А ещё театр одарил Симонова большой любовью и самым большим личным испытанием. Валентина Серова – суперзвезда советского кинематографа, любимица вождя, вдова лётчика-героя. Этот роман и драма отношений двух талантливых людей заслуживают отдельного, честного исследования. Так или иначе, но этой личной драмой позже, во время войны, Симонов оценивал понятия «верности» и «терпения». Кто в этих отношениях причинял больше страданий – Симонов Серовой или Серова Симонову?.. Пятнадцать лет страна и лично Вождь наблюдали этот роман.

Будь хоть бедой в моей судьбе,
Но кто б нас ни судил,
Я сам пожизненно к тебе
Себя приговорил...

И жить не получалось и разойтись было невозможно, ведь сам Сталин присматривал за этой парой. И когда Серова позволяла себе уж очень скандальные вольности, её одёргивали. Брак «Девушки с характером» и «Парня из нашего города»... Любовь и война шли рука об руку. Очевидно, что не будь этой симоновской любви, вряд ли родилось бы трогательное знаменитое «Жди меня». Стихотворение-манифест сделало Симонова всенародно известным поэтом. Напечатанное в газете «Правда» 14 января 1942 года «Жди меня» разлетелось тысячами, миллионами списков. Позже вышел фильм под тем же названием. Миллионы советских людей на фронте и в тылу равнялись на тот

знаменитое «Жди меня». Стихотворение-манифест сделало Симонова всенародно известным поэтом. Напечатанное в газете «Правда» 14 января 1942 года «Жди меня» разлетелось тысячами, миллионами списков. Позже вышел фильм под тем же названием. Миллионы советских людей на фронте и в тылу равнялись на тот

высочайший уровень нравственной ответственности, заданный Симоновым в стихотворениях «Жди меня», «Открытое письмо», «Памяти друга».

Война, между тем, несла новые испытания. Лето 1942 года. После трагических ошибок советского командования, повлекших катастрофу на Харьковском направлении, в образовавшуюся брешь устремились 6-армия под командованием генерала Паулюса, названная Гитлером непобедимой, и 4-я танковая армия генерала Гота. Между бронированным кулаком врага и Сталинградом лежала степь. По ней отступали перемешанные, разрозненные части. Тогда-то и появился печально известный приказ № 227 «Ни шагу назад!».

Опять мы отходим, товарищ,
Опять проиграли мы бой,
Кровавое солнце позора
Заходит у нас за спиной...

Горькие строки. Накал противостояния достиг высшей точки. Тогда-то Симонов и написал одно из самых эмоциональных своих стихотворений. В собрании сочинений писателя оно названо «Если дорог тебе твой дом». Но тогда, в 1942 году, опубликованное 18 июля в газете «Красная звезда» и позже во всех советских газетах и журналах, оно называлось «Убей его!». Вот фрагменты из этого патриотического произведения.

«... Пусть фашиста убил твой брат,
Пусть фашиста убил сосед, –
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправдания нет.
.....
Так убей фашиста, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мёртвым стоял.
.....
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!»

Сталинградская битва во всех её подробностях и этапах была битвой Симонова. Он провёл в осаждённом Сталинграде несколько месяцев, изредка выезжая, вылетая в Москву, чтобы отчитаться корреспонденциями в редакции «Красной звезды». Главному редактору Ортенбергу приходилось сочинять грозные приказы «О немедленном прибытии военкора Симонова в редакцию». Так главред пытался сберечь своего лучшего корреспондента, сохранить его талант. Проведя день-другой в Москве, Симонов, не мешкая, летел снова в самое пекло, туда, где держали железную оборону его «товарищи по оружию». Повесть «Дни и ночи» рассказывает о защитниках последнего волжского рубежа. Героизм и будни фронтовиков, спокойная уверенность солдат, офицеров и генералов в том, что враг ни за что не пройдёт. Сказание о

Сталинграде и сталинградцах. Симонов в этом повествовании поднимается до уровня «Севастопольских рассказов» Толстого. Эту повесть, написанную буквально на коленке, среди развалин, огня и свиста пуль, пожалуй, можно считать одним из лучших произведений Константина Симонова о войне, хотя плохих у него просто не было. Сталинград стал переломной точкой Великой Отечественной и Второй мировой в целом.

На пушке танка

«От Москвы до Бреста» – наступать было не просто. Ещё труднее видеть разорённые города и сёла, горе миллионов людей. Симонов всё так же не задерживается в редакции, вместе с наступающими частями «с лейкой и блокнотом» первым входит в освобождённые города. Уже на завершающем этапе войны на территории Германии Симонов, поэт-солдат, подмечает особенность этих последних месяцев войны: чудовищная тяжесть испытаний откроет финал, последний аккорд этой величайшей трагедии в истории человечества. Хронология военных лет «Дневники войны» и роман «Живые и мёртвые» вышли в свет спустя десятилетия после майских салютов 1945 года. Но ощущение присутствия автора, его непосредственного участия в военных событиях, боевые ордена писателя сделали эти работы немеркнущими свидетельствами подвига многонационального советского народа.

Послевоенная страда, восстановление народного хозяйства. Новые горизонты культурной жизни. Мир во всём мире... Симонов раскрывается как видный общественный деятель. Он много ездит по миру: Югославия, Италия, Китай, Корея, Канада, США, Западный Берлин, Вьетнам. География командировок писателя обширна. Его пристальный писательский взгляд замечает нарастающие признаки дисгармонии, диссонанса. Переживший мировую бойню земной шар, казалось бы, должен через посредство Организации Объединённых Наций заняться поиском путей сотрудничества и братства. Но иные эпохальные ветры веют над континентами. Бывшие союзники советского народа в борьбе против гитлеризма всё дальше и дальше уходят от «духа союзничества», завещанного миллионами погибших во имя общей Победы. «Фултонская речь» премьера Великобритании Черчилля определяет перспективу ближайших десятилетий, как «священную борьбу Запада с мировым влиянием коммунистической России». В «священной» же борьбе все методы хороши.

Опять в газетах пишут о войне,
Опять ругают русских и Россию...

Настроения той эпохи повторяются, с поправкой на обстоятельства, переликаются с нашим временем. Атмосферу конца сороковых, начала пятидесятых

годов прошлого века Симонов отразил в цикле публицистических стихотворений «Враги и друзья» и пьесе «Русский вопрос». Найдётся ли сегодня театр, который бы поставил это пророческое драматургическое произведение Симонова? Сюжет пьесы основан на некоей истории американского журналиста Смита, в годы войны бывшего военным корреспондентом в СССР. Смигу, который честно писал о подвиге русского солдата, предлагают за очень солидный гонорар написать провокационную книгу о том, что «русские хотят новой мировой войны». Воротила крупного бизнеса Макферсон, владелец заводов, газет, пароходов, не оставляет Смигу возможности выбора. Отказ означает смерть – отлучение от профессии, алкогольную кому или автокатастрофу. Важно, чтобы человек, имя которого популярно в Америке, сказал: «Да, русские хотят войны!». Смит говорит своему другу репортёру уголовной хроники:

«Что-то случилось – или со мной, или с Америкой». Друг отвечает: «И с тобой, и с ней. Ты видел, что такое война, а она не видела. И потому у тебя с ней разные взгляды на будущее. Вот и всё». Увы – это не всё. Убедить среднего американца, британца, европейца в том, что «русские хотят войны» боссу нужно для того, чтобы реализовать свой далеко идущий план. Вот как сам Макферсон говорит об этом: «У меня для русских есть программа-минимум. Пять-шесть лет держать их под угрозой войны, не давая им оправиться, а потом потребовать от них всего трёх вещей: исключительной свободы рынка для нас – отмены монополии внешней торговли и сдачи нам крупных концессий. А в остальном пусть пока остаются коммунистами, это их личное дело». Как говорил другой великий поэт той эпохи Александр Твардовский, «... тут ни убавить, ни прибавить, так это было на земле». Так было тогда, в послевоенные десятилетия. Так обстоит дело и сегодня, спустя семьдесят лет после подписания Кейтелем Акта о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Свобода извлечения прибыли, индивидуализм, подмена смыслов – приметы и характерные признаки нео-либерализма, нынешней либерально-демократической имитации выборов и пребывания у власти международных и местных олигархических кланов! Тогда, в 50-60-е, Симонов предупреждал об этом – не услышали, не захотели услышать. Теперь вот, расхлёбываем!

Честный писатель, ответственнейший человек, мужественный общественный деятель. Потом, спустя десятилетия, уже отошедшему в мир иной Симонову, некие демократы начала 90-х, критиканствующие разрушители, ставили в вину близость к «коммунистической власти». Обвиняли в «придворности», придуманной ими же. Да, Симонов был убеждённым и последовательным сторонником той политической системы, но отношения его с высшей властью складывались непросто. Послевоенные веяния и приход к власти главного «кукурузника» страны Никиты Хрущёва стали для Симонова временем испытаний и гражданского мужества. Уже тогда подхалимы и прихлебалы, тучей облепившие Хрущёва, обвиняли Симонова, чуть ли не в апологетике «культы личности». Опала следовала за опалой. Выручали – немеркнущая популярность «Жди меня» и командировки по линии Советского комитета защиты мира. Впрочем, в ответ на обвинения Симонов заметил: «Да был культ, но была и личность!». Никита Сергеевич был в ярости. Стараясь угодить новому Хозяину, бывшие друзья стали сторониться Симонова.

«Дружба – дружбой, а служба – службой» –
 Поговорка-то золотая,
 Да бывает так, что без нужды
 Из рта она вылетает.

Чуть ругнут тебя на все корки,
 Гром – за дело ль, без дела ль – грянет,
 Под удобную поговорку,
 Как под крышу, спрячутся дряни.

Как под зонтиком в непогоду,
 Будут ждать под ней хоть полгода,
 С бывшим другом играя в прятки,
 Пока вновь не будешь « в порядке».

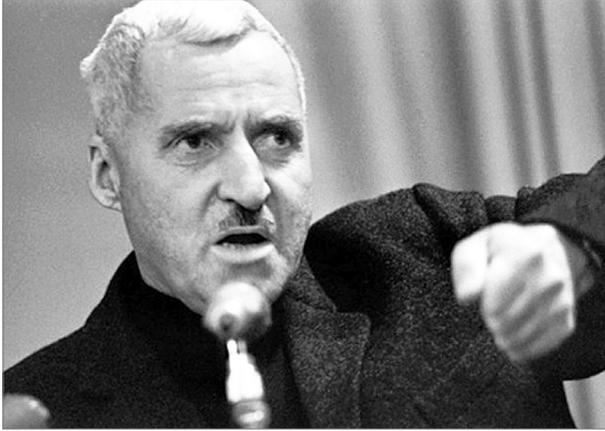
Упрекнёшь их – ответят тут же:
 «Дружба – дружбой, а служба – службой».
 Срам прикроют листиком шутки
 И пойдут, встряхнувшись, как утки.

Снова – ты им за дорогого,
 Снова помнят дорогу к дому,
 Долго ль, коротко ль? – До другого
 Им слышавшегося грома.

Не в одной лишь дружбе накладны
 Эти маленькие иуды;
 Что дружить не умеют – ладно,
 Да ведь служат-то тоже худо!

Стараниями «доброжелателей» в ту пору, в 1961-м, положили на полку фильм режиссёра Александра Столпера «Четвёртый» по сценарию Симонова, где сюжет перекликается с перипетиями пьесы «Русский вопрос». Кроме того, в фильме одна из не известных зрителю больших ролей Владимира Высоцкого. Увы, сколько ещё творческих открытий и находок Симонова было уничтожено чиновниками от культуры и идеологии! Совсем тяжко было пробивать Симонову «правду войны» в 70-е, когда те же подхалимы, пользуясь слабостями «дорогого Леонида Ильича» пытались представить «Малую землю» основным сражением Великой Отечественной. Не умаляя подвига новороссийских десантников и того факта, что Брежнев был на фронте, участвовал в боях, был контужен, признаемся, что то всё же были локальные, хотя, безусловно, кровопролитные сражения.

Зная войну в стратегических и бытовых подробностях, Симонов сделал всё от него зависящее, чтобы вернуть народу и стране имя и значение для Победы маршала Жукова. Это было непросто. Никита Сергеевич Хрущёв, обязанный Жукову своим восхождением на олимп власти, обошёлся с маршалом подло и бесчестно. Жукова словно вычеркнули из истории войны. Его не упоминали в мемуарах, а

Отстаивая свою позицию

если и случалось, то в откровенно негативном, фальсифицированном виде. Знавший Георгия Константиновича лично ещё с Халкин-Гола Симонов смириться с таким положением дел не мог. Он лёг костями, нажил ещё с десятков врагов, но провёл ряд телебесед с отстранённым от дел маршалом. Писатель горячо способствовал подготовке к изданию мемуаров Жукова.

«Он (Жуков – прим авт.) хорошо знал, что люди боятся смерти, что бесстрашие – это не то, что делается без страха, а то, что делается вопреки страху, мужество – это умение точно выполнить приказ, невзирая на угрозу смерти, а высшее мужество – это новый шаг навстречу смерти, когда буква приказа уже выполнена.

Он видел вчера вечером и ночью такое бесстрашие, и такое мужество. Он всегда верил, что так оно и будет. Но убеждение, проверенное боем, приобрело двойную силу. Он верил в этих людей, которыми командовал, ещё и потому, что сам был одним из этих людей, и, одну за другой пройдя все ступени службы, в разное время побывал в шкуре почти каждого из своих нынешних подчинённых.

(К. Симонов «Товарищи по оружию»)

Предчувствуя, подобно опытному фронтовому разведчику, приближение конца, Симонов настоял на том, чтобы диагноз от него не скрывали. По свидетельствам близких писателя, ему важно было знать, сколько времени остаётся для воплощения очень важной для него идеи: он хотел как писатель разобраться в «феномене Сталина»; в том, что при Хрущёве было названо «культом личности», а, по сути, было целой эпохой, этапом в жизни миллионов людей. Предвосхищая разорительные времена «горбачевской перестройки», селевого потока лжи, дезинформации и фальсификации советского периода в истории русского и других братских народов, входивших в трансконтинентальный проект СССР, Симонов до последнего дня работал над книгой «Глазами человека моего поколения». Зная не понаслышке, о том, какую «сладкую» рыночную судьбу готовят «бывшие союзники» для народов Советского Союза, Симонов ощущал острую необходимость проанализировать всё великое и всё страшное, что парадоксальным образом сочеталось в деле и имени Сталина. Анализ и выводы книги «Глазами человека моего поколения» адресовались идущим на смену тем, кто вынес на своих плечах тяжесть войны и груз послевоенного восстановления; тем, кто вывел человека в космос и сделал СССР мировой сверхдержавой. Симонов, как никто другой, понимал: без правдивого, всестороннего анализа сталинской эпохи, бреши и «белые пятна» обязательно будут заполнены другим «материалом». Убедительно и подробно распишут по этапам, объявят провальным, бесчеловеч-

ным и обречённым советский опыт, а вместе с ним и Великую Победу. Уже тогда он видел, куда клонит Солженицын, и почему его окрашенный личной обидой взгляд столь восторженно принимается Западом.

– В бой за Родину! – крикнул он хрипло.
 В бой за Ста... – так смерть обрубила.
 Сколько б самой горькой и страшной
 С этим именем связанной правды
 Мы потом ни брали на плечи,
 Это тоже было правдой в то время.
 С ней он умер, пошёл под пули.

«...Если я думаю сейчас о Сталине иначе, чем я думал в 1941 году, то я не чувствую себя виноватым в этом. Я вовсе не стыжусь того, что в 1941 году писал с фронта, из Заполярья в «Красную звезду» стихи, начинавшиеся словами: «Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?» Я писал их искренне и глубоко верил в этого человека». (К. Симонов «Переписка»).

«...Хочу коснуться ещё одного вопроса. Невозможно писать роман о Великой Отечественной войне, не упоминая там, где это исторически необходимо, имени Сталина. Но это ещё не всё. В художественном произведении, посвящённом прошлому, писатель обязан не только выразить свое собственное, сегодняшнее отношение к этому прошлому, в том числе и к личности, и к действиям Сталина, но обязан, показывая людей, живших в реальной обстановке этого прошлого, изобразить там, где это необходимо, тогдашнее отношение этих людей к Сталину. У разных людей — разное, с разными оттенками, но, конечно, у большинства из них очень далёкое от того, что сейчас думаем мы, знающие многое такое, о чём они не имели представления. Больше того, я думаю, что весь трагизм этой темы можно показать, лишь, если дать всю силу контраста между тем, что мы знаем о Сталине сейчас, и тем, что подавляющее большинство людей знало о нём тогда, в те годы войны; между теми чувствами, которые мы испытываем сейчас, и теми чувствами, которые в силу незнания подлинных фактов испытывало громадное число людей тогда. Без этого контраста, данного в полных его масштабах, не будет ни подлинной трагедии, ни полного историзма».

(К. Симонов, письмо «В редакцию современной советской литературы Гослитиздата» 10 ноября 1961 года).

Книга «Глазами человека моего поколения» вышла почти через десять лет после смерти писателя, в 1988 году. Более неудачного времени для её издания и не придумаешь! По стране гуляли сквозняки, бродили шумные толпы «перестроечных прорабов». Михаил Сергеевич не уставал ездить «в Рейкьявик», очаровываясь сиренами Рейгана и Буша. Правда истории от Константина Симонова оказалась не востребована. Дальше случилось то, что случается всегда и везде, когда плюют на могилы павших, позволяют чернить и фальсифицировать своё прошлое... Симонов этого не увидел. Господь уберёт его от ещё одного сорок первого года.

Он умер в 1979 году. Презируя смерть и диагноз врачей, он до последнего дня мужественно работал над сценарием художественного фильма о пути танкового

экипажа в последний год войны. Снять картину должен был Алексей Герман, до этого экранизовавший повесть Симонова «Двадцать дней без войны». Незадолго до кончины писателя Госкино СССР приняло его заявку на документальный фильм о маршале Жукове. Это мог бы быть великий фильм. Но смерть не позволила писателю реализовать этот светлый замысел, безжалостно поставила точку...

«Под Купянском, в июле,
В польнь, в степной простор
Упал, сражённый пулей,
Весёлый репортер.

Блокнот и «лейку» друга
В Москву, давясь от слёз,
Его товарищ с юга
Редактору привёз.

Но вышли без задержки
Наутро, как всегда,
«Известия» и «Правда»,
И «Красная звезда».

Писатель, гражданин, солдат Константин Симонов завещал, чтобы после смерти его прах развеяли на том самом Могилёвском рубеже обороны, над Буйничским полем. Руководство страны приняло решение похоронить Константина Симонова в Москве на Новодевичьем кладбище. Однако семья писателя наперекор властям выполнила волю усопшего...

Имя Константина Симонова увековечено на Мемориальном комплексе «Оборона Могилёва – Буйничское поле». На одной из аллей в 1980 году был установлен камень-памятник с факсимиле «Константин Симонов». С тыльной стороны камня – мемориальная доска с надписью: «...Всю жизнь он помнил это поле боя 1941 года и завещал развеять здесь свой прах».

Михаил ЛУПАШКО родился 20 ноября 1963 года в Кишинёве. В 1985-м окончил Молдавский государственный университет по специальности «журналистика». Главный редактор информационно-аналитического портала NOUTATI.MD. За укрепление доверия между двумя берегами Днестра портал награждён дипломом ОБСЕ.

Главное богатство – чувство юмора (иных сбережений не имеет). Женат (удачно).

С 2007-го по 2010-й год – редактор и ведущий новостей на русском языке в Общественной телекомпании «Молдова1». В течение двух лет преподавал на факультете журналистики МолдГУ.

В настоящее время – автор и координатор культурологических проектов международной интеллектуальной платформы «Dialog-Socrates». Автор сборника рассказов «Однажды в Молдове», повести «Растревоженный угол», исторических повестей «Бессарабець» и «Соль и Сабля». Лауреат Международного книжного салона и Национальной книжной палаты РМ (Перевёл на русский язык «Летопись Земли Молдавской» Мирона Костина).

Пушкинская горка

АЛЕКСАНДРА ЮНКО

КОГДА ОКНО РАЗБИТО

ПОДСОЛНУХ

Подсолнух растёт впелсуха,
вполголоса, но лепесток
каждый дрожит упруго
и тянется на восток,
испытывая восторг.

Жаворонок без продыха
насвистывает для него.
Запаха, света, воздуха
чистое естество.

Рядом с травой пожухлой,
окрестностей Адонис –
золото в зелени смуглой –
вывинчивается ввысь
и ловит небесный диск.

Переживает облако,
долгое, как зима...

Проснуться в поле подсолнухов –
Ван Гогом –
сойти с ума.

* * *

За городской заставой холмы в осеннем,
 синее небо выше и воздух чище.
 В плащике тощем кто там бредёт, рассеян?
 То ли сбивает орехи, то ли терновник ищет.

Для уха оглохшего и для души контуженной
 лечебный режим, и вокруг тишина такая,
 что на ветру звенит паутины кружево
 да с опустевших крон листва стекает.

И, как снаружи, станет внутри просторно,
 нет искушений, пока не придёшь с повинной, –
 дадут на орехи, напялят венки из тёрна...
 Торчат у дороги чёрные крестовины.

В этой копилке все времена и лета.
 Трофеи везёт Геродот в каруцах тряских:
 битые черепки днестровских гетов,
 заржавленный пистолет,
 сорванный эполет,
 венецианский стилет,
 скифский колчан,
 подковы кобыл хазарских.

* * *

*Памяти Бориса Викторова и тех времён,
 когда на Крутой стояли шатры*

Заросший сад кружит под листопад
 и вспять пускает стрелку часовую.
 Упасть в бурьян, подняться и попасть
 на улицу Крутую.

Хозяйка так же вешает бельё,
 и над корытом пар от вечной стирки,
 придурковатый малый, сын её,
 не попадёт на представление в цирке.

Бедняга только слюни пузырит
 да пялится, повиснув на калитке.
 Ах, акробатка, дунешь – воспарит,
 воздушный шарик, пенье аонид,
 за поясок привязанное к нитке.

Танцует лошадь, вскидывая круп.
 Медведь гуляет в юбочке и бутсах.
 И у жонглёра валятся из рук
 стаканы и тарелки, но не бьются!

А вечерами мамка гонит спать,
 когда гремит оркестр до поздней ночи,
 волнуется толпа, и листопад
 то охает в испуге, то хохочет.

Но снова будет утро, и пока
 подпёрто камнем колесо фургона,
 махнув брезентом, пылью в облака
 не улетит он с пустыря глухого.

В дырявое сгребашь решето
 бессмысленные памятки о прошлом,
 но не найдёшь билетик в шапито,
 тот мальчик никогда не станет взрослым.

И все же веришь в чудо, как дурак,
 во рту катаешь терпкий вкус гутуи*.
 Вдоль берега, потом в сырой овраг,
 по жёлтому карьере впопыхах –
 под полог, без билета, на Крутую.

ПРОВОДЫ

Проводы, поводы...
 Правота
 тех, кто однажды –
 и навсегда,
 так нам тогда казалось.
 Длинный сквозняк вокзала.
 Всё уже сказано, помолчим,
 рот искривляя туго,
 как бы из разных двух чужбин
 всматриваясь друг в друга.

Поезд ту-ту, уходить пора.
 Холодно в лёгком платье.
 Пустим по кругу, из горла,
 больше не надо, хватит.
 Город poblék и опустел.
 Тихо, как на поминках.
 Утром встаёшь среди голых стен,
 выцветших фотоснимков.
 Всё, как всегда, но надежды нет,
 разве что ехать следом.
 Так нам казалось – всему конец –
 тем бесконечным летом.

* Gutuie (молд.) – айва.

КОГДА ОКНО РАЗБИТО

Когда окно разбито, задувает,
привычный угол на куски расколот,
и по гусиной коже пробегает
великого пространства вечный холод.

Когда окно разбито, режешь пальцы
об острые края, и кровь трепещет,
прощаясь с телом, – плачут постояльцы,
но между делом собирают вещи.

Когда окно разбито, легче бросить
домашний скарб – кастрюли, миски, блюда,
вписаться в полотно Большая Осень,
и не вернуться, и не обернуться.

Шуршать ногами и бросать охапки,
и забывать дорогу постепенно
туда, где зябнут курточки и шапки,
пустые полки и пустые стены.

ХИМИЯ

Вывих времени, темени, имени –
только трубы кричат за стеной –
затянулся, как школьная химия:
резкий запах
и шкаф вытяжной.
И какими же были мы гордыми,
любопытательно правду открыв
и устроив
штативу с ретортами
показательный маленький взрыв.
Раздражение кожи от щёлочи,
разъедает глаза кислота.

Поскорее смещайте их, сволочи,
и останутся соль и вода.
Всё вокруг сожжено и расколото,
и реакция дышит в лицо.
Вены выстланы солнечным золотом,
но пробиты тяжёлым свинцом.
Ах, поэзия,
ветошь бумажная,
бедный лакмус эпохи своей,
и страдает молекула каждая
до звонка
у закрытых дверей.

В ОСЕННЕМ КОСТРЕ

В осеннем костре
всё дымит, не сгорает
отпущенный мне
героизм.
Десантником вниз
мимо крыши сарая
бедовый
бросается лист.
Курятник дощатый
с фанерной заплатой
кудахчет и хочет взлететь.

Куда ты, куда ты?
Родные пенаты
уже опустели на треть.
Еще мы подышим
под солнышком летним...
Но он, обреченный на слом,
шатается вслед
перелетным
последним,
хлобыщет
фанерным крылом.

* * *

Чернозём бессарабский
(щепку воткни – цветёт)
обращается в пыль,
и несёт её дальше ветер.
Урожай гниёт,
и кручина гнёт,
и глаза покрывает лёд.

В опустелом доме
никому
никого не встретить,
но аукнется:
песнями стёкла звенели...

Одинокое
в горьком пиру похмелье.

Уронила на землю
тяжёлые гроздья
гроза.

Улетели грачи, улетели.
И уже им видна еле-еле
между речек зажатая
несжатая полоса.

* * *

Эмигранты рухнувшего мифа,
беженцы в стране своей родной.
Кто не умер от сыпного тифа,
тот идет за хлебом и водой.

Глеет жизнь
ни шатко и ни валко,
без особых умственных затей.
Притерпелись,
как всегда,
но жалко
стариков и маленьких детей.

Всё, что оставалось от державы,
мародеры взяли да огонь.
В тупике стоит
на рельсах ржавых
маленький
отцепленный вагон.

* * *

Страна закрыта.
Все ушли на площадь.
Большие боссы скрылись в бункера.

Одни работают.
Другие ропщут.
А третьим похмелиться бы с утра.

А ты куда?
Ни с этими, ни с теми.
Кровавая печать горит во лбу,
и мнут бока, пока –
против течения –
идёшь сквозь оцепление и толпу.

* * *

Он проснулся, ещё не освоюсь,
а вокруг растянулся пустырь,
бесконечный уродливый комикс,
где слова выдувают в пузырь.

Что он может? Не бог, не воитель,
а ботаник и книжный червяк,
обладатель великих наитий
и мудрёных рецептов врача.

Но от этого пошлого китча
нет лекарства и ломит виски.
Он пехоту эпитетов кличет,
он метафоры строит в полки.

И – на штурм нарисованных башен
под шуршанье бумажных знамён!
Но никто не играет за наших,
все убиты, а тех легион.

Он один остаётся на поле
и сражается там до зари.
Пишет, чёркает, комкает, колет –
но не лопа, не лопа, не лопаются пузыри.

И потонет бумажный кораблик,
самолётик застрянет в кустах...
Только он, оловянный солдатик,
чуть качаясь, стоит на часах.

* * *

Сергею Пагыну

Отсюда унесу и вдалеке
нелепое, житейское, простое
найду потом в походном рюкзаке,
что мало весит и немного стоит:
пыль под ногами, выпитая зноем,
скулёж собачий, окрик петушиный,
овечий гурт, стекающий в низину,
пятак в кармане, яблоко в руке.

Пройду во сне окраинным двором,
а с улицы кричат: «Старьё берём!»,
и от печи теплом потянет сладко –
заплаканная бедная заплатка
между Прутом и медленным Днестром
пришита к сердцу крупными стежками,
дождями, листопадами, снежками
и звёздами над гаснущим костром.

От стылого берега редких берёз и осин,
где ветер срывает последние ржавые листья,
подняться бы в небо, в его беспредельную синь,
лететь и лететь –
и у тёплых ключей приземлиться.
И страшно подранку,
и сердцу ночами больней,
и тает вдали запоздалая милая стая,
но Серая Шейка осталась в своей полынье,
и корочкой льда, как вода, обрастает хрустальной.

КОМСОМОЛЬСКОЕ ОЗЕРО

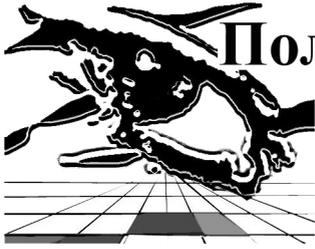
На фоне лестницы каскадной
Фотограф взводит аппарат
И замерли в толпе нарядной
Все – эдак лет на пятьдесят.

Тогда и небо было сине
И не отравлена вода.
Как – без усилий и уныний –
Мы были счастливы тогда.

Гуляют дедушки в панاماх,
Гарцуют девушки в носках.
И две девчушки с нашей мамой
Возводят замки на песках.

В изображении зернистом
На вечный полдень щурим взгляд.
Над озером парашютисты,
Как одуванчики, летят.

Александра ЮНКО – поэт, прозаик, эссеист. Живёт в Кишинёве. Родилась в 1953 году. Окончила филфак МолдГУ. Работала в школе, Доме-музее А.С.Пушкина, муниципальной еврейской библиотеке имени И. Мангера, различных СМИ. Как литератор и журналист печатается с 1968 года. Автор нескольких книг стихов, эссе, прозы (переводных, оригинальных и в соавторстве с Юлией Семёновой). Стихи и проза публиковались на интернет-портале «Подлинник», в альманахах «Связь времён» и «Поэзия – женского рода» («Согласование времён»), в итоговых сборниках конкурса малой прозы «Белый Арап», в сборнике «Прощай, Молдавия!» (Тель-Авив – Москва), в журналах «Русское поле», «Москва», «Семь искусств», «Артикль», «Порт-фолио», «45 параллель», «Дети РА», «Зарубежные записки», «Поэтоград» и др.

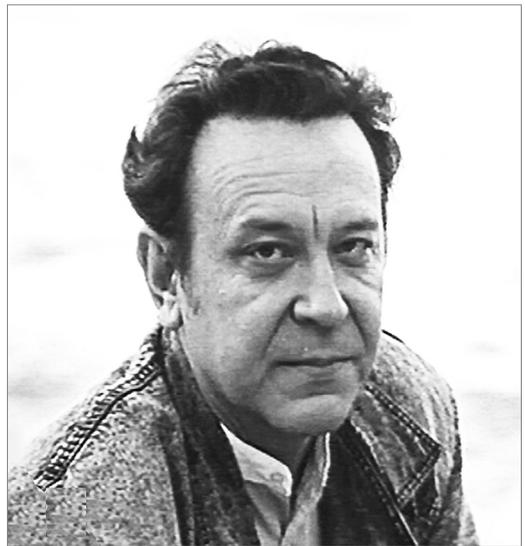

Поле зрения

ПОЗИЦИЯ

К 75-летию со дня рождения Юрия Кузнецова

«Сумеречный гений» русской поэзии – так называют Юрия Кузнецова. И, в самом деле, поэт, оставшийся без отца, погибшего в 1944 году в битве за освобождение Севастополя, словно вобрав в душу великую беду не только собственной семьи, но всех русских вдов и сирот послевоенного времени, кажется дисгармоничным и жёстким. Круто замешанная на глубинном русском фольклоре, на Мифе, его поэзия сбивает с ног беспощадной, не знающей компромиссов честностью. Россия – центральная тема поэзии Кузнецова, его неутолимая боль и любовь вечная. О ней его пророческие стихи, его страстная неподкупность в оценке постперестроечного времени – чудовищной ломки и уничтожения страны, целенаправленного циничного шельмования русской истории, русского человека. Вызывавший своей позицией и поэзией острые споры при жизни, оставив после себя преданных почитателей и яростных врагов, ведущий русский поэт второй половины XX века Юрий Кузнецов в Молдове почти не известен.

Ассоциация русских писателей Республики Молдова в предпоследний день зимы впервые в республике провела вечер его творчества в муниципальной библиотеке имени М. Ломоносова.

Предлагаем нашим читателям заметки постоянного автора «РП», доктора филологических наук, доцента Литературного института им. А.М.Горького, члена оргкомитета по проведению Кузнецовских конференций Сергея КАЗНАЧЕЕВА с научного форума, посвящённого юбилею и творчеству Юрия Кузнецова, а также – подборку особенно ярких, на наш взгляд, характерных его стихотворений.

НЕИЩЕРПАЕМОСТЬ ТАЛАНТА

В Литературном институте имени А.М. Горького в феврале состоялась десятая, юбилейная конференция «Юрий Кузнецов и будущее России». В ней приняли участие десятки специалистов: литературоведов, критиков, издателей. Это были люди самых разных позиций. Разговор состоялся деловой, глубокий и обстоятельный.

Наша конференция начиналась в довольно напряжённой атмосфере: накануне высказывались мнения, что это мероприятие нужно перенести на осень. При жизни к Кузнецову относились по-разному: одни его боготворили, другие порочили. Велика была опасность, что конференцию просто «замотают», и она не состоится. Вместе с вдовой поэта Батимой Каукуновой мы приняли нелёгкое решение проводить её, несмотря на сопротивление, ведь конференция была приурочена к 75-летию юбилею, и откладывать её было бы нелогично и несправедливо по отношению к памяти о выдающемся поэте. Наша идея – провести научно-практический форум именно в эти дни – оправдалась на все сто процентов.

Порассуждать о творчестве Юрия Кузнецова приехали его сторонники и ученики не только из разных уголков России, но и представители зарубежья: поэт и переводчик Роберт Винонен (Финляндия), азербайджанский писатель Годжа Халид; заочно среди участников конференции были Франтишек Апанович (Польша), Мамед Исмаил (Турция). Другие ценители поэзии Кузнецова, которые не смогли прибыть в Москву, пообещали прислать в оргкомитет тексты своих докладов. Грандиозная личность Юрия Кузнецова помогла преодолеть все препоны.

Участники конференции сделали и прослушали несколько десятков ярких, содержательных докладов. Программа форума не ограничивалась стенами аудитории: обсуждение важных вопросов продолжалось на уровне кафедральных и иных площадок, выходящих за пределы Литинститута.

Как организатор и ведущий этой встречи могу засвидетельствовать: разговор состоялся очень заинтересованный и, разумеется, не мог исчерпать всех аспектов многогранной деятельности Юрия Поликарповича Кузнецова. Моё сообщение касалось титанического масштаба его личности, которая даёт нам всё новые и новые возможности для её анализа и осмысления. Я уверен, что гений отличается тем, что берёт на себя колоссальные задачи в разных областях духа и плодотворно решает их.

Личность поэта поражает масштабом этих задач. И его проникновенная лирика, любовная, военная и патриотическая, и его ранние поэмы, и позднее творчество, включающее в себя такие визионерские сочинения, как «Путь Христа» и «Сошествие в ад», его проза и публицистика – всё это подтверждает мысль о том, что мы были современниками великого человека, титана духовной деятельности. Даже его редакторская работа потрясает грандиозностью свершений. Чего стоит хотя бы его миссия по редактированию трёхтомного издания книги А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». Казалось бы, это не дело поэта, ему бы писать стихи, а не корпеть над чужим сверхсложным исследованием.

Но все эти труды были выполнены Кузнецовым с честью и на высоком профессиональном уровне.

Впечатляет даже позиция, которую поэт занимал в среде собратьев по перу. Его слова «Звать меня Кузнецов. Я один, остальные – обман и подделка», которые некоторыми воспринимались едва ли не как мания величия, а на самом деле являлись простой констатацией очевидного факта. Могу подтвердить, что многократно во время писательских посиделок в Центральном доме литераторов, приходилось слышать, как другие стихотворцы самоуверенно заявляли: «Я – второй поэт в России после Кузнецова!». Его первенство не подвергалось сомнению, а тот, кто сомневался, бывал посрамлён и опровергнут логикой творческого пути Юрия Кузнецова.

Даже судьба, внешность и манеры поэта выделяли его из писательской среды. Отец, погибший на войне, служба в армии на Кубе во время Карибского кризиса, руководство творческим объединением московских поэтов, преподавательская работа в Литинституте, сотрудничество в издательстве «Советский писатель» – на всём этом жизненном пути лежит печать значительности. Некоторые современники Кузнецова упрекали его в высокомерии: дескать, вчера сидели за одним столом, нынче он проходит, не замечая тебя. Но в реальности никакого высокомерия не было: поэт часто был настолько погружён в себя и творческие планы, что не видел ничего вокруг. Могу подтвердить, что Кузнецов был замечательным собеседником, внимательным и по-своему деликатным. Жалею только, что мало успел повидаться с ним: всё ведь думаешь – куда торопиться, ещё сойдёмся поближе, а, глядь, – его уже и нет. То же самое было и с другом Кузнецова – Вадимом Кожиновым. Казалось, ещё наговоримся, встретимся у него на Большой Молчановке. А он ушёл так же неожиданно и безвременно... Общаться надо вовремя, большие люди часто покидают дольний мир внезапно: их отзывают высшие миры, как пел Игорь Тальков.

Приятно отметить, что беседа проходила в удивительной атмосфере доброжелательности и взаимопонимания. Позиции разные, а общий язык был найден. Под занавес конференции общими усилиями зафиксировали, что изучение наследия поэта должно быть продолжено, что и свидетельствует о неисчерпаемости настоящего, подлинного таланта.

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

* * *

Не выходят стихи. Ну и ладно. Забуду, покину
 Стол, чернильницу, сердце, решительно влезу в пиджак.
 Выйду в ночь, как в отставку, с презрением шляпу надвину,
 Саркастически толстые губы поджав.

Мама, мама, ваш сын неудачник. Ваш сын неприкаянный ходит.
 Разве можно так долго ходить? Разве можно так долго курить?
 Не выходят стихи. Понимаете, жизнь не выходит.
 Может, время жениться и шлёпанцев пару купить?

Я горю белым светом своих неподкупных бессонниц.
 Мой обугленный рот «Презираю!» кричит на меня.
 Я лопату беру и копаю в том месте, где совесть.
 Ненавижу стихи! Прометей, не желаю огня!

1965

* * *

ГИМНАСТЁРКА

Солдат оставил тишине
 Жену и малого ребёнка,
 И отличился на войне...
 Как известила похоронка.

Зачем напрасные слова
 И утешение пустое?
 Она вдова, она вдова...
 Отдайте женщине земное!

И командиры на войне
 Такие письма получали:
 «Хоть что-нибудь верните мне...» –
 И гимнастёрку ей прислали.

Она вдыхала дым живой,
 К угрюмым складкам прижималась,
 Она опять была женой.
 Как часто это повторялось!

Годами снился этот дым,
 Она дышала этим дымом –
 И ядовитым и родным,
 Уже почти неуловимым.

... Хозяйка юная вошла.
 Пока старуха вспоминала,
 Углы от пыли обмела
 И – гимнастёрку постирала.

1974

Поэзия есть свет, а мы пестры...
 В день Пушкина я вижу ясно землю,
 В ночь Лермонтова – звёздные миры.
 Как жизнь одну, три времени приемлю.
 Я знаю, где-то в сумерках святых
 Горит моё разбитое оконце,
 Где просияет мой последний стих,
 И вместо точки я поставлю солнце.

АТОМНАЯ СКАЗКА

Эту сказку счастливую слышал
 Я уже на теперешний лад,
 Как Иванушка во поле вышел
 И стрелу запустил наугад.
 Он пошёл в направленье полёта
 По серебристому следу судьбы.
 И попал он к лягушке в болото,
 За три моря от отчей избы.

– Пригодится на правое дело! –
 Положил он лягушку в платок.
 Вскрыл ей белое царское тело
 И пустил электрический ток.

В долгих муках она умирала,
 В каждой жилке стучали века.
 И улыбка познания играла
 На счастливом лице дурака.

1968

ЗНАМЯ С КУЛИКОВА

Сажусь на коня вороного –
 Проносится тысяча лет.
 Копыт не догонят подковы,
 Луна не настигнет рассвет.
 Сокрыты святые обеты
 Земным и небесным холмом.

Но рваное знамя победы
 Я вынес на теле моём.
 Я вынес пути и печали,
 Чтоб поздние дети могли
 Латать им великие дали
 И дыры российской земли.

1977

АФГАНСКАЯ ЗМЕЯ

Аллах и пуля в рай ведут душмана,
И русский сон тревожен в том краю.
Один солдат в горах Афганистана
Заметил полумёртвую змею.

Она на солнце узко отливала
Узорчатым чёрным серебром.
Он пожалел и каждый день, бывало,
Поил ее из миски молоком.

Уже змея солдата узнавала,
Уже она из рук его пила.
Других она к себе не подпускала.
Окрепла и однажды уползла...

Застава спит. В палатке сон глубокий.
В глухую ночь стоял он на посту.
И только вспомнил отчий край далёкий –
Опасность просквозила темноту.

И, уловив опасность по скольженью,
Присел от страха и узнал змею –
Та самая! И обвила за шею
Она его, как гурия в раю.

Хотел он встать, не тут-то было!
Змея вздымала голову пред ним,
В лицо шипела и в глаза глядела.
Так и сидел он в страхе, недвижим.

Как будто шум со стороны палатки,
Как будто тихо... Вечность протекла.
Змея, разжав кольцо смертельной хватки,
Его освободила. Уползла.

Он распрямылся и, мрачней заката,
Прошёл насквозь заставу, – кровь и прах.
Все вырезаны, все его ребята,
И первыми – кто были на постах.

Как жить ему? Его сомненье гложет,
Подумать страшно: может быть, змея
Его спасла, за счет других... О боже,
Печальна тайна, но она твоя!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Шёл отец, шёл отец невредим
Через минное поле.
Превратился в клубящийся дым –
Ни могилы, ни боли.
Мама, мама, война не вернёт...
Не гляди на дорогу.
Столб крутящейся пыли идёт
Через поле к порогу.
Словно машет из пыли рука,
Светят очи живые.
Шевелятся открытки на дне сундука –
Фронтовые.
Всякий раз, когда мать его ждёт, –
Через поле и пашню
Столб клубящейся пыли бредёт,
Одинокий и страшный.

Я пил из черепа отца
За правду на земле,
За сказку русского лица
И верный путь во мгле.

Вставали солнце и луна
И чокались со мной.
И повторял я имена,
Забывтые землёй.

1977

«Как он смеет? Да кто он такой?
Почему не считается с нами?» –
Это зависть скрежещет зубами,
Это злоба и морок людской.

Хоть они проживут до седин,
Но сметёт их минутная стрелка,
Звать меня Кузнецов. Я один,
Остальные – обман и подделка.

1981

ЛОВЛЯ РУСАЛКИ

Свет-русалка, ты слушала песни Садко
И на лунное солнце глядела легко.

Испокон с тобой дружат вода и земля,
Мирно дышат зубчатые жабры Кремля.

Твое царство живёт крепким задним умом.
Управляется прошлым, как рыба хвостом.

Бьёт со дна его чистый прохладный родник...
Но великий ловец ниоткуда возник.

Он явился, как тень из грядущего дня,
И сказал: «Эта тварь не уйдёт от меня!».

Ты дремала, не зная о близкой беде.
Он словечко «свобода» подкинул тебе.

Чтобы в тину зазря не забилося оно,
Ты поймала словечко – с крючком заодно.

Острый воздух хватаешь разинутым ртом,
Возмущая все царства могучим хвостом.

ПОЮЩАЯ ПОЛОВИЦА

Среди пыли, в разохшемся доме
Одинокий хозяин живёт.
Раздражённо скрипят половицы,
А одна половица поёт.

Гром ударит ли с грозного неба,
Или лёгкая мышь прошмыгнёт, –
Раздражённо скрипят половицы,
А одна половица поёт.

Но когда молодую подругу
Проносил в сокровенную тьму,
Он прошёл по одной половице,
И весь путь она пела ему.

РУССКИЙ МАЯТНИК

Качнулся влево русский маятник,
И нас налево занесло.
Налево чёрт, как понимаете,
Увеличительное зло.

На этом сказка не кончается,
Она уходит вглубь и вширь,
Где русский маятник качается,
Как на распутье богатырь.

Во всю ивановскую маятник
Ударил чёрта между глаз.
Идут часы, как понимаете,
И нас качает всякий раз.

Качнётся вправо русский маятник.
Направо Бог. Он нас простит.
Часы идут, как понимаете,
Покамест богатырь стоит.

2001

В ЭТОТ ВЕК, КОГДА НАШ БЫТ РАССТРОЕН

В этот век, когда наш быт расстроен,
Ты схватился с многоликим злом,
Ты владел нерукопашным боем,
Ты сражался духом и стихом.

Назовут друзья тебя по праву
Ветераном третьей мировой.

В этот день, когда трясёт державу
Гнев небес, и слышен плач и вой,

Бесам пораженья не внимая,
Выпьём мы по чарке горевой,
Потому что третья мировая
Началась до первой мировой.

ТАМБОВСКИЙ ВОЛК

России нет. Тот спился, тот убит,
Тот молится и дьяволу, и Богу.
Юродивый на паперти вопит:
– Тамбовский волк выходит на дорогу!

Нет! Я не спился, дух мой не убит,
И молится он истинному Богу.
А между тем свеча в руке вопит:
– Тамбовский волк выходит на дорогу!

Молитесь все, особенно враги,
Молитесь все, но истинному Богу!
Померкло солнце, не видать ни зги...
Тамбовский волк выходит на дорогу.

2003

ШАЛЬНАЯ ПУЛЯ

У меня весёлая натура,
У меня счастливая рука.
В чистом поле свищет пуля-дура.
Не меня ли ищет, дурака?

Вот она! Горячая и злая,
На лету поймал её в кулак.
Здравствуй, дура! Радость-то какая!
И в ответ я слышу: – Сам дурак!

Я причину зла не понимаю...
Брошу пулю в пенистый бокал,
Выпью за того, кого не знаю,
За того, кто пулю мне послал.

МОЛИТВА*

На голом острове растёт чертополох.
Когда-то старцы жили там – остался вздох.
Их много было на челне... По воле волн
Прибило к берегу не всех – разбился чёлн.
Спросил один чрез много лет: – А сколько нас?
– А сколько б ни было, все тут, – был общий глас.
Их было трое, видит Бог. Всё видит Бог.
Но не умел из них никто считать до трёх.
Молились Богу просто так сквозь дождь и снег:
– Ты в небесех – мы во гресех – помилуй всех!
Но дни летели, годы шли, и на тот свет
Сошли два сивых старика – простыл и след.
Один остался дотлевать, сухой, как трут:
– Они со мной. Они в земле. Они все тут.
Себя забыл он самого. Всё ох да ох.
Всё выдул ветер из него – остался вздох.

Свой вздох он Богу возносил сквозь дождь и снег:
– Ты в небесех – мы во гресех – помилуй всех!
Мир во гресех послал корабль в морскую даль,
Чтоб разогнать свою тоску, свою печаль.
Насела буря на него – не продохнуть,
И он дал течь, и он дал крен и стал тонуть.

* (Стихи были написаны Юрием Кузнецовым за девять дней до смерти).

Но увидала пара глаз на корабле:
Не то костёр, не то звезда зажглась во мгле.
Солёный волк взревел: – Иду валить норд-ост!
Бывали знаки мудреней, но этот прост.
Пройдя, как смерть, водоворот меж тесных скал,
Прибился к берегу корабль и в бухте стал.
И буря стихла. Поутру шел дождь и снег,
Морские ухари сошли на голый брег.
Они на гору взобрались – а там сидел
Один оборванный старик и вдаль глядел.
– Ты что здесь делаешь, глупой? – Молюсь за всех.
И произнёс трикрат свой стих сквозь дождь и снег.
– Не знаешь ты святых молитв, – сказали так.
– Молюсь, как ведаю, – вздохнул глупой протак.
Они молитву «Отче наш» прочли трикрат.
Старик запомнил наизусть. Старик был рад.
Они пошли на корабле в морскую даль,
Чтоб разогнать свою тоску, свою печаль.
Но увидали все, кто был на корабле:
Бежит отшельник по воде, как по земле.
– Остановитесь! – им кричит. – Помилуй Бог,
Молитву вашу я забыл. Совсем стал плох.
– Святой! – вскричали все, кто был на корабле.
– Ходить он может по воде, как по земле.

Его молитва, как звезда, в ту ночь зажглась...
Молись, как прежде! – был таков их общий глас.
Они ушли на корабле в морскую даль,
Чтоб разогнать свою тоску, свою печаль.
На голом острове растёт чертополох.
Когда-то старцы жили там – остался вздох.
Как прежде, молится сей вздох сквозь дождь и снег;
– Ты в небесех – мы во гресех – помилуй всех!

2003

Живой родник

НОВОЕ ИМЯ

НАТАЛЬЯ ГАНДЗЮК

ВОСХОЖДЕНИЕ КОТА ИЕРОНИМА

Сказка

А было это в краю, где деревьев, как пшена насыпали. Плавно текли, сбегали склоны, дороги и реки. Только горы вздымались да облака, облака да горы... Было место песку и башне, красиво изогнулись мосты, и на них незаметно склонились фигуры. В низинах огороды соединяли развалины замков, в небе птицы чертили фразы, фигуры и знаки.

Кто шёл в гору, кто под гору. Редко когда сталкивались путники – у каждого своя дорога. А если встречались, заводили беседу о долгом пути, о том, что ищут они место, где не страшно было бы встретить смерть, где желанно было бы встретить любовь. Посидят на холме, постоят на мосту, обнимутся да и пойдут... дальше.

В этом краю кресты стояли вольно на кручах, словно не умирали там люди. Козы лежали на реке, как на лугу, а проплывающий мимо рыбак отбрасывал в воду три отражения. Олени паслись вместе с коровами, и никто не гнал их обратно в лес. Птицы пели так дивно, что если не под одним, то под другим или под третьим деревом кто-то сидел и слушал даже в самую горячую пору. Работы всем хватало, и она была в удовольствии. А кто не хотел сеять, мог копнуть где-нибудь раз-другой и вынуть кувшин с драгоценностями. Кладов было зарыто видимо-невидимо, и все, кому не лень, закапывали свои. Подкопит кто-нибудь золотишка, зароет и забудет тут же. Изумруды меняли на сливы. Если кто шёл в гости к соседу – прихватывал колесо сыра, а возвращался с резным домом для пчёл, и они летели роём за новым хозяином. А кто-то придумывал себе работу: приделает к ноге плуг и волочит по полю, туда и обратно, только гляди – полы халата развеваются. К вечеру всё вспахано, белый шёлковый халат на верёвке болтается, а тот трубку раскуривает и комаров хлопает по пустым местам.

А трава там была такая гладкая и блестящая, что зеркало. Конь уставится на себя, про всё забывает, худеет, как от недуга, приходится ему глаза завязывать, чтоб ел. Гривы у лошадей были, что лён, длинные, хвосты такие, что можно было в землю врыть, и дети этим пользовались: то там, то сям – врытый конь. Очень

там любили колокольчики. Обвешивались ими сами и дома обвешивали, а ветер писал музыку, воплощал свой гений, и все его любили, как странного ребёнка.

А гордостью тамошних женщин была тень-печать птицы на платье. Разложат, бывало, платье в саду, не чают, чтобы упала туда птица. Но редким женщинам падала птица. Упадёт со всего размаха, помнётся и, как ни в чём не бывало, улетит. А на платье – еле заметная цветная тень, и если солнце как надо посветит, вся птица, как живая, видна. Чаще присаживались бабочки и не жалели пыльцы, а для них в саду – и петунии, и жасмин, и мальва, чего только не было...

А одной и птица в платок упала, и лицом хороша, и мужчина к ней свататься, а она его невзлюбила и за золотым конём отравила. Где он, милый, коня разыщет? Поехал на своём вороном. Год его нет, два, три... Девица нет-нет, да и вспомнит о нём, слезу обронит. На пятый год влюбилась, поняла, что жить без него не может. Корила себя да бранила, совсем извелась. Несла воду, услышала цокот, оба ведра разом из рук вывалились, и упала с птицей и прочим к нему в объятия. Конь золотой цокочет – больно глазам. Нацокотал возле дома гору золотого песка, обратно вороным сделался:

– Не нашёл я тебе, Ая, золотого коня. Пять лет искал, побывал в тех местах, где потерянные крылья архангелов лежат, и золотые ключи из-под земли бьют. Искушал в реке коня да к тебе, милая. Соскучился.

– Не нужен мне конь золотой. Без тебя и цветов не раскроется. Ты нужен. И птица в платье запела.

Усыпали они золотым песком дорожки вокруг дома и в саду, и были у них такие дорожки! И пяти лет как не бывало.

Был у Аи кот Иероним. Любил гулять по саду, коз, коров, дом, сметану и смотреть на облака любил. Мышей не душил. Играл с ними, строил в ряды и командовал, потягивая гласные и изображая из себя полководца. А хозяйка последнее время томилась, но Иеронима кормить не забывала, оказывала почести и уважение, но когда Иероним услышал цокот, ветер в него вошёл. Глянул в окно – конь золотой палисадник обтаптывает, и хозяйка там же у молодца на груди спрятана. Выскользнул во двор, а потом... такое запроисходило! Все тропы заветные котомки песком засыпали! Юли теперь по золоту... Щёки погорячели, не до сметаны, в сердцах за ворота – и в поле.

А там горох поспекает. Ястребы кружат, и в волны гороха – вниз головой, а от туда с зайцами. А в поле – зайцев! Посредине сидит дед о трёх головах и трёх бородах, смотрит в три стороны. То ли зайцев пасёт, то ли горох, то ли ястребов, то ли он пугало огородное. Потёрся об него кот – дед-то живой!

– Ох, мурчало, плохо мне...

– И мне плохо...

Погладил дед кота, и говорит:

– Замечтался я однажды, вышел как-то в поле и думаю: «Вот бы у меня было три головы! Ума втрое, слышал бы, видел втрое...». А они возьми да появись! И хлынули в меня солнце, облака, запахи, шёпоты, крики, цвета, цветы...

Закрываю два уха – четыре остаётся. Хочу пойти в одну сторону – другую голову тянет в иное место, а третья опережает вторую! И мыслей стало много,

и они воюют. Взлетел бы и там бешеной телегой разорвался. Сделал я, мурчало, шесть деревянных пробок для ушей. Четыре затыкаю, а когда и все. И глаза закрываю, но нет мне покоя.

– Минуты покоя – роса на блюде, всё время высыхают... К зиме три шапки нужно будет, – добавил Иероним и заплакал. И откуда в нём столько набралось? Плакал долго, успел и дождичек пройти, и солнышко выглянуть. Об чём плакал? Да только отвалились у старика две лишние головы, видимо, не об себе плакал кот.

– Оставайся, ясноглазый, говорит дед – служить тебе буду. Печь парчой и рябиной устелю, горнохрустальные кубки сметаной переполню.

– Не могу я. Отъел своё.

– Куда ты теперь, такой маленький да голый? Зверь к человеку липнет, что гнездо ласточкино. Возвращайся! Я тебя ждать буду.

А Иероним в край поля хуторами через лес, мостик – речушку, за храм, за холм, в гору. Оттуда море видать, что линию провели, и парусники выстроились. А нагруженные рыбой вдоль рек тянут кони. А по суше развозят тележки с цветами для действ из камней и тканей и ваз, и иногда сам Бог приходил полюбоваться на кратковременное нечто, и это время обретало титул вечности. Редкие мастера владели искусством в совершенстве. Их немного побаивались и называли Агами. Побавались и любили. Красивые были Аги. Одежды им ткали тонкие, носили им козье молоко, лёгкое вино, варенье, и прятались, потому что очень уж влюбчивые были Аги. А влюбившийся Аг терял способность составлять букеты, мучался, мерцал, ему было не до знаков и игр. И когда ещё влюбившийся Аг обретал покой сердца? А когда и умирал сразу же от страсти, поэтому от Агов прятались. Видят Ага – сразу в кусты.

Жили Аги на хуторах по краям деревень, в предгорье, в горах, в лесу. Их домики, как камушки, забрасывали в самые безлюдные места. Красиво! Но за это Аги платили одиночеством. Редкий Аг уходил к людям, не выдерживал, и такое бывало. И на них не сердились, принимали всюду, как самых дорогих гостей. И некоторые Аги втягивались, входили во вкус жизни, женились на женщинах, оставались насовсем. А какие и уходили обратно. Погуляет Аг, повеселится, попляшет в кругу и возвращается.

Иероним ступил на холм, который ему показался живым. Шагнёт кот, а холм отзывается, качается, едет куда-то. Иероним его еле миновал, на каменистую дорожку прыгнул. Видит – дом без забора, крыша слюдой выложена, конфеты валяются. Иероним сразу понял, что здесь Аг. Конфету в рот и в траву вжался, черносмородиновый сок по зубам потёк. А потом его любопытство разобрало – что там сегодня насоставлено? Полез вдоль дорожки к стене. Там ширмочка сиреневая выставлена. Перед ней на красном императорском бархате маленькая деревянная тележка с наваленным камышом. Торжество! Залюбовался кот, тут его Аг и сцапал. Стал гладить, в дом приглашать. Иероним размяк, потерял бдительность. А тот – зеленоглазый, светловолосый, небольшого роста.

– Оставайся со мной. Любви во мне много, не знаю, как быть. Буду тебя кормить, тебе радоваться.

– И сразу состаришься.

– Ну и пусть! Я своё золотое зеркало с горы в реку выброшу. Не отпущу. Поздно. Встретил тебя – сгину от слёз.

– Не убивайся так из-за кота. Найду тебе невесту под стать.

– Не нужен мне никто. Ты нужен.

– Ладно. Не найду – сам вернусь. А ты жди, и дела своего не бросай.

Царапнул Ага. Тот руки разжал и Иероним был таков.

Очень редко. Раз в сто лет или в тысячу, Аг женился на Агине. И если Аги были редкостью, Агини ещё реже попадались. Брак Ага и Агини считался счастливым предзнаменованием и огромным праздником для всех. В эпоху Иеронима самые древние старики не помнили, чтобы при них такое свершалось. Вот их деды, а, может, прадеды были свидетелями такого брака. И после – воцарялись особо благодатные и мирные годы. Звёзды рождались ежеминутно и светили с солнцем – ночью Солнце ещё и ещё раз выбегало полюбоваться. А чудес разных! Вход в небо был открыт и сообщение непрерывное. Ангелы зависали там и тут, ходили по воде, давали поносить крылья, и никто с крыльями не убегал – всегда возвращали. Иногда в небе открывалось окно, и оттуда кто-то смотрел. Под окном возникал воздушный поток. Смелычаки туда впрыгивали и вертикально вверх улетали. Иногда возвращались, иногда и нет. А вернувшиеся уходили из городов и населённых мест. Вернувшиеся становились Агами.

А Аг с Агинею, объединившись, творили букеты, расписывали скалы, исцеляли рыб и родники. Живности плодилось по всей Земле видимо-невидимо, и лён – выше крыши. Вот такие были времена.

Так думал Иероним, скользя в гору. Уже ручеёк с оленями позади, и кизил с шиповником дымом стелется, и крепости – что мышата. А дома Ага совсем не видать. Только птицы над ним колечком, там и дом.

Ничего, думал Иероним, возвращаться всё равно некуда, найду где-нибудь Агиню, открою новую эпоху. Махал хвостом, сосал прихваченный леденец и прыгал на новую скалу. И так распрыгался – всё вокруг замечать перестал, только в ушах свистело. Вдруг слышит, откуда-то сверху рокочущий бас:

– Стой! Здесь не прыгают. Здесь граница тайного служения.

Глядит Иероним, на кончике скалы козёл устроился, большой да красивый. Шерсть чёрного шёлка, а рога улиткой закручены, и по ним жидкость ртутная струится – серебрится. Стоит козёл на самом кончике скалы и не падает:

– Посмотри наверх.

Наверху за плечом козым на всех скалах и выступах такие же козлы торчат, чем выше, тем незаметней. А самые дальние сами в скалы превратились.

– Горы козлами растут. Толсты и живы. А ты что. Героем хочешь стать? Герои здесь не прыгают. Тут им кошеловка.

Как сказал это – туман на скалы стал опускаться, ничего не видать, только рога светятся.

Испугался Иероним:

– А что здесь все в скалы превращаются или только козлы?

– Козлы превращаются, а про других не знаю.

– А золотые ключи и крылья архангелов потеряны, это здесь?

– Что тебе до золота? У вас на равнинах оно грудами наложено, только б не совались. Зеркала из золота выкладываете. Чего пришёл? Здесь идёт работа, здесь возвращение к чёрной традиции. Здесь тайное служение, а ты хвостом размахался.

– А вам не страшно... так... умирать?

– А ты любовался козлами, которые только и знают, что всюю кусты к земле пригибают? У каждого своя смерть. Мы не стремимся, но здесь так, как есть.

А в тумане коту семиглазые тенежверы мерещатся. По три глаза на лице и по глазу на лапе. Кривляются, смеются над котом. Дохнут, а из пасти полынью пахнет, так и кланяется кот. Шепчут: «Мы из тебя блох изгоняем». Иероним совсем замаялся. Кашляет, полынным духом обкуренный. То ли туман вокруг, то ли страшилища раздымленные. Опять козла слышит: «Ориентируйся по рогам и иди вдоль скал, прижимайся к ним. Какой же ты кот, если на середину площади выходишь?». Смотрит кот, рога – что фонари в туманомасле расплылись. Дрожит, но идёт. Шёл, шёл, пока совсем не ослаб. Прикрыл глазоньки, прислонился к скале и в тёплой реке поплыл в сон вопреки всем страхам.

Проснулся – и как и не было ничего. Утро слёзоньками промытое, лежит под деревом-великаном. А дерево облаками дышит. Дышит, и они у него на ветвях. Что яблоки спеют. Дерево почти у неба. И до него можно, приставивши длинную лестницу, дотронуться. И она приставлена. По ней шлифовальщик неба и облаков снуёт туда- сюда. Небо моет, в утро отправляет, облака в корзинку складывает, шлифует и гранит и, как птичек, в небо подбрасывает. Они вокруг него кружат, дождём одно в другое целятся, а до земли ни капли не долетает. Вокруг – вершины, вершины, а глянул вниз – все козлы уже в скалы превратились, кроме одного. Помахал ему кот, а тот прямо на глазах стал чёрным блестящим камнем. Иероним к облакомойщику, а тот хохочет, облака точит и рукой куда-то в сторону показывает, и там, чёрная квадратная площадка, в центре – колодец, и над ним белокурый юноша красоты невыносимой. Иероним к нему:

– Здравствуй, черноквадратный Аг!

Юноша не отвечает, с его головы седые волосы облетают, шепчет:

– История чёрного мрамора начинается в бездонном колодце, куда падают мои лица. Я перелистываю. Седые волосы проникают в тела чёрных козлов. Паутина чёрного мрамора. Рисунки Нарцисса.

– Ты рисуешь своей жизнью?

– Время рисует моей смертью.

– У тебя есть сестра?

– У меня есть невеста, но я её никогда не видел.

– А она тебя?

– Думаю, что нет, а может... Я совсем ослаб. Не могу больше говорить.

Ещё одно отражение выпало из лица юноши и кануло в чёрной воде. Иероним помчался быстро, боясь опоздать, смутно, по воспоминаниям сна, нащупывая запах, минуя колючки: «Чего ты хочешь? Ты хочешь варенья? Ты ведь любишь варенье. Я знаю. Я спал и видел чудесный сон. И пахло вареньем». Покусал злыдней. Они завизжали, разбежались, открылись ворота резные. И там, на зелёной

лужайке стоит медный таз величиной с маленькое озеро. Над ним жертвоприносите-ль ложкой помешивает, ягоды на свет просматривает. А запах! На двенадцать гор вокруг! Кувшины с мёдом и жидким серебром расставлены. Он этим банки размалёвывает. А банок! Из хрусталя бордового и голубого...

– Ты кто такой? Знаешь, кто здесь угощается?

– Догадываюсь. Тем лучше. Давай мне банку.

– Бери, кот, я бы всех угостил, но редко кто ко мне поднимается, потому варю для тех, кто спускается.

Откланялся кот в пояс, понёс банку, что ребёночка, кормил Ага с ложечки, всё в него влил до последней капли, а тот ожил, крепче над колодцем встал, не то, что пушинка:

– Спасибо тебе, кот. Знаю, что ищешь ты невесту с пригорья, и покажу, где живёт она, моя наречённая! Но, думаю, не пойдёт она с тобой. У неё своя смерть. Она начинает историю белого мрамора. Живёт высоко. Выше меня. Видишь ты скалу? Она уже в снегу...

Иероним не дослушал, уже бежал о небо лбом постучаться. Добежал. Отдышался. Огляделся. На вершине скамеечка белая стоит. Кругом ничего нет. Небо вокруг и сверху... Дали неоглядные. Услышал звон колокольчика, вспомнил свою деревню, сад с карпами, печь наливную, Аю ненаглядную... И так у него сердце заныло, заохало, память в пелёнку запеленало и закричал кот неслышным криком. А к скамеечке сухоньякая старушка идёт, корову ведёт о мраморных рогах. Села на скамеечку, доит себе, а молоко в снег проникает, и дальше – в камень белый, а скала та вся под снегом мраморная, на выступах – зеркальные обломки крыльев архангелов. И старушка странная попалась. Шаг ступит, на второй в тень превращается, на третий исчезает, на четвёртый её опять видно. Иероним не успевал за всем присматривать. Корова весёлая и не холодно ей на снегу. Головой мотает, бубенчиком звенит, а от молока пар идёт. Иероним потёрся о ноги, заглянул в лицо, а оно ясное, без единой морщинки, ещё раз заглянул, а оно постарело лет на пятьдесят.

– Котик! Ты кого здесь ищешь?

– У вас есть... дочь?

– Нет.

– А сколько вам лет?

– Я, котик, давно перестала года считать.

Совсем опечалился кот. И тоска его съедает, и Агиня эта его Агу не подходит, и устал. Говорит Агине: «Тебя».

– Кажется, я умру скоро. Ты прости, что у тебя на глазах, нет сил спускаться.

А Агиня ему:

– Ты моего Ага вылечил, теперь я тебя вылечу.

Молока в ладонь нацедила, Иероним полакал из последних сил и почувствовал, как внутри его тела травы прорасти начинают и цветы распускаться. Вспомнил себя маленького, как всё тогда пахло, виделось...

– И как ты здесь живёшь, на горе, на сахарной?

– Как крыжовник в снег бросается. Хочешь, расскажу сказку? Жил-был подсолнух, гладкий да ясный. Его пасли три пчелы. Один подсолнух – корова трёх

пчёл. Пчёлы до зари вставали, лицо ему умывали, к солнцу готовили. В полдень подсолнух плакать начинал. Пчёлы тут как тут. К вечеру смешают их с пылью, и – детям пирожки. Увидел однажды подсолнух чаек. Низко они летели, о море говорили. Захотелось подсолнуху в море искупаться. В ночи поднатужился, вышел корнями из земли и пошёл море искать. Дошёл до поля овса. Видит – волны, и в них четыре подсолнуха стоят. Встал пятым. Утром ветер подул, волны плещутся, только голова жёлтая торчит. В полдень – слёзы на лице, а стереть их некому. Купался с утра до ночи, слёзы в смоляной жемчуг превратились, и сам иссох быстро до ног, сгорбился и упал.

А три пчёлки искали подсолнух, обыскались, только глубокой осенью нашли, когда земля оголилась. Посидели над ним, поплакали, омыли лицо сухое – пустое и улетели. Говорит Агиня, платочек беленький, а Ироним думает: «Это же про меня! Пора мне спускаться. Ни к чему это, пчёлам в озере мокнуть, а уткам в цветах укрываться». Поблагодарил старушку, откланялся. С коровой попрощался, а Агиня говорит:

– Котик! Ты выпил молоко бессмертия, теперь года перестанешь считать...

А Иероним вниз спускался, неторопливо, неслышно, видел ключи золотые, видел чудеса да богатства несметные, да не нужны они ему были вовсе. А понадобилось ему домой, по дороге брата повидать. По лесу поплутал, да вспомнил: овражек, речушка, дубовая рощица, а дубы растут медленно- медленно... Вот и след ноги богатырский, а вот и избушка!

А лесник неподвижный лежит, что бревно. И брата в доме нет и за порогом.

– Что с тобой, борода, и где мой брат, Иероном?

Еле шепчет лесник:

– Иероном откуда-то цыплят стал таскать, я его и запер в чулан.

А из чулана:

– Не таскал я цыплят, обманывает хозяин! Устал он мне радоваться, озлился и спрятал, чтобы я под ногами не путался. Хозяйство у него, видите ли, большое, не до кота.

А голос родной, хороший! Выше травы за бабочками прыгали. Открыл чулан Иероним. Обнялись братья.

– Ну вот, Иероном, отпустил я тебя, а теперь ты его отпусти, хозяина своего.

– Да не в обиде я.

Иероном на радостях кашлянул пару раз, лесник поднялся и сразу – в погреб за ореховым вином и сметаной лосиной. Посидели за столом. Поведал Иероним о своём путешествии, вспомнили добрым словом Аю. Спросил Иероним, как здесь житьё-бытьё. И лесник рассказывал, что всё, как и прежде, и чудес разных, что листьев, и мухи мнут – не заснёшь, и пчёлы на чердаках себе дома лепят.

– А Ая с мужем в аистов превращались, облетали все равнины и горы, тебя искали. И сюда залетали, спрашивали. А Ая говорит: «Не будет нам счастья без Иеронима». Как сейчас помню. Потом взбирался на высокое дерево – смотрел. Вернулись, и каждый день рыбу на крыльцо выкладывали. Ждали.

И так Иерониму домой захотелось, что сразу хмель прошёл, и хотя была ночь, как в котёл засунули, ошупью побежал. К рассвету миновал дом Ага-цветочника,

холм-поплавок, и дальше, дальше... Сердце аж похолодело, съёжилось, не может калитку распахнуть... Распахнул.

Петухи запели все разом, карпы из бассейна выпрыгнули, подсолнухи головы повернули. Ая на крыльцо – и в глазах потемнело. Еле живого в дом внесла, на перине устроила, баню растопила, умыла, печь цветами разрисовала. И не было конца-края радости.

Эпилог 1.

А Иероним жил и жил. Поселился на чердаке, стихи стал писать, вроде тако-го: «Когда бабочка сядет к тебе на грудь,
Не отчаивайся».

Словом, мудрый был кот. А однажды приходил брат с гостинцами лесными и новостями: недавно те горы посещал художник и изобразил Иеронима в виде святого, с книгой и львом, над лесом, в скалах.

– И пейзаж на той картине наш, с нашими хуторами, замками, оленями, всё похоже. Дюжий художник. Только ты, Иероним, там на себя не похож, и я подумал: может, всё же не ты там, на картине-то...

Ели пирожки с грибами и детей угощали. А через год умер Иероном. Похоронил его Иероним под самым высоким деревом. Потом и Ая состарилась, а семья её стала большая- пребольшая, что деревьев в саду.

А однажды ушёл Иероним. Ушёл и не вернулся. И никто не искал его. Знали, что не найдут ни живым, ни мёртвым.

Эпилог 2.

Что же ты так плачешь, надрываешься?..

Меня – тебя – нет выхода из плена
Объятий снега – воздуха – и мы
На ниточках живых натянутых нетленно
Друг друга ищем в зеркалах зимы
Я не могу тебя достичь – дожждаться
Я весь – движенье – постиженье дна
Впотьмах снежинки прячутся за братьев
За спинами людей, за островами сна.

СУТРА* УТРА

Сердце – дельфин
 Вместе с солнцем
 В небо выпрыгивает.
 И. Для Тебя
 Полосы вечного света
 До гула в ушах
 До остановки ума.
 Пробел. И опять
 Это бесстрашие птицы
 Летящей сквозь солнце
 На ощупь.

Эй, путник! Если можешь, отнеси наверх нашу любовь!
 Отнеси в то место, где сможет она дышать
 Где крылья расправит,
 Парить будет, жить будет.
 Эй, путник! Если можешь,
 Отнеси в глубину Океана нашу любовь!
 Забери с берега, облей её водой, укутай её волнами.
 Там, на дне Океана откроет она глаза.
 Плыть будет, жить будет!
 Эй, путник! Забери же нашу любовь!
 Отнеси в сады виноградные!
 Отнеси в поля спелые!
 Отнеси в кузницы бойкие
 Отнеси в храмы высокие!
 Отнеси в подземелья невозможные!
 Родилась любовь
 Диво – Дивное
 Да не можем мы её вскормить – вынянчить...
 В душах слабых она не помещается!
 Рвётся, рвётся душа, рвётся – не тянется...
 Эй, путник....

*Сутра – в древнеиндийской литературе – афоризм, лаконичное высказывание, содержащее утверждение философского характера.

Яблоко с поцелуями
Каша с поцелуями
Сын растёт!

Золотые монеты
В карманах у пчёл
В обмен на Погоду.

Сорок монахинь
Во дворце из мрамора
Умирали тихо
Чтобы не разбудить шелковичных червей
В зимнем саду.

БЛАГОДАРНОСТЬ!

За пути Твои
За любовь Твою
За то, что снимаешь печати
За то, что меняешь и прощаешь
За то, что даром ничего не даёшь
За то, что каждый шаг наш предопределён
За то, что мир разумен, как может быть, будем разумны мы
За то, что посылаешь нам близких
За то, что не сможем понять умом
За то, что болезнью даёшь неосуждение
За то, что обязаны быть
За то, что не знаем
За напряжение, заставляющее почувствовать, что мы другие
За расслабление, позволяющее ощутить, что мы другие
За сейсмическую неустойчивость
За То, беспредельное, волнующее, за жизнь, за смерть, за....

Холодеет душа
У камыша
Рученьки распростёр
На все стороны света
Ищет лето.

Куры несутся яблоками
Несутся картофелем
Лунами, слёзами, арбузами, звёздами
Не зная запретов,
Куры несутся
Белыми раковинами.
О! Ты порезался об острый край?
Куры мокрые раны
Вытирают гребнями
И укрывают крыльями упавшие замертво сливы
Молодость чью-то оплакивают
Несутся, несутся....
Солнцами, комьями жирной земли
Несутся...

Давно закончился дождь
Но всё плачет подсолнух
Над опустевшим полем.

Долог мой путь
А у меня в кармане
Горсть диких яблок
И леденящий ветер.

(Пунктуация авторская)

Нива науки

НЕЛЛИ ТОРНЯ

«ДУША СБЫЛАСЬ...»

В январе, в благодатный православный праздник, в Татьянин день, в Доме национальностей русский мир молдавской столицы чествовал известного не только в нашей стране ученого-русиста, профессора, доктора педагогики, доктора хабилитат филологии, ректора Славянского университета Татьяну Петровну МЛЕЧКО. Русский язык давно стал судьбой. Как же много всего ценного и полезного в последние тревожные

десятилетия она смогла и успела! Не случайно многолюдный юбилей её состоялся при поддержке Посольства России, Российского центра науки и культуры, при участии Русской общины. Впрочем, с круглой датой её сердечно поздравляли люди разных национальностей и поколений. И в событии этом было столько искренности и тепла... Потому что сама Татьяна такая – удивительная, светлая, богатая волей и духом.

Жизнь – это тоже история. У каждого она своя: короткая или длинная, весёлая или грустная, счастливая или печальная. Однако союз «или» вряд ли подходит. В каждом дне столько красок, запахов, открытий, вдохов и выдохов. И в этом собственном сценарии во все времена она мучительно и радостно стремилась изменить себя, не изменяя себе. Ей всё казалось: что-то главное, важное ещё впереди. Нет, не просто быть собой и непохожей в этом загадочном, странном мире. Она смогла. У неё получилось. Порой жизнь поворачивалась к ней спиной, но она продолжала любить её и надеяться. И всегда помнила: достоинство, честь, совесть – всё, на чём держится свет, – не продаются, какая бы погода ни стояла на дворе.

Вот уж точно, «Татьянин день – особый день, такой у нас один...».

В финале своего праздника, в котором были грамоты и приветственные адреса от международных ассоциаций и объединений из разных уголков мира; слайд-шоу коллег с весёлым названием «Млечкин путь», шуточное посвящение студен-

тов своему ректору от имени литературных героев; вручение юбиляру аттестата Почётного профессора Славянского университета; мини-спектакль в подарок от театрального факультета, бессмертные русские романсы в исполнении артистов, растроганная Татьяна произнесла со сцены такой эмоциональный и глубокий монолог, который сам по себе мог бы стать завершённым рассказом о её научном пути и общественной деятельности. Но мы решили дать к главным фрагментам этой заключительной речи хотя бы короткие комментарии. И вышло – восемь страничек судьбы, как восемь прочитанных глав в любимой книге. В чём преимущество прожитых лет? Воспоминания можно взять и подержать на ладони.

Страничка первая. *«Мой путь в русистику начинался с любимой учительницы, ленинградки Елизаветы Александровны Виноградовой, которая в скулянской школе Унгенского района вела русский язык и литературу. Моя благодарность ей за любовь к родному языку безмерна. Потом была кафедра русской филологии в Кишинёвском госуниверситете, где трудились настоящие мастера педагогики, ставившие на ноги филологическую науку в республике. Факультет прославился именами известных лингвистов и литераторов. Целой эпохой было и обучение иностранцев. Кого мы только ни учили русскому языку! И это до сих пор имеет значение. Мои студенты сегодня преподают русский язык своим соотечественникам в Африке, Латинской Америке, далёком Вьетнаме и ещё во многих-многих странах».*

Когда мы с ней впервые встретились в Кишинёве на Республиканской олимпиаде по русскому языку и литературе для старшеклассников, Татьяне было четырнадцать. Тоненькая восторженная русоволосая девочка в школьном нарядном переднике с крылышками. И уже тогда она была устремлена всем существом своим в будущее. Победителей двух первых раундов олимпиады нас, юных любителей русской словесности из всех районов Молдавии, пригласили тогда на заключительный этап состязания в столицу. После сочинения и творческого конкурса позвали на Молдавское телевидение, где торжественно, под прицелом камер вручали дипломы и подарки. Мы рассказывали об учителях, подаривших нам мечту, читали в студии свои стихи. В ту весну и родилась наша с Таней дружба – длиною в жизнь. С того самого момента мы обе радовались каждому важному шагу друг друга. И русский язык для обеих стал религией, профессией, бесценным богатством.

– Слово, как зерно, прорастает в тебе, рождая картинку, мысль, чувство. Напевная речь наша. Русский язык самый молитвенный в мире. Живой, благословенный язык...

– С точки зрения той науки, которой я занимаюсь – социолингвистики – родной язык тот, которым ты в наибольшей степени владеешь, а значит, можешь всё понять и выразить – от самого простого до невероятно сложного: и в исповеди, и в гневе, и в шутке, и в поэзии, и в любви, и в науке... За что я благодарна русскому языку? За то, что дал право наследия такого безмерного интеллектуального и культурного достояния, за то, что проложил дороги к людям и довёл не только до Киева.

Страничка вторая. *«Как забыть 90-е, то ударное десятилетие, которое мы вместе прожили в науке. Наши труды вылились в интеллектуальный багаж, который неоспорим. Несмотря на препятствия и трудности, мы действовали! Опытнейшие исследователи выдали тогда неопровержимые доказательства того, что есть русская доля в молдавском историко-культурном наследии. Первая в республике министр и доктор хабилитат истории легендарная Лукерья Репида, авторитетнейший историк Иван Аницупов, известный литератор Константин Шишкан, театроведы Лариса Шорина и Ольга Гарусова, этнолог Наталья Абакумова, фольклорист Луминица Друмя, тончайший лингвист Татьяна Зайковская. Мы такое вместе смогли тогда! И нас ценили. И русская общественность, и Россия. Нам помогали. По-разному. Порой, трогательно. Игорь Васильев – конференциями, Олег Бабенко принёс в мой дом первый компьютер: только пишите! Пётр Шорников раздобыл какой-то чудной печатный аппарат для отдела: работайте! Нас поддерживали политики, журналисты. Особое сотрудничество сложилось с газетой «Кишинёвские новости». Там собралась сильная профессиональная команда. Это была такая праведная борьба за каждую пядь русскоязычного пространства в Молдове. И любой наш научный аргумент, который мог быть преподнесён в общественной, политической полемике, они использовали. И это было такое солидарное, такое подвижническое устремление к идеалу; к тому, как мы хотели, чтобы был устроен русский мир в нашем молдавском доме».*

В те годы Татьяна Млечко – руководитель впервые созданного в Академии наук РМ Отдела истории, языка и культуры русского населения Молдовы, где были проведены и изданы актуальные исследования о русской составляющей в молдавском культурно-историческом достоянии. Тогда она вместе со своими коллегами-единомышленниками была на переднем крае борьбы за сохранение на нашей земле русской речи. Деятельность этого уникального отдела, действительно, была беспрецедентна.

Даже в названии её книги тех лет сквозила нотка шекспировской страсти «Быть или не быть?». Монография и впрямь стала актом гражданского протеста против нелепых, варварских разрушений. Под обложкой книги дышала хроника того горького десятилетия потерь. То было первое серьёзное изучение состояния русского языка и образования в тогдашней Молдове.

– Как сегодня вспоминается тебе это время?

– В памяти возвращаюсь в те годы с чувством выполненного долга. Мы как-то бесстрашно и, главное, с достоинством отстаивали то русское, что несправедливо попиралось, что было важным, и что считали справедливым. Ну и, конечно, с печалью теперь думаю о том, что принято называть необратимыми последствиями...

Страничка третья. *«Что успели мы с коллегами в Департаменте межэтнических отношений? Тоже немало. С каким невысшим волнением готовилась выйти на трибуну Парламента, чтобы привести к последнему и окончательному голосованию годами ожидания и борьбы выношенный Закон о правах националь-*

ных меньшинств, с каким гражданским энтузиазмом писали Концепцию национальной политики! И сколько знающих людей над ней трудились. Это было живое дело, ради которого хотелось тратить себя, своё время, свои силы. Спорили, предлагали, верили. Не бесследно многие члены команды департамента прошли свой отрезок пути под моим руководством. Мы тогда не стояли на месте!».

В течение трёх лет начала третьего тысячелетия Татьяна Млечко – генеральный директор Департамента межэтнических отношений Молдовы. Это опять была совсем не лёгкая её жизненная полоса. При её руководстве тогда приняли долгожданный Закон о правах национальных меньшинств, Концепцию национальной политики. Для нас, русскоязычных людей, это был повод для радости и надежд.

Тогда же налаживались контакты с разбросанной по всему миру молдавской диаспорой, и серьёзная работа эта увенчалась первым форумом, на который съехались наши соотечественники отовсюду. И тогда же с Татьяниной подачи родился важнейший из проектов, живущий до сих пор «Язык, который нас объединяет» – учебный курс нового методического уровня по обучению взрослых русскоязычных людей государственному языку. Первая книга по научному осмыслению этнокультурного движения в республике – тоже заслуга тогдашнего гендиректора. А какие праздники они устраивали детям и взрослым! Скольких неправедно обиженных и оскорблённых защитили!

Никогда не была её подчинённой, а только другом. Наверное, в какие-то моменты она бывает жёсткой и неудобной, слишком требовательной и дотошной. Только без этих качеств и умений разве вырастишь в себе Руководителя? Может, кто и затаил обиду? А вот благодарных ей коллег, сослуживцев на всех постах было предостаточно – в этом точно уверена. Татьяна против глянцевої улыбки, дежурных комплиментов и льстивых словословий, зато, когда кому-то плохо, ни за что не будет в стороне. В беде всегда протянет руку. Помните, в популярной некогда бардовской песне: «Промёрзло всё до дна, одна душа светила...». Это и о ней тоже.

В небе её доброты такой простор! Может взволновать голос скрипки, кристальная строчка стихотворения, палитра красок весеннего утра. Как часто вижу светлые слёзы в глазах её, внешне такой строгой и невозмутимой...

– Что считаешь своим самым главным достижением?

– Верность призванию. Имя, заслуженное делами и отношением к людям, среди которых живу. Рада, что побед, больших и маленьких, было немало.

Страничка четвёртая. *«Академия публичного управления. Так же, как во многом прочем, мы были первыми, когда во главе с Аллой Казимировной Мироник наращивали, как принято говорить, потенциал академии. Всё было так по-государственному, так солидно! Сейчас это кажется практически невозможным. Любая европейская инициатива осмысливалась глубоко. Все решения, которые принимались в пользу нового государственного управления, были действительно интересными и перспективными. А о том, как они сегодня претворяются в жизнь, можно только сожалеть...».*

С 2004-го она – заведующая Кафедрой современных языков и коммуникации, затем первый руководитель Департамента повышения профессиональной квалификации государственных служащих всех уровней в Академии публичного управления при президенте Республики Молдова. К слову, в те времена задачи этого особого вуза сравнивали с целями императорского Царскосельского лицея, который призван был готовить просвещённых чиновников высшего ранга, и воспитал, как известно, блестящую плеяду государственных деятелей, поэтов, ученых. В молдавской академии был тот же девиз: «Учить жить и трудиться для общей пользы». Их студенты были государственными служащими, а это – служба отечеству. Абсолютное большинство выпускников стали примером истинных руководителей, доброжелательного отношения к людям. К сожалению, сегодня статус многих из них изменился, и они уже не государственные служащие...

– Говорят, в прошлое не стоит заглядывать, всё равно ничего уже не исправить. А если бы можно было что-то одно важное поменять, – что бы это было?

– Ещё более трепетное отношение ко времени и более решительное «нет» тому, на что не стоило себя растрчивать.

– От чего хотела бы отказаться, забыть, зачеркнуть в своих шести десятках?

– От того, с чем по разным причинам не справилась, – в дальнем и ближнем круге.

Страничка пятая. *«Славянский университет, русскоязычный вуз в зарубежье России. Много ли их? Считанное число. А ведь это социальная и образовательная инициатива для русскоязычных детей, для сбережения в Молдове русского языка как языка науки. Всё, что накоплено мною за жизнь, – опыт, знания, связи, инициативу, время – я стараюсь сполна сейчас отдать. Это и искупление моей вины. Я была категорически против появления этого необходимого вуза в статусе частного. Теперь понимаю, что не будь такого, не было бы никакого. Честь и хвала учредителям университета за то, что они не сдают позиций и всеми силами сохраняют то, что важно для всех нас».*

Следующая ступенька на лестнице судьбы – Славянский университет Молдовы – это то, чему Татьяна Млечко уже восемь лет посвящает свои мысли, силы, знания. Она сумела найти путь к коллегам и студентам, создала, как сказал на юбилее президент университета, микроклимат творческой работы и добрых человеческих отношений. Можно вообразить, как это было непросто, зная, что в университете многие сотни студентов, 11 кафедр и более 150-ти преподавателей, свыше половины из которых, кстати, доктора и кандидаты наук; проводится научно-исследовательская и издательская деятельность. Наш Славянский – член Евразийской ассоциации университетов, проводник славянской культуры в стране. Вуз, во многом благодаря именно ректору, может похвастать тем, что выведен на международный уровень.

Она щедро одарена природой, в том числе – редким для женщины чувством юмора. И сколько же раз эта великолепная черта характера выручала её в экст-

ремальные моменты! Блестящие экспромты с улыбкой сражали собеседников мудростью, в отношениях с чиновниками, политиками и близкими снимали напряжение приближающейся грозы.

... Она с детства любит стихи. Помнится, в письмах в юности мы делились громкими в 70-е поэтическими именами – как открытием и откровением. Сейчас у её настольной лампы – томик Иосифа Бродского, окунается в редкие минуты отдыха с головой в его сложную философскую поэзию. Сама до сих пор слагает строки в строфы – по случаю и настроению.

– **Знаковая в судьбе книга, какая?**

– Буквам меня, трехлетнюю, учила бабушка по книге «Поднятая целина», которую сама тогда читала, и по публикации с продолжением в журнале «Огонёк». Помню, с какой важностью я пропевала крупные буквы заголовка «Запретная зона». Мама мне, школьнице, с иным подарком ко дню рождения всегда дарила хорошую книгу. В тринадцать лет это был «Евгений Онегин», который не раз аукнулся в моей судьбе. Поскольку за жизнь, к тому же, жизнь филолога и исследователя, книг было, к счастью, море, то выбрать сложно. Но одно знаю совершенно точно: книги во многом сделали меня.

– **Какое место среди человеческих ценностей для тебя занимает любовь?**

– Постоянное. Сквозное.

Страничка шестая. *«Конечно, любовь всей моей жизни – русский язык. Как я рада, что русисты-профессионалы остались в стране. Хотя меня могло и не быть среди них. Когда я пришла сдавать документы на русскую филологию, председатель комиссии с иняза, уговорил меня, медалистку, поступать к ним на французское отделение. Я согласилась. Сопровождал меня мой будущий муж. Он с упрёком посмотрел на меня и сказал: «Ну ладно, скажи мне хотя бы, как будет «борщ» по-французски?!». Конечно, на следующий день я документы сдала правильно. И за долгие годы убедилась, что муж моё предназначение интуитивно чувствует иногда лучше меня, и в сложный момент говорит: «Иди, это твоё!».*

Русский язык дал мне много – и настоящую работу, и геополитические стрессы, и выход в большой мир, где работают настоящие учёные, одержимые люди».

Она сама из этой плеяды, ибо писать докторскую диссертацию, исследуя проблемы жизни сегодняшнего русского языка, когда унионисты трубят во все трубы, и сама наша маленькая страна не просто трещит по швам, а на грани исчезновения, может только ученый, для которого это бесспорное Дело жизни. Татьяна Млечко – член Президиума Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), которой в этом году исполняется полвека, и председатель Молдавского общества преподавателей русского языка и литературы (МОПРЯЛ), которое в 2016-м отмечает своё 15-летие. Она – участница многочисленных международных форумов по проблемам языковой политики в современном мире. Побывала в 30-ти странах планеты.

– **Какое дальнейшее путешествие считаешь главным в жизни?**

– Радуюсь тому, что подавляющее большинство моих поездок в самые разные уголки мира – визиты в качестве специалиста и гостя, а не туриста. Коллеги-

хозяйева не просто с любовью и гордостью показывали свои страны, они словно в дар преподносили их.

– Есть ещё что-то, чему ты удивляешься?

– По-хорошему – многому! По-плохому тому, как поднимаются по шкале ценностей материальные блага и как «падает в цене» духовность. Безнравственность как-то перестала быть очень уж стыдной...

Страничка седьмая. *«Мой юбилей органично вписался в традиционные торжества Татьянинного дня с его духовным контекстом, в который встроена вся моя жизнь. Это Пушкин, наука, русская культура, студенчество. И, конечно же, я не могу не признаться в моей любви к России. Это мой воздух, моя стена за спиной. И мне очень хотелось бы, чтобы Россия всегда была с нами. Все российские послы поддерживали нас, русистов. С чем бы мы ни пришли к Чрезвычайному и Полномочному послу России в Молдове Фариту Мухаметшину, знаем: всегда найдём поддержку. Надо издать книгу? Пожалуйста! Надо поддержать молодых учителей-филологов, я – с вами! Вы готовитесь открыть Центр россиеведения – почему бы нет? Базовая кафедра русского языка в университете – дерзайте. Идите вперёд, мы поможем!».*

Были бы крылья, а небо всегда есть! Я внимательно, от корки до корки, прочитала недавнюю книгу Татьяны «Русская языковая личность ближнего зарубежья». Этот многогранный труд вызывает восторг. Монография – результат её многолетних исследований языковой ситуации и языковой политики в новой Молдове, в республиках бывшего Союза. Это судьба русского языка в диалоге культур. Это книга о том, как изменилось пространство, в котором мы живём, и как преобразились в нём мы, молдавские русские. Это книга о феномене русскости и эволюции русского мира. В ней не только теория, научные выводы, в ней – быстро текущая жизнь и живые голоса.

За активную работу по сохранению и распространению русского языка, за развитие гуманитарного сотрудничества Татьяна Млечко награждена международной Медалью Александра Сергеевича Пушкина, дипломами Министерства иностранных дел Российской Федерации, Федерального Агентства по делам СНГ и международному гуманитарному сотрудничеству.

– Русская духовность, русский характер, Россия – что стоит для тебя за этими понятиями?

– Русский мир – это мой мир: корни, ментальность, духовные опоры, коды и смыслы, крепость. Часть жизни и профессиональной биографии. Принадлежность к сословию русской интеллигенции.

Страничка восьмая. *«Прожито и пережито немало. И что же всё-таки в сухом остатке? Семья. Две защищённые диссертации, две научные монографии, две дочери, двое внуков, две медали – Золотая и Пушкинская, две сохранённые с молодости подруги».*

Татьяна и Анатолий – редкий дуэт двух личностей. Известный ученый-русист и именитый врач, микрохирург, спасший сотни детских жизней, за спиной которого редчайшие, уникальные операции.

В семье совсем свои, чудесные традиции. Одна из них – вдвоём в каждое предновогодье они отправляются в Органный зал на последний концерт года. Бывают на спектаклях в опере. Не пропускают ни одной премьеры в Молодёжном драматическом «Театре с улицы Роз». Вслух читают стихи, обсуждают статьи и книги. Когда Татьяна возвращается из своих дальних командировок, муж неизменно встречает её с цветами и угощает фирменными домашними котлетами по маминому рецепту. В интервью одному из телеканалов Анатолий сказал, что преклоняется перед своей замечательной женой. Сорок лет вместе! В юбилейный год свадьбы, и ещё долго-долго, пусть хранят их союз высшие силы...

Иришу и Машеньку, светлоглазых милых девочек её знаю с пелёнок. Они обе – и в маму, и в папу: ответственные, трудолюбивые, до самозабвения увлекающиеся любимым делом. Родительская гордость и отрада. Зимой прилетали на мамин юбилей с семьями её красавицы-доченьки. Ирина – из Рима, Мария – из Москвы. Мама для них – их всё. Под крышу родительского дома спешат всегда. Чтобы вдохнуть глоток воздуха родины, как глоток надежды. Их обеих отличает интеллигентность. Существует много определений этому существительному. Но все они сводятся к одной мысли – уважение к человеку. Это у детей Татьяны в крови.

– *Трудно быть талантливой женой?*

– Трудно быть женой вообще. За четыре десятилетия я это хорошо поняла. Известно ведь, что «любовь не делает жизнь проще, она придаёт ей смысл».

– *Главная опора сейчас и всегда – это кто или что?*

– Муж, семья, характер, образование. Большое родственное окружение моего папы, к великому сожалению, рано ушедшего из жизни...

Ей так важно ощущать себя в контексте своей семьи, своего рода. Она так нежно и любовно заботится о старенькой маме. И после каждой поездки спешит к ней, чтобы поскорее увидеть её глаза. Чтобы посмотреться в них, как в зеркало... Чтобы теперь уже самой подставить ей плечо.

Юбилейный день рождения – возможность дух перевести и оглянуться. Это взгляд не только в прошлое, но и в будущее. Каждый возраст прекрасен по-своему. У каждого, как и у времени года, свои краски и своя мелодия. Внуки – это тоже поэзия. Она поёт им колыбельные и читает стихи русских классиков. Итальянка пятилетняя Софинька в детском саду на вопрос, что дети связывают с понятиями «покой», «ласка», «тишина», не задумываясь, ответила: «Это, конечно же, моя бабушка!».

– *Чему тебе хочется в этом совсем не сентиментальном мире научить своих маленьких внуков? Что им важное, главное передать?*

– Доброе отношение к миру и людям. Научить хотелось бы благородству манер, поступков, мыслей. Разумному чувству меры. Жить в радости и с достоинством. И, конечно, русскому языку.

– *Знаю, что ты всегда ратовала за семейные ценности. Есть ли в домашнем архиве письмо, снимок, документ, которыми ты особенно дорожишь?*

– Если бы один! Семейный архив – абсолютная ценность. Когда просматриваем его вместе с кем-то из членов семьи, всегда переживаем особые чувства.

– *Самое яркое воспоминание за целую жизнь, связанное с мамой.*

– Её преображение, когда она стала бабушкой моих детей. Сейчас вспоминаю многое с сожалением и чувством вины за свою детскую нечуткость к её взрослым проблемам, о которых она никогда нам не говорила. Никогда не роптала, не попрекала, не жаловалась. С трепетом вспоминаю её счастливой, когда ещё был жив папа. Мы всегда втроем, я маленькая, сияющая, между ними... Мысленно переносюсь в то время, когда отец, зная, что скоро уйдёт навсегда, строил для нас дом – для любимой жены и своих двоих дочерей.

– *Когда, в какие минуты ты особенно пронзительно ощущаешь радость жить на земле?*

– Бывают какие-то благословенные мгновения осмысления этой радости по разным поводам, совершенно простым – снег, музыка, цветок, улыбка. Но я в принципе живу с осознанием счастья от того, что удостоилась жизни.

– *Что для тебя самая таинственная загадка в этом мире?*

– Сама жизнь, её конечность и моё в ней предназначение.

– *О чём просишь Бога?*

– Ни о чём. Только благодарю! И уповаю на Его милость к миру и к моим близким...

Вот уж поистине, женщина – вершина мастерства Бога. И Татьяна справедливо могла бы воскликнуть вслед за Цветаевой:

«Господи! Душа сбывлась: умысел твой самый тайный!». И ничего, что зарево заката на горизонте и высоко в небе вечерний звон. Позади – память, щемящее чувство счастья и грусти.

...И снова март проклюнулся подснежником и пролился чистыми дождями. И облака плывут над головой такие же, как при Пушкине...Опавший осенью сад сейчас, по весне, опять зацветёт. Так, может, жизнь – не история, а полёт? Тогда держите нас крепко, крылья Любви и Веры...

Нелли ТОРНЯ – журналист, публицист, критик. Окончила Ленинградский государственный университет, факультет журналистики. Работала редактором в издательстве «Тимпул», старшим корреспондентом в Гостелерадио Молдовы, позднее – в газете «Вечерний Кишинёв». Более 20-ти лет в Республиканской общественно-политической газете «Кишинёвские новости» возглавляла отдел культуры. Член Союза журналистов СССР с 1978 года. Лауреат пяти профессиональных конкурсов – Союза журналистов Молдовы, Программы развития ООН, Союза театральных деятелей республики, Союза музыкальных деятелей РМ, Республиканского совета ветеранов. В столичном творческом конкурсе журналистской популярности «Moldostar-2003» завоевала первое место. Публиковалась в журнале «Молдова», в газете «Культура» (Москва), в Антологии «Современное русское зарубежье».

ИСПОВЕДЬ СОВРЕМЕННОГО

ИГОРЬ КОРНИЛОВ

ИРРАЦИОНАЛЬНО О РАЦИОНАЛЬНОМ

Комнатка в одной из кишинёвских пятиэтажек. И г о р ь К о р н и л о в (далее – К.) за работой перед монитором, что-то настукивает на клавиатуре. За окном барахтается в пелёнках 2016 год.

В комнату входит И г о р ь К о р н и л о в (далее – И.), у него в руках тарелка с куском торта. Он подходит к Корнилову, работающему за компьютером.

И. Оххх, ты неисправим!

К. (*отрываясь от работы*). В смысле?

И. Люди празднуют, а ты всё работаешь и работаешь.

К. Ты же знаешь, вдохновение – коварная штука. Припечёт – будешь работать и в праздники (*поглядывает на тарелку в руках И.*) Надеюсь, ты там не всё съел?

И. Обижаешь. Это только второй кусок (*пауза*). Ладно, третий. А мы, между прочим, собирались смотреть фильм. Или ты забыл об этом?

К. Да-да, но мне сначала надо кое-что сделать.

И. А именно?

К. Да так... Обещал в «Русское поле» что-нибудь написать, но дальше второго абзаца статья не движется.

И. Ха! А как же твоё внезапно нагрянувшее вдохновение?

К. А оно – то вспыхивает, то погасает. На одно вспыхивание, правда, два погасания.

И. Ааааа...

К. Ты это, не торт бы уминал, а лучше бы помог мне с идеей. Пока не закончу, фильм смотреть не будем.

И. Начинается!..

К. Давай-давай.

И. Ладно, на какую именно тему тебе нужно написать?

К. Полная свобода.

И. Можешь написать, о чём хочешь?

К. Ага.

И. Почему бы тебе не выдать интервью?

К. С кем?

И. С собой. И не смотри на меня так. Дипломная у тебя была по «новой журналистике»¹, «Музыку для хамелеонов»² ты читал. Автоинтервью – прекрасный, но такой редкий жанр! Почему бы нам не опробовать его на практике?

К. Даже не знаю...

И. Давай. Чего уж нам терять-то? Только я, чур, задаю вопросы, ты отвечай и сразу печатай их в Word. Вот мы и время сэкономим.

К. Только ты смотри там с вопросами. Чтобы лишнего не спрашивал.

И. Ты во мне сомневаешься?!

К. Ты же знаешь – иногда очень сильно!.. Ну ладно, начинай.

И. Для начала расскажи что-нибудь о себе.

К. Но это так банально!

И. *Я тут интервьюер или кто?! К тому же ты у нас человек скрытный, люди многого о тебе не знают, подчас приписывают тебе бог весть что. Так что повторю вопрос: расскажи о себе всё, что считаешь важным, нужным знать публике.*

К. *(начинает печатать).* Родился я в Кишинёве на исходе лета 1992-го, в первый год постсоветской эпохи. Почти сразу мы с семьёй переехали в Санкт-Петербург, в котором я провёл детство. Атмосфера этого города, его красота и величие оказали сильное влияние на ребёнка, которым я был. Это и есть, по-видимому, отправная точка становления моей личности. После распада семьи я вновь оказался в Кишинёве. Здесь окончил столичный лицей с эстетическим уклоном им.М.Греку, ещё в подростковом возрасте навсегда влюбился в искусство. Писать начал лет в тринадцать. Естественно, сначала получался тот ещё ужас... Впрочем, в плане творчества я собой не доволен постоянно, но это хороший стимул совершенствоваться. На исходе моей юности обрёл ещё одну огромную любовь – Испанию. Этой замечательной стране предстояло сыграть несколько важных ролей в моей жизни. В 2011-м вступил в Ассоциацию русских писателей РМ, в 2013-м – стал стипендиатом мэра Москвы. Окончил лицензиат по специальности «журналистика». Поступил в магистратуру, в Высшую школу экономики в Москве на отделение прикладной культурологии, однако уехать не смог из-за внезапной тяжёлой болезни матери. Поэтому пока я всё ещё в Кишинёве, работаю в двух должностях (иначе здесь попросту не выжить). Забочусь о матери-инвалиде, продолжаю обучение в магистратуре по специальности «язык в коммуникационном пространстве» и не оставляю попыток развиваться дальше.

И. *Хорошо. Расскажи о своём творчестве. Что напечатано, что пишешь, что в планах?*

К. Работать я пытаюсь в разных родах литературы, хоть и понимаю, что одновременно поэтом, прозаиком и драматургом стать нельзя. Что-то будет получаться лучше в ущерб второму и третьему. Однако разные мои идеи требуют

¹ «Новая журналистика» (иногда «новый журнализм») – журналистское направление, рождающееся в результате взаимодействия масс-медиа и художественной литературы и ориентированное на авангардный поиск.

² Сборник «новожурналистских» работ американского прозаика Трумена Капоте, заканчивающийся автоинтервью «Ночные перевёртыши».

разных форм выражения. В последний год писал, в основном, стихи, изредка перевожу испанских поэтов, а вот для работы над сюжетными произведениями времени нет. Мои стихи публиковались в Молдове и за её пределами. Один из рассказов занял первое место на конкурсе «Взлётная полоса». Есть у меня две новые пьесы, нуждающиеся в серьёзной переработке, и недописанный роман, в котором фоном должен вставать мозаичный портрет Кишинёва. В планах – довести эти идеи до ума, достигнув желаемого уровня.

И. *Поговорим о стихах. Почему ты перешёл исключительно на верлибр?*

К. Считаю, что именно за ним будущее. Это сравнительно новая система стихосложения, пришедшая в XX веке на смену классической силлабо-тонике, как когда-то та пришла на смену античной метрике. Верлибр мне нравится больше других систем рождения стихов, он обнажает саму суть поэзии. Лишите стихотворение кристаллической решётки формы, всего декорума, и, если оно при этом останется стихотворением, это и будет поэзия. Верлибр только внешне обманчиво лёгок, он требует огромной самоотдачи и кропотливого труда, как и любая другая система стихосложения.

И. *Но постсоветский читатель в большинстве своём невосприимчив к верлибру.*

К. Я понимаю это. В русскоязычной поэзии верлибр долго был под негласным запретом по идеологическим мотивам, в то время как в остальном мире он стал господствующей системой стиха. Даже сегодня верлибр – самый «дискриминируемый» вид русской поэзии. Нам со школы прививают вкус к классической силлабо-тонике, мы не изучаем ни «Александрийских песен» Михаила Кузмина, ни верлибры Велимира Хлебникова, ни «автоматические стихи» Бориса Поплавского³, ни Геннадия Айги, одного из крупнейших российских поэтов XX века, создателя русского поэтического сюрреализма.

А ведь это великая поэзия! На книжных прилавках не найти сборники даже таких титанов современной поэзии, как Дерек Уолкотт⁴, Вислава Шимборская⁵, Тумас Транстрёмер⁶... Издавать современных поэтов неприбыльно, вот издательства и молчат. В итоге получается, что постсоветский читатель оторван от поэзии рубежа XX-XXI веков. Его мир обрывается в лучшем случае на Иосифе Бродском (Бродский, конечно, гений и лучший русский поэт второй половины XX века, но сегодня его слишком много, как когда-то было слишком много Одена⁷ в англо-

³ Борис Поплавский (1903-1935) – русский поэт и прозаик, представитель первой волны эмиграции; в своих «автоматических стихах» создал поэтическую модель русского сюрреализма.

⁴ Дерек Уолкотт (р.1930) – англоязычный поэт Сент-Люсии, островка в Карибском море, часто называемый критикой «поэтом с имперских окраин». Лауреат Нобелевской премии по литературе 1992 года.

⁵ Вислава Шимборская (1923-2010) – польский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе 1996 года. В мировой прессе получила негласный титул «Греты Гарбо мировой поэзии».

⁶ Тумас Транстрёмер (1931-2015) – крупнейший шведский поэт XX века, лауреат Нобелевской премии по литературе 2011 года.

⁷ Уинстен Хью Оден (1907-1973) – британский и американский поэт, писавший в жанре интеллектуальной лирики. Оказал огромное влияние на творчество И. Бродского, который охотно переводил стихи Одена на русский язык.

язычной поэзии, пока против его влияния не восстало бит-поколение⁸). Русскому стиху необходимы новые интонации, для меня они – в верлибре.

И. *А какое произведение ты мечтаешь написать? Сам это знаешь?*

К. Да. Это комедия. Очень лёгкая, эскапистская. Сегодня я всё больше прихожу к мысли, что задача человека искусства не стенать от трагизма и пустоты существования, а научиться преодолевать их, творя. И помочь другим одержать эту победу. Надеюсь, мне удастся подняться на этот новый для меня уровень в творчестве.

И. *Совсем недавно, помимо своей основной работы на телевидении, ты начал преподавать русский как иностранный. Почему именно эта специализация?*

К. Участвовал волонтером в XIII конгрессе МАПРЯЛ в Гранаде, на котором в числе прочих обсуждались и проблемы преподавания русского языка как иностранного. Этот факт, наверное, оказал на меня влияние. С другой стороны, мне интересны вопросы межкультурной коммуникации, а также перцепция России и русской культуры на Западе.

И. *Как сегодня обстоят дела с изучением русского языка за рубежом?*

К. На сегодняшний день в мире русским языком владеют примерно 150 миллионов человек, русская диаспора вторая по численности в мире, это самый распространённый язык на европейском континенте по числу носителей. Сегодня, несмотря на все существующие в мире противоречия, интерес к изучению «великого и могучего» растёт. В странах Европы всё больше студентов выбирают его в качестве третьего иностранного. Повышение интереса к изучению языка обусловлено, прежде всего, прагматическими мотивами – ведение бизнеса с российскими партнёрами, туристическая индустрия в странах, популярных среди жителей СНГ и т.д. Сегодня в Европе и Америке наблюдается огромный интерес к культурному наследию России до 1917 года. В интеллектуальных кругах Запада российское искусство ценится очень высоко, и восторженные отзывы о драматургии Антона Чехова, романах Льва Толстого, Фёдора Достоевского, Владимира Набокова, музыке Чайковского, Стравинского, Скрябина можно услышать часто. Интерес к культуре порождает и интерес к языку.

И. *А какие факторы делают его менее популярным?*

К. В первую очередь, его сложность. В Европе есть даже расхожая шутка, что люди, изучающие русский, свысока смотрят на своих коллег, осваивающих любой из романо-германских языков. Это действительно так, он может изрядно «поломать» голову, к тому же его грамматика абсолютно иррациональна. Пример из практики. Один из студентов, американец, как-то задал вопрос: «Слова «стол», и «пол» относятся к одному склонению, оба односложны, но почему в предложном падеже будет «на столе», но «на полу», где логика?». Логика тут есть, уходит она в лингвистические дебри, русский предложный падеж вбирает в себя ещё и утраченный в ходе исторического развития локатив⁹, который оставил след в

⁸ Бит-поколение – культурное течение в США 40-50-х годов, представители которого бунтовали против официальной культуры страны, противопоставляли себя существующим в обществе ценностям и образу жизни. Основные представители в поэзии – А. Гинзберг, Л. Ферлингетти, Д. Ди Прима, Г. Корсо и др.

⁹ Падеж, показывающий местонахождение предмета в пространстве и времени.

группе из ста с лишним существительных, дающих с предложениями нетипичное для предложного падежа окончание «у». Правда, для студента, начинающего изучать язык, это лишняя информация...

И. *Что ты можешь сказать о положении современной журналистики?*

К. Многое в ней мне не нравится. Большое количество СМИ сегодня, к сожалению, – лишь оружие в руках тех, кто делит мир. Масс-медиа выступают инструментами управления и манипулирования массовым сознанием. Они создают, как это назвал Ж.Бодрийяр¹⁰, симулякры¹¹ реальности, которые затем вживляются в сознание обезличенной толпы и выдаются за реальность. Это своего рода ниточки, за которые нас, как кукол-марионеток, пытаются дёргать. Поэтому самое главное в начале XXI века – перестать быть марионеткой. Техники манипулирования прописаны замечательно в любом хорошем учебнике психологии массовых коммуникаций, от «спирали молчания» Ноэль-Нойман¹² (я хотел бы, чтобы об этой технике узнал каждый) до чётко спланированных кампаний диффамации и чёрного пиара. Конечно, в среде СМИ есть и исключения, но их можно пересчитать по пальцам.

И. *В чём, на твой взгляд, преимущества искусства перед журналистикой?*

К. Интересный вопрос. Не знаю, корректно ли их сравнивать вообще, это совершенно разные сферы интеллектуальной деятельности человека. Искусство – образно-эстетическое пересоздание реальности, оно мне ближе. Вот и всё. Однако в числе прочих достоинств искусства есть и следующее: оно объединяет нас и стирает между нами различия. Люди, разделённые предрассудками, языками, этнической принадлежностью, религиями, идеологиями, ощущают себя родственными душами, когда «бросаются» под поезд вместе с Анной Карениной, созерцают «Кувшинки» Моне или сливаются со звуками, сочинёнными Пуччини. Подлинное искусство всегда космополитично по своей сути, оно пробуждает в нас чувство принадлежности не к какой-то социальной группе, а ко всему человечеству. Кто-то начинает ненавидеть те или иные страны, «потребляя» манипуляторские сводки новостей, а кто-то начинает любить другие народы, проникаясь их искусством и культурой. Это ли не преимущество искусства перед журналистикой?

И. *И какие же процессы происходят в искусстве сегодня?*

К. Это вопрос, как минимум, для работы на научную степень...

И. *И всё-таки, максимально кратко.*

К. Истоки современного искусства прогрессивных стран – в эстетических трактатах Оскара Уайльда; прежде всего, в его опровержении аристотелевского

¹⁰ Жан Бодрийяр (1929–2007) – французский философ и социолог. Ввёл в философию постмодернизма такие ключевые понятия, как «симулякры», «гиперреальность», критиковал общество потребления.

¹¹ Симулякр – один из ключевых терминов работ Ж. Бодрийяра. Обозначает искусственно созданный семиотический знак, не имеющий аналогов в реальности. По Бодрийяру, человек информационного общества живёт в мире симулякров.

¹² Элизабет Ноэль Нойман (1916–2010) – немецкий социолог и политолог, разработала теорию «спирали молчания» – один из основных методов масс-медиа в создании «общественного мнения».

мимесиса¹³. Поэтому искусство нашего времени не подражает реальности, не отражает её, а творит новые реальности, созидает свои «внутренние империи»¹⁴. Сегодня вновь очень сильны настроения эстетизма. Когда речь заходит о современной художественной культуре, специалисты отдают эстетике главенствующую роль. Искусство пытается отстоять собственную независимость от других сфер человеческой деятельности. В Европе и Америке преобладающей стала модель «искусство ради искусства», а так называемое «гражданское искусство» считается устаревшим, сиюминутным и дурновкусным. «Высокая» культура рассматривает бытие человека не в социальном, а в экзистенциальном ключе. Отрицается любая догматичность, любой намёк на морализаторство и проповедь. Налицо интерес к синтезу жанров, видов и даже родов искусства, к появлению гибридных форм. Очень сильны тенденции интеллектуальности и интертекстуальности, апелляция к «продвинутому» реципиенту. Один из самых актуальных вопросов современной литературы – проблема повествования: появляются новые техники наррации, писатели пробуют играть сменой фокализаций.¹⁵ Сюжет становится всё более минималистичным, действие нередко развивается внутри черепной коробки героев.

И. *Как ты относишься к мнению, что «раньше писали, снимали» лучше?*

К. Абсолютно с таким утверждением не согласен. На Западе, например, сегодня в культуре творят личности первой величины, и создаётся великое искусство. Да, к нему надо прийти через шелуху массовой культуры, в которой многие застревают. Да, оно требует очень высокого развития уровня личности и постоянного самосовершенствования. Но для тех, кто не хочет работать над собой, остаётся либо массовая культура, либо исключительно наследие прошлого. Пространство же бывшего Советского Союза, к моему великому сожалению, отброшено сегодня на периферию мировой культуры. «Наше» искусство в тяжёлом кризисе. Он – следствие сложных процессов, обусловленных и развалом советской системы, и противоречиями самой прежней идеологии.

И. *Что спасёт от этого кризиса?*

К. Только диалог. Как с собственным модернистским наследием, многие имена из которого и сегодня полузабыты или игнорируются, так и с общемировыми тенденциями современной эстетики. Мы заметно отстали от прогрессивного мира. Нужно догонять. А ещё нашей культуре жизненно необходимо тотальное отделение от интересов государства, от понятия «государственного заказа» – это несёт ей смерть. Нельзя оценивать людей по их принадлежности или непринадлежности к какой-нибудь идеологии, национальности, языку. Нельзя продвигать только «своих» или приверженцев исключительно одного направления культуры,

¹³ Мимесис в самом общем смысле – подражание искусства действительности. Восходит к античной эстетике, наиболее пространно теория мимесиса разработана Аристотелем.

¹⁴ «Внутренняя империя» (Inland Empire, 2006) – название последнего фильма современного сюрреалиста Дэвида Линча; действие происходит внутри подсознания героини. Название фильма стало нарицательным для обозначения творческой манеры режиссёра и целой тенденции в современном искусстве.

¹⁵ Фокализация – термин современной теории повествования. Фокализация бывает нулевой (повествователь – «бог», всё знающий о героях – считается устаревшей моделью наррации), внутренней (повествование ведётся «изнутри» персонажа или нескольких персонажей, сменяющих друг друга) и внешней (сторонний наблюдатель событий, ничего не знающий о внутреннем мире героев).

искусство должно развиваться во всём его многообразии, со множеством подходов к его пониманию. И тогда, я уверен, кризис будет преодолён.

И. Ты очень много рассуждаешь о проблемах в общих масштабах и очень мало говоришь о частностях. Давай коснёмся темы Молдовы. Что ты можешь сказать о её культуре, социуме, проблемах?

К. В Молдове всё совсем не лучезарно. Напомню, что по данным Независимого института социальных исследований и анализа «Legatum», мы по самым разным показателям в 2015 году оказались на последнем месте среди европейских стран и на предпоследнем среди стран СНГ (хуже только в Армении). Одна из главных проблем и нашей страны, и многих постсоветских стран – отсутствие единства в социуме, культуре. Если говорить обобщённо, жизнь в Молдове распадается на два потока, первый связан с Россией, второй – с Румынией. Диалога между этими потоками – никакого, взаимодействовать они не хотят, существуют как два параллельных мира, а единства не образуют. Если рассмотреть проблему более подробно, то в этих двух потоках общество разделено еще сильнее. Многие стали жертвой политических и идеологических манипуляций. Все заперлись либо в герметичных группках, либо в одиночестве, никто никого слушать не хочет. Все друг другу чужие. Серьёзного разговора о чём-либо у нас быть не может, поскольку подсознательно большинство по-прежнему воспринимает людей с другими взглядами, убеждениями, попросту *других* как «врагов». Это признак нездорового общества. Причём это касается, повторюсь, многих стран постсоветского пространства. И спасёт нас только диалог. Любые шаги, даже самые маленькие, для его установления делать необходимо. Иначе мы погибнем.

И. А если говорить не об обществе в целом, а о культуре Молдовы?

К. При атомизации общества, при его излишней политизированности без решения социально-экономических противоречий ни о каком подъёме культуры речи быть не может. Сегодня главная проблема культуры РМ – отсутствие аудитории. У нас нет даже условий для формирования аудитории, с которой можно серьёзно обсуждать что-либо, в том числе и посредством произведений искусства. Все самые умные и талантливые уезжают, внося вклад в формирование интеллектуальных элит других стран. Причины этой «утечки мозгов» понятны: отсутствие перспектив развития, невозможность реализации личностного потенциала. Как бы горько это ни звучало, но Молдове не нужны яркие и талантливые личности, они не смогут здесь реализовать свои способности, их ожидает медленная неизбежная личностная гибель. Я знаю примеры, когда работу по специальности здесь не могли найти ни режиссёры из Москвы, ни люди с образованием по международным отношениям; когда журналы открывались, разорялись и умирали спустя полгода – попросту потому, что их некому было читать. По данным статистики, ежедневно читают лишь 9% жителей Молдовы, а пять лет назад этот показатель составлял всего 2%. На каком бы языке сегодня ни писали в Молдове, это приходится делать «на экспорт». По последним данным Барометра общественного мнения, в течение 2015 года театр не посетили ни разу 80% граждан нашей страны. О чём ещё можно говорить?.. И в ближайшие годы здесь вряд ли что-то изменится. Я очень надеюсь, что ошибаюсь, но сегодня мне Молдова всё больше напоминает тонущий корабль.

И. *Поговорим о ситуации в мире. Каков главный его конфликт, на твой взгляд? Если такой, конечно, можно выделить.*

К. Если смотреть на вещи максимально философски и абстрагируясь от любого намёка на политику, основной конфликт и XX, и начала XXI века – между миром модерна и традицией, между современностью, рождённой прогрессом и становлением научной картины мира, и желанием сохранить иллюзии прошлого, приоритет ценностей эпохи предмодерна. Популярность реванша традиции в наши дни возрастает, и происходит это в разных формах. Возможно, это объясняется господством человека, рождённого, как писал Х.Ортега-и-Гассет¹⁶, «восстанием масс». Если брать во внимание, что эпоха модерна наступила в европейской культуре в момент утраты идеалов прошлого и поставила задачу создать иные идеалы, соответствующие новому, рождённому наукой и прогрессом миропониманию, то бегство в регресс можно сравнить с механизмом психологической защиты человека, нежелающего мириться с реальностью. Возвращение в уютный мир новой архаики кажется очень заманчивым тому, кто стоит в растерянности между уже погибшим и ещё не родившимся, – там было всё понятно и нечего делать над собой усилий для создания нового...

И. *Хорошо, и напоследок. Что бы ты пожелал миру? С высоты своих двадцати трёх лет.*

К. На мой взгляд, современное человечество спасёт только устремлённость в будущее. Всякая оглядка на прошлое, попытка его вернуть, остановить – губительна. Нам нужно не переламывать раз за разом историю, а строить грядущее – общее для каждого, отказаться навсегда от всяческой социальной ненависти, от неприятия человека во всём многообразии его природы. Нам нужно меньше думать о том, что нас разделяет и ограничивает. Больше – о том, что объединяет. Нам предстоит ещё очень долгий и сложный путь, но мне ясно следующее: ориентация сегодня возможна только одна – на гуманистические ценности, на мир, живущий по законам прогресса, где человеческая личность с её достоинствами и правами будет главной целью и смыслом, а никак не средством.

И. *(после небольшой паузы).* А теперь самое время прикончить торт.

К. *(перестает печатать).* Тебе бы только торт...

И. А разве есть что-нибудь важнее?

К. Ты неисправим. Лучше скажи, как тебе интервью? Не слишком длинно вышло?

И. Не думаю. Мы с тобой попытались затронуть максимальное количество тем при минимальном объёме. По-моему, это хорошо.

К. А, по-моему, некоторые места чуточку провисают.

И. Ха! Провисают! Это тебе не пьеса, мой дорогой. И не киносценарий.

К. А вот не сказал бы.

И. В каком смысле?..

¹⁶ Хосе Ортега-и-Гассет (1883-1955) – испанский философ и социолог. В своей книге «Восстание масс» (1929 г.) одним из первых проанализировал проблемы зарождавшегося «массового общества», связанного с торжеством толпы над личностью, конформизмом и приоритетом ценностей «среднего человека», «массовой культуры», потребительства. Считал, что человечество спасёт создание новых элит – в первую очередь, творческих и интеллектуальных.

Звезда над полем

БОРИС БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ

СУДЬБЫ БУРЛИВАЯ РЕКА

Не ворчу, не ругаюсь, а мучаюсь,
 Но упорно карабкаюсь вверх,
 Если верить в планиду везучую –
 Открываю последнюю дверь.
 А пока по ступенькам карабкаюсь,
 В кровь сбивая колени себе,
 Но фамилию – точно! – вцарапаю
 В антологию дел АРП.

Юрий Харламов. «Кратковременные встречи»

*Нет ничего печальнее, чем писать в прошедшем времени о человеке, которого ты знал, с которым был дружен, который был твоим собеседником на протяжении двух десятков лет и которого ты больше не увидишь никогда... Ещё недавно мне казалось, что я знаю о Юрии Харламове если не всё, то почти всё. Но когда села за стол, чтобы написать о нём, оказалось, что обладаю не столь обширными сведениями об этом человеке, чтобы рассказать о нём другим. Если совсем коротко и ёмко, то биографию его можно вместить в несколько строк. **Юрий Петрович Харламов** (псевдонимы Юрис Петерс, С. Томин) – поэт, прозаик, пародист, член Союза журналистов СССР и Республики Молдова, член Союза писателей России. В течение многих лет – заместитель председателя Ассоциации русских писателей РМ. Печатался с 1980 года. Автор*

изданных в Молдове книг: «Мир вещей», «Искренне Ваш...», «Парнаса зеркало кривое», «Словом по словам», «Краткосрочные встречи», «Мысли вскачь», «Смех без границ».

В Интернете, куда мы обращаемся в первую очередь, чтобы найти нужную информацию, о Юрии Харламове написано до обидного мало. Он не относился к тем, кто часами просиживает перед монитором, да и собственный компьютер у него появился, когда он уже болел и воспользоваться им не мог. Но всё же я был

приятно удивлён, когда «Google» на мой запрос выдал три ссылки. Одна из них была моей заметкой «Памяти друга», две других особенно порадовали. «Литературная газета» в одном из своих номеров за 2007 год уделила пародисту Юрию Харламову десяток строк в критической статье. В том же году на воронежском портале «Коммуна» было опубликовано большое интервью с ним. Я хорошо помню, как Юрий Петрович после своей поездки в Россию рассказывал мне о ней – и о встречах с воронежскими журналистами, и об этом интервью тоже. Но вот прочитать его довелось только сейчас.

Достаю с книжной полки его книги, просматриваю памятные надписи, сделанные красивым, аккуратным почерком автора, и вспоминаю встречи с ним. За двадцать лет нашего знакомства их было немало. Меня познакомила с Харламовым Мариэтта Руссо. Это было, скорее всего, в 1995 году, в то время, когда она задумала поэтический салон «Муза планет», и однажды предложила мне и Юрию почитать свои стихи учащимся лицея на Чеканах, где мы с ним и встретились.

Он родился 28 октября 1948 года в литовском городе Шяуляе в семье военнослужащего. Его отец и мать были участниками Великой Отечественной войны. На фронте они и познакомились. Мама, как рассказывал Юрий, служила в женском авиаполку, лётчиц которого фашисты называли «ночными ведьмами». Отец летал на бомбардировщиках. Юра по праву гордился своими родителями. Они прожили большую сложную жизнь и похоронены в Воронеже, где Юра тоже жил и учился с 1960 года. День 9 Мая для него был не только праздником Победы, но и Днём Славы его родителей. В сборнике «Краткосрочные встречи» есть стихи, посвящённые им: «Парнишка мечтал о небе...», «Монолог», «Это просто непостижимо...». В 1971 году Юрий Харламов окончил немецкое отделение факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Несколько лет служил в ГДР офицером-переводчиком. После службы в армии успел поработать учителем средней школы в российской глубинке и инженером на радиозаводе. С 1977-го года жил в Молдове. Здесь он создал семью, здесь родились и выросли двое его сыновей. В Кишинёве он окончил Университет марксизма-ленинизма при ЦК КПМ, стал дипломированным журналистом, затем – Московский центральный институт повышения квалификации, получил диплом инженера-патентоведа и работал по этой специальности на столичном заводе «Мезон». Был учителем в лицее, позже – переводчиком в бюро «Интерлингва», преподавал немецкий язык в вузах.

Между нами установились дружеские отношения, хотя, казалось бы, что может связывать двух людей, один из которых пишет стихи, а другой ищет изыскания в них, чтобы посмеяться над неудачей. Впрочем, это не совсем так. Юра писал и лирические стихи, но показывал их гораздо реже, чем пародии. Он долго присматривался к моим стихам и как-то признался, что не может никак к ним придраться, чтобы написать пародию. Но однажды огорошил меня: «Хочешь, покажу пародию на твои стихи «На Арбате»?» Я не мог представить себе, что можно пародировать в этом ироничном стихотворении, и приготовился было услышать его острую пародию, но прозвучала доброжелательная ирония с лёгким подтруниванием в тон моему стихотворению. Через некоторое время я написал на его пародию свой «Ответ сатирику» и думал, что на этом наша поэтическая дуэль

закончится, но Юра оказался упрямей, чем я думал, и разродился ещё одним ироничным стихотворением. Эта переключка впоследствии была записана на радио Молдовы. Запись сделали сходу, читали мы невыразительно, без интонации. Но это наверняка единственная фонограмма, где теперь мы можем услышать голос Юрия Харламова.

Когда он собрался издавать свою первую книгу, сборник миниатюр под названием «Мир вещей», он обратился ко мне с просьбой написать предисловие к ней. Я спросил его: «За что мне такая честь? Я не член Союза писателей, тебе нужен более известный автор». Юрий не согласился: «Нет, я хочу, чтобы написал ты». Затем были другие его «детки». С 1999 по 2007-й вышли одна за другой семь книг. Это были самые плодотворные годы его литературной работы. Он будто знал или чувствовал, что времени ему отпущено не столь много и старался успеть как можно больше.

«Заболел» поэзией ещё в школьные годы и первая публикация его стихотворения случилась в 1981 году, но ему, как и многим другим начинающим литераторам, не суждено было развить своё дарование в стране с самым справедливым строем. Не только потому, что Страна Советов вскоре перестала существовать, а и потому, что выстроенная за многие годы Союзом писателей система сдерживания потока пишущих людей работала чётко и безотказно до самой гибели этой системы. Поэтому не удивительно, что в стране было много «молодых» писателей, которые приходили в литературу уже старичками, издавшими свою первую книгу к сорока, а то и к пятидесяти годам. Расхожая фраза о том, что талант сам пробьётся, была справедлива при одном условии: если не сломает себе шею. Юрию Харламову повезло жить на стыке двух эпох, не растеряться в бурное время перемен и реализовать свой творческий потенциал в пору номенклатурного капитализма.

Конечно, поэт, пародист и сатирик Юрий Харламов начался не в 1999 году, когда вышел тот самый первый сборник «Мир вещей». Мало кто знает, что до этого сборника у него была книжка «Этот смешной мир». В неё вошли небольшая поэма «Разговор с президентом», от которой так и веет особым харламовским духом, эпиграммы и сатирические миниатюры. Юра подарил её мне в мой день рождения. Он нигде её не афишировал, возможно, не считал значительными свои первые литературные опыты. Но и в этой книге и в книге «Мир вещей» он предстаёт, как вполне сложившийся автор, хорошо владеющий словом и стихосложением. Какую бы книжку его ни начал читать, читаю с интересом. Миниатюры его остроумны, лаконичны, органичны по содержанию и форме. Они и сейчас, через шестнадцать лет, читаются легко.

Мне нравятся его пародии, хотя они не все одинаково удачны, но они очень остроумны. Это хорошо, что его записные книжки превратились в книги, которые теперь лежат не только у него дома, но и в библиотеке: Юрий все вышедшие книги дарил русской библиотеке имени М. Ломоносова. Но мне всегда казалось, что они заслуживают большего, чем территория, ограниченная Республикой Молдова. Я был уверен, что многие из его книг могли бы с успехом быть изданы в российских издательствах и найти читателя в России. Как-то я сказал ему об этом. Он ворчливо отмахнулся. А зря. Книжки часто не находят своего издателя и читателя не потому, что они им не нужны, а потому, что авторы не мо-

гут преодолеть свои комплексы и взглянуть на свой труд со стороны. А ещё потому, что пишущие оказались не готовы предлагать своё творчество. А творческие организации, союзы, в которых они состоят, этим не занимаются, в них нет компетентных в издательском деле людей. И средств, чтобы нанять хорошего литературного консультанта, у них тоже нет.

Труд сатирика, поэта-пародиста не всегда благодарный. Не все одинаково относятся к его творчеству. Одни рады попасть на кончик его острого пера, чтобы заметили, что они существуют, пишут; другие, наоборот, болезненно переживают критику. Юрий Харламов всегда был желанным участником всех наших встреч в Ассоциации русских писателей Молдовы. Всякий раз, когда он доставал свою записную книжку, все замирали в ожидании новой пародии или эпиграммы. Он написал много пародий, как на стихи своих друзей, молдавских авторов, так и на стихотворения известных поэтов России.

У меня с Юрием Харламовым было много общего. Это не только встречи на нашем любимом перекрёстке на углу улицы Тэйлор и проспекта Дачия, где мы, встретившись, поднимались на полквартила выше к магазинчику с беседкой, заказывали по кружке пива и обменивались новостями. (Как мне не хватало этих бесед после моего отъезда в Беларусь!). Он, как и я, любил творчество знаменитого поэта-пародиста Александра Иванова и считал его своим учителем. У нас в один год вышли первые сборники, нас в одно время пригласили в Ассоциацию русских писателей ветераны-фронтовики Александр Андрусъ и Александр Протасов.

Припоминаю осень 2000-го года. В доме на Садовой у тогдашнего председателя ассоциации Аделины Вражмаш нас собралось человек семь из первого немногочисленного её состава. После обсуждения дел мы с Харламовым читали стихи из своих недавно вышедших книг, Юрия в тот день избрали заместителем председателя правления, и Аделина Вражмаш предложила наши кандидатуры на вступление в Союз писателей России. Прошло несколько дней, и Юра напомнил мне о том, что надо готовить документы. Я высказал ему своё сомнение: стоит ли сейчас заниматься коллекционированием членских билетов? Тут и состоялся диалог, который позже стал эпизодом в моём рассказе «Муравейник, или Один день Ивана Самарина». «Время, когда союзы писателей реально помогали в публикации произведений, издавали книги своих членов, канули в прошлое. Сейчас от них ничего не зависит. Хочешь писать – пиши, хочешь издавать – издавай. Ты посмотри, где мы, а где Союз писателей России?» – горячился я. Но он нажал на самое слабое место – самолюбие: «Борис, ты должен это сделать! Ты что хуже других?». Спустя несколько лет, когда Юра прочёл этот рассказ, долго лежавший в моём столе, он сказал: «А за Трофимова тебе спасибо». Я был польщён и одновременно смущён его оценкой. Я был уверен, что он не догадается, с кого я списал Трофимова в этом рассказе.

Чтобы рождались достойные пародии на чужие стихи, нужно самому быть хорошим поэтом, владеющим в совершенстве техникой стихосложения. Харламов-пародист и Харламов-лирик – два совершенно разных человека. В пародиях он дерзок, остроумен, порою язвителен и беспощадно критичен. В лирическом сборнике «Краткосрочные встречи» перед нами совсем другой Юрий Харламов. Его герой нежный, страдающий, любящий, надеющийся, тонко чувствующий чело-

век. Перечитав сейчас этот его сборник, я пожалел, что не удосужился уделить должного внимания этой книге раньше. Сколько в ней строк, за которые хочется сказать автору спасибо! Когда читаю его стихи, ловлю себя на том, как органичны в них мысли и чувства, рифмы и образы. В них не спотыкаешься об аляповатые метафоры, образы или безобразный ритм. Некоторые из них («Заветное слово») так и просятся стать песней; наверняка, автор и писал их как песни. Такие стихи, как «Монолог», откровенно правдивы, третьи – «Живу в предчувствии беды...» – трагичны; четвёртые – «Фрегат» – поучительно назидательны, пятые – «Судьбы бурливая река» – образно-поэтичные.

Я не критик, но жалею, что, когда был жив Юра, написал всего один отклик на его книгу. Вспоминаю случай, когда он опубликовал обо мне газетную заметку по случаю какой-то даты или события, и как он потом извинялся передо мной за неудачно отредактированный или придуманный редакцией заголовок. Мне тоже заголовок «Порядочная поэзия Благовещенского» показался вычурным и странным: порядочными могут быть люди, но не поэзия. И я спросил его тогда, почему такое определение – «порядочная». Он смутился и произнёс: «Неужели ты подумал, что я так мог написать?» Ему, человеку, ответственно относящемуся к слову, было нелегко пережить такой несуразный ляп за его подписью.

Никогда не забуду 2008 год, когда жизнь моя словно была брошена на чашу весов и зависела от того, в какую сторону качнётся эта чаша. Юра был одним из немногих, с которыми я поделился предстоящими мне испытаниями. Он побратски поддержал меня, сказал искренние, простые и пророческие слова поддержки. Припоминаю ещё один приятный случай из нашей жизни. Была летняя пора, и я пригласил Юрия поехать ко мне на дачу. «Обещаю тебе незабываемое зрелище», – интригуяще сказал я. Он согласился при условии, что на следующий день к обеду возвращаемся в Кишинёв. Уютное слово «дача» не совсем соответствует избушке на курьих ножках, состоящей из железнодорожного контейнера с пристроенной к нему беседкой-крышей на шести сотках с грядками и деревьями. Но много ли человеку надо для счастья? Воздух, купол звёздного неба и хор цикад – разве этого мало? Далеко за полночь, хмельные от стихов, разговоров и выпитого вина мы вышли из-под крыши моей избушки на простор. Вокруг исступлённо звенели цикады, а над головами гроздьями висели созвездия. «Вот тебе зрелище, которое я обещал», – сказал я. Юра был в неопишемом восторге. Дня через два он позвонил мне и прочёл стихотворение, переполненное восхищением и радостью.

Последние четыре года после моего переезда в Беларусь мы поддерживали с ним отношения редкой перепиской по электронной почте, звонками. У Юры не всегда была возможность мне отвечать, а в последний год и сил на это уже не было. Ежегодный мой приезд в Кишинёв никогда не обходился без встречи с ним. Последний разговор наш состоялся в мае, в День Победы. В жизни каждого человека наступает момент, когда ему уже не нужны ни деньги, ни лекарства, ни власть, ни слава. Ему нужно только доброе человеческое слово, которое согреет душу и облегчит страдания. Юра был рад, что я его не забыл, извинился, что не может отвечать на мои письма и звонки. Он уже был прикован к постели.

И вот я приезжаю в октябре в Кишинёв, как всегда, звоню по хорошо знакомому мне номеру. Мобильный не отвечает, и я набираю домашний. В трубке слы-

шится голос супруги Юрия, и я узнаю, что прошло уже больше сорока дней, как он покинул этот мир. Роковой датой для Юрия Харламова стало 21 августа 2015-го года. Несмотря на то, что он болел уже не один год (кто из нас не болеет?), смерть его стала большой неожиданностью не только для меня. Юра был уникальным человеком: дожил до пятидесяти лет, будучи совсем не знакомым с врачами. Помню, как он рассказывал, что впервые попав в больницу, удивил всех тем, что у него не было даже карточки в поликлинике, никогда не брал бюллетень. Вот такой уникальный гражданин для нашей системы здравоохранения.

Я был потрясён, когда узнал, что о его смерти стало известно только в октябре, и не одному мне, приехавшему из Беларуси, но и многим коллегам по перу, живущим в Кишинёве. Никто из Ассоциации русских писателей и Центра русской культуры не пришёл с ним проститься в день похорон. Что случилось с нами? Я не хочу никого винить, но думаю, что Юрий Харламов заслужил, чтобы все, кто его знал, в последний день его пребывания на Земле могли и должны были прийти с ним проститься.

Перед отъездом из Молдовы я посетил кладбище в Кишинёве. Каким-то особым чутьём среди свежих могил быстро нашел могилу друга... Мысли неслись вскачь, как мустанги по степи: «Почему? Почему?». Он не напрасно жил, многое успел, писал, издавал свои книги. Но какая-то несправедливость есть в том, что он ушёл так незаметно, как будто не было у него друзей, которые любили, ценили его и его книги. Подумалось: грош цена всем нашим презентациям, публикациям, дням духовности, культуры и литературы, если в день прощания с товарищем мы не пришли, чтобы зажечь свечу и сказать последнее «прощай». Вдова Юрия Харламова в телефонном разговоре сказала мне, что осталось много экземпляров книг мужа. Она готова отдать их заинтересованным в их распространении организациям и лицам.

Такова жизнь. Всё, что остаётся после писателя, это его книги. И хорошо ещё, если книги. Бывает так, что лишь – рукописи, с которыми наследники не знают что делать, и хранят их, пока те не превратятся в прах, как и их автор. Я уверен: в блокнотах Юрия Харламова осталось немало стихов, не вошедших в сборники. В своём интервью воронежской газете он говорил, что в его планах издать отдельно два больших сборника – стихов и прозы. Увы, не состоялось... В наш безумный век фетиша надо быть очень целеустремлённым человеком, любящим своё дело, чтобы семь лет подряд из года в год издавать по книге. Юрий Харламов, безусловно, вписал, «вцарапал» своё имя не только в антологию дел АРП, но и в русскую литературу Молдовы.

Борис БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ – поэт, прозаик, публицист, член СП России. Родился на Дальнем Востоке, в городе Благовещенске. Рос и учился на Украине. Окончил Одесский политехнический институт. С 1972 по 2011 год жил в Кишинёве и работал инженером на столичных предприятиях: «Виброприбор», «Сигнал», «Электромашина». Публиковался в газетах – «Сэптэмына», «Советская Молдавия», «Независимая Молдова», «Молодёжь Молдавии», «Труд», «Деловая газета», а также – в журнале «Кодры», в альманахе «Ларец». Автор книг: «Живая вода», «Цена бессмертия». В прошлом году в Минске вышла научно-фантастическая повесть «Сапиенсатор изобретателя Таймырова, или Властелин мысли». В электронных изданиях увидели свет «Судьба в жёлтом платье» (проза) и «Листья жизни» (стихи). С 2011-го года проживает в Беларуси.

Я ТВОЙ ТОНКИЙ КОЛОСОК

АЛЕКСАНДР ОГУШЕВИЧ

«ЗОЛОТОЙ ПЕТУШОК» в КИШИНЁВЕ

В этой рубрике в прошлом номере мы напечатали большую часть очерка-исследования. Это посмертная публикация литератора Александра Огушевича.

(Окончание. Начало в № 2 (14) 2015).

ГЛАВА 8

Всё ещё не удаётся разыскать второй и третий номера «Золотого петушка». Но завеса приоткрывается. Помощь приходит неожиданно из всё того же всезнающего Интернета, от самого Игоря Северянина, точнее, из его писем из разных городов и стран давней почитательнице его творчества в Берлине Августине Барановой¹. В письмах с 80 по 87 упоминается «Золотой петушок», перипетии и хлопоты, связанные с ним. Например, узнаём, что на первый номер рассчитывали истратить 8 тысяч леев, а потратили 27. И отсюда – минус в доходах всех участников проекта. После сдвоенного номера издатель нарушил договор о дальнейшем финансовом обеспечении журнала. Это означало только одно – конец «Золотого петушка». А ведь он лишь начал «разбегаться». Но это случится позже, а пока все участники литературно-просветительского проекта русских эмигрантов в Бессарабии, включая литераторов Серебряного века, об этом не знают. В издании литературного журнала они видят соломинку, за которую им нужно ухватиться, чтобы остаться на плаву.

В письме от 23 октября 1937 года Елена Боскович-Недзельская пишет, что третьего номера не было, тогда как Северянин утверждает, что были второй и третий номера. Думаю, здесь произошло досадное недоразумение в порядке отсчёта. Если Недзельская считала сдвоенные номера 2 и 3 за один номер, то верно, третьего не было. Тогда как Северянин не учитывал сдвоенность номеров и считал каждый. Тогда выходит три номера. Позволю себе принять сторону Игоря Северянина и считать всё же, что вышло три номера. И вот что сообщает нам поэт. Из 64 страниц восемь напечатаны на французском языке (поклон в сторону иностранного читателя), номера были богато иллюстрированы фотографиями

¹ А. Д. Баранова (урожд. Кабанова, 1891–1975), в 1912 г. вышла замуж за юриста А. А. Баранова (1855–1920). После смерти мужа жила в Берлине.

ми, а обложки оформлены значительно красочнее первого номера. Из этих же писем узнаём, что большая часть тиража ушла в города Европы, но какая-то часть быстро разошлась среди местной читающей публики, и журнал имел успех.

Едва завеса поднялась, как тут же опустилась, и мы вновь в неведении: так сколько авторов и кто был опубликован в этих номерах, какие свои сочинения предоставили известные русские, бессарабские и румынские писатели в журнал, на правах первой публикации? Игорь Северянин ни в одном письме об этом не обмолвился ни словом. Вероятно, все участники этого литературного проекта были уверены, что журнал встанет на ноги и он надолго, что будет широко известным.

Так предоставим же слово поэту Игорю Северянину (из писем исключены события, не имеющие отношения к «Золотому петушку»).

Письмо 80

«19 января 1934 года, Кишинёв.

Дорогая Августа Дмитриевна,

редакция «Золотого Петушка» очень просит Вас не отказать в любезности поспособствовать в распространении среди Ваших знакомых первого номера нашего журнала. Со своей стороны полагаю, что почетную попытку молодого энтузиаста Леонида Евицкого стоит всячески поощрить и поддержать: это ведь героизм – в наше трудное и неблагоприятное время пробовать организовать вестник Чистого искусства! Если Вы возьмёте на себя труд по распространению и Вам удастся распродать экземпляры, деньги соблаговолите перевести на имя Леонида Григорьевича: Leonid Evitski. Str. Dm. Kantemir, 10 A. Chisinau. Basarabia. Roumanie. На его же имя пишите письма и мне. 2-го ноября мы уехали из замка Hrastovac в Sarajevo, где пробыли, как я Вам писал оттуда, две недели. Затем мы поехали в Белград на три недели. Прочел лекцию и дал вечер, а также читал по радио. Вечера прошли с анилагом. В Софии пробыли 27 дней. Дал там четыре вечера. Сутки провели в Бухаресте. Обедали у Л. Я. Липковской, ужинали с Е. И. Арцыбашевой. Сюда приехали 5 января. Наняли особняк в одну большую теплую комнату. В центре города. Пробудем до весны.

При редакции открываются курсы версификации, и я приглашен преподавателем. Думаю, объездить всю Бессарабию, читая лекции о русской и эстонской поэзии и устраивая вечера своих стихов.

Пока же у нас страшная горячка: журнал только что вышел, и мы заняты рассылкой его по всем центрам Европы и Америки. Может быть, наладите нам какую-либо связь с русскими книжными магазинами Берлина? Будем крайне обязаны. Мы не знаем, к кому в Берлине можно обратиться. Знаю только, что Вы – мой испытанный друг, и верю, что охотно пойдете встречно. В Кишиневе журнал пошел очень успешно. Расходы большие, средства ограниченные. Надо во что бы то ни стало поставить его на ноги.

Теперь уже переписка наладится, т. к. будем сидеть на одном месте.

Ваш неизменно Игорь»

Письмо 81

«5 февраля 1934 года, Кишинёв.

Дорогая Августа Дмитриевна,

итак, пишу Вам в «наш» день! 25.I послал Вам «редакционное» письмо. 2.II послано Вам 10 экземпляров журнала. В последний момент я перерешил выслать 20, боясь обременять Вас слишком большим количеством экземпляров. Проводим время очень мило и тихо. Ежедневно навещают нас наши друзья и приглашают к себе. Фелисса Михайловна много времени проводит на воздухе, гуляя ежедневно не менее двух часов. Квартирой очень довольны: тепло и уютно. Да и хозяйка оказалась моей давнишней и горячей почитательницей и постоянно оказывает всяческие знаки внимания. У меня много работы по подготовке лекций.

Целую ручки. Игорь. Постоянный адрес: S. Stodulski pentru Ig.-Sev. Str. Bratianu, 91A. Chisinau. Basarabia. Roumanie».

Письмо 82

«5 марта 1934 года, Кишинёв.

Дорогая Августа Дмитриевна, искреннее спасибо за Ваше исчерпывающее письмо о продаже журнала в Берлине, за письмо, от 14.II и за обычное – всегда милое сердцу! – от 15.II. Сегодня ровно два месяца, как мы здесь. За это время я дал один закрытый вечер. Второй предположен около 15.III.9.III состоится второй вечер в Бухаресте, куда мы поедем на два дня и снова сюда, вероятно, вернемся. Во всяком случае, жду Вашего письма на имя Стодульского. Срок нашей визы кончается 3.IV. Здесь снег почти весь растаял, часто стоят солнечные дни, но бывают и морозы. Ежедневно у нас собирается по несколько человек: читаем, беседуем. С курсами ничего не вышло: для турнэ по стране нет ни импресарио, ни средств. Журнал, может быть, выйдет, а может быть, и нет, т. к. Евицкий ухлопал много денег на первый номер (27 тысяч лей!), а вернул пока около трех!..

А денег у него вообще нет. Но возможно все же, что найдет создателя. Все это, конечно, очень грустно и даже безнадежно, т. к. дома нас не ждут никакие заработки. 1 марта исполнился год, как мы выехали из дома, и до сих пор едва концы с концами сводим, и часто не знаем, как проживем завтрашний день. Целую Ваши ручки. Ваш Игорь».

Письмо 83

«5 апреля 1934 года, Кишинёв.

Дорогая Августа Дмитриевна!

«Петушок» все-таки вскоре выйдет (№ 2–3). Но с ним много хлопот и трудностей, т.к. издатель абсолютно без денег. В Бухаресте мы с одной дамой посетили мецената, и так как эта дама была очень красива, получили для издателя некий куш. На днях издатель начнет действовать, и номер вскоре выйдет.

Ваши всегда Игорь

Постоянный адрес: S. Stodulsky pentru Ig.-Sev. Bratianu. 91A. Chişinău, Basarabia. Roumanie».

Письмо 84

«5 июля 1934 года, Toila.

Дорогая Августа Дмитриевна, 12-го июня мы, наконец-то, вернулись на милый север, пробыв в отсутствии 1 год, 3 месяца и 12 дней. 7 месяцев пробыли в Югославии, 1 месяц в Болгарии и 7 месяцев в Румынии. Поездка не дала в материальном отношении ровно ничего: все заработки сразу же улетучивались. В Кишиневе всего прожили полгода и месяц в Бухаресте. Всего везде дал 20 концертов и лекций. Последний был 2-го июня, с участием Л. Я. Липковской, в Бухаресте. Мне так грустно, что переписка наша опять временно прервалась, но на это были веские причины: меня закружил «проклятый» (по Пушкину) Кишинев, и в его оболъщениях я (буквально) чуть не сложил головы... Чудом спасенный, с радостью и упоением вернулся домой. Пробудем до осени, а там опять в скитания. Что делать, таков удел горестный лирического поэта! Куда? И сами ещё не знаем. Может быть, в Париж и Брюссель, может быть – в Грецию и Турцию. А у нас снова уже гости. Приезжала из Ревеля Грациэлла с подругой-англичанкой, только что прибывшей из Лондона, приезжал на гоночном велосипеде из Ревеля (220 километров) молодой баритон-поэт, приезжал с озера Uljaste наш хозяин с детьми, а на днях ждем из Юрьева эстонского поэта Вильмара Адамса. Второй номер «Золотого Петушка» печатается в Бухаресте и вскоре выйдет в свет. Цена та же, но в нем более 60 страниц и масса иллюстраций. Издание перенесено в столицу, и половина текста идет по-французски. Дай Бог успеха Евицкому и его детищу! Его любовь к искусству положительно трогательна. Ваш Игорь».

Письмо 85

«5 сентября 1934 года, Toila.

Дорогая Августа Дмитриевна!

По соглашению с редакцией «Золотого Петушка», деньги за проданные в Берлине экземпляры можно переслать на мое имя, а равно и все непроданные экземпляры, которые я имею возможность здесь распродать. Будьте добры, пришлите мне, пожалуйста, теперь же все оставшиеся экземпляры. № 2-3 на днях все же вышел. В нем 64 страницы, и составлен он, и выглядит внешне несравненно лучше, чем первый. К сожалению, я получил пока всего пять номеров, и они моментально разошлись. Живем мы исключительно на книги и журналы.

Целую Ваши ручки. Привет вашим самым искренний.

Дружески с Вами Игорь».

Письмо 86

«5 октября 1934 года, Toila.

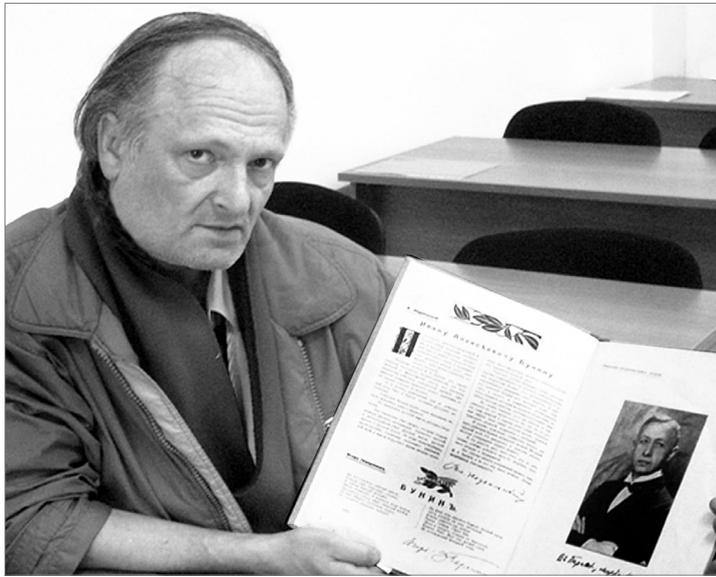
Дорогая Августа Дмитриевна, оба Ваших милых письма получил своевременно, за которые очень признателен Вам и рад, что переписка наша вновь наладилась. Я Вам крайне признателен за присланные купоны за журнал. Евицкий выпустил № 2-3, который значительно лучше первого. 8 страниц из 67 по-французски. Евицкий очень милый и восторженный, но крайне легкомысленный,

большой вивер и мечтатель. Вряд ли он сумеет поставить журнал на должную высоту, так как игнорирует интересы сотрудников, данных ему мною. Так, например, ни Ремизов, ни Лукаш, ни другие до сих пор не получили от него гонорара, что мне крайне неудобно, т. к. я просил их прислать рассказы. Я писал ему, чтобы он выслал Вам очередной номер в одном экземпляре gratis, – не знаю, получили ли Вы. Он так непростительно небрежен, этот экс-хусар!

Дружески Ваш неизменно Игорь».

В 85 письме поэт пишет, что в журнале было 64 страницы, тогда как в 86-м письме сообщает о 67 страницах. Не станем обращать внимание на эту мелочь, важнее знать, что журналы вышли, несмотря на все сложности с их изданием.

Здесь самое время поставить точку в очерке. Мы узнали о журнале «Золотой петушок» не всё, но ведь немало? И не будем отчаиваться. Может, что-нибудь ещё отыщется?..

*Александр Огушевич с журналом “Золотой петушок” в руках.
Национальная библиотека РМ, 2012 год.*

Александр ОГУШЕВИЧ – литератор, энтузиаст. Родился в 1956 году. Печатался в республиканских газетах «Независимая Молдова», «Деловая газета», «Столица», «Молодёжь Молдовы», «Кишинёвский обозреватель»; в журналах: «Колумна», «Молдова и мир», «Русский альбом». Автор книг «Insomnia înviogății» («Бессонница бодрствования»), «Ни больше и ни меньше об одной жизни», «Homo, fuge!» («Человек, беги в мои объятия!»). Руководитель литературно-художественного клуба «Caritas» («Милосердие»), председатель Творческого объединения «Колорит». Умер от рака горла 27 октября 2012 года.

Так решили мы назвать нашу новую рубрику.

Бессарабия исторически отмечена пересечением этносов, языков, конфессий. После Октябрьской революции это пространство и впрямь стало перекрёстком на жизненном пути многочисленных русских беженцев. Кто-то отправился к чужим дальним берегам, и их было большинство, а кто-то остался. В сохранении и развитии здесь русской культуры, языка, веры, традиций значительная роль принадлежала эмигрантской интеллигенции.

Посмертный очерк Александра Огушевича «Золотой петушок» в Кишинёве», публикуемый нами с прошлого номера, и интерес к нему, натолкнули нас на мысль открыть в журнале рубрику, которая знакомила бы наших читателей с именами тех, кто жил и творил на этой земле в довоенный период.

Мы будем рассказывать вам о деятелях литературы, искусства; о коренных бессарабцах и тех, кто оказался здесь по воле судьбы, о литературном процессе того непростого времени. Выходившие с 1918 до середины 1938 года в Кишинёве русскоязычные газеты и журналы отражают проблемы, ныне стоящие и перед нами, что побуждает к размышлениям об исторической преемственности, перекличке и взаимодействии культурных миров.

Вести рубрику «Бессарабские перекрёстки» в журнале мы предложили Ольге ГАРУСОВОЙ, научному сотруднику Института культурного наследия Академии наук Молдовы, многие годы занимающейся историей русской культуры Бессарабии.

ОЛЬГА ГАРУСОВА

«ТРЕЗВОНЫ» ЭТОЙ СКАЗОЧНОЙ ПТИЦЫ...»

Культурная жизнь Бессарабии межвоенных лет долго была некой «terra incognita». Белые пятна ее истории в последние десятилетия постепенно заполняются. Мы сочли возможным продолжить начатый в предыдущем номере «Русского поля» разговор о журнале «Золотой петушок» не только потому, что ряд поставленных Александром Огушевичем вопросов нуждается в дополнениях и разъяснениях. На наш взгляд, это уникальное печатное издание, собравшее под своей обложкой поэтов, писателей, художников из разных стран, является знаковым выражением бессарабских перекрёстков.

Надо сказать, что сведения о журнале «Золотой петушок», первый номер которого вышел в Кишинёве в январе, а второй (сдвоенный) в августе 1934 года в Бухаресте, уже несколько лет, как введены в научный оборот. Содержание найденных мною в разных фондах Национального архива Молдовы двух номеров библиографического раритета, составляющих его полный комплект, подробно

ЗОЛОТОЙ ПЕТУШОК

ZOLOTOT PETOUȘOK
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

№№ 3

1934

рассмотрено в статьях, к которым мы адресуем любознательного читателя*. Здесь же – своеобразная презентация журнала.

Самое, пожалуй, яркое явление русской журналистики Бессарабии, «Золотой петушок» интересовал литературоведов преимущественно в связи с участием в нём Игоря Северянина. Именитый поэт был очень увлечён этим проектом, помог редактору-издателю, кишинёвцу Леониду Евицкому привлечь к сотрудничеству писателей-эмигрантов, содействовал распространению журнала в других странах. Однако северянинским сюжетом вовсе не исчерпывается значимость «Золотого петушка» в литературной жизни Бессарабии, по достоинству признанная современниками.

«Трезвоны» этой сказочной птицы звучат в мире, где не существует духовной тюрьмы»... Взятым из пушкинского словаря словом рецензент журнала «Viața Basarabiei» подчеркнул связь с «литературной и художественной традицией, порождённой и сохраняемой славянским гением». Название журнала, отсылая к известной сказке, напоминая о связи великого поэта с Бессарабией годами ссылки, являлось ассоциативно выразительной эмблемой. Пушкин в русском зарубежье был символом отечественной культуры и духовной свободы. Ко дню рождения поэта приурочили День русской культуры, отмечающийся во всех странах русского рассеяния.

Изображения на цветных обложках представляли вольные вариации мотивов пушкинского произведения. Обложку первого номера – сказочный петушок в орнаменте цветов – оформила Елизавета Ивановская, творчество которой как иллюстратора детской книги впоследствии получило мировое признание. Мистическая, мрачная фигура звездочёта на обложке второго номера была решена Марией Старчевской в театральном-декоративном модернистском ключе.

Поскольку журнал был иллюстрированным, его внешнему облику придавалось очень большое значение. Издатели следовали традициям российских дореволюционных литературно-художественных изданий с сохранением старой орфографии, с авторскими факсимиле, виньетками и заставками, графическими рисунками, с клееными иллюстрациями.

* Гарусова Ольга. К вопросу о культурном наследии русской эмиграции в Бессарабии. Литературно-художественный журнал «Золотой петушок». // Revista de etnologie și culturologie. 2010, № VI. Русская эмиграция на страницах журнала «Золотой петушок». // Вестник Славянского университета. 2013. Вып. 21.

В оформлении участвовали кишинёвские художники разных поколений: Н. Брагалия, В. Иванов, Н. Калядич, Ш.Коган, Б. Несведов, В. Поляков... «Каждая страница журнала — маленькая художественная пьеса, сделанная подлинно артистичной рукой!» — восхищался рецензент вкусом и фантазией, с которыми были выполнены заставки, виньетки, рисунки. Отличного качества репродукции картин известных румынских художников, фотографии русских деятелей культуры, среди которых — связанные с Бессарабией гастрольной практикой Фёдор Шаляпин и Игорь Северянин; часто выступавшие на румынской оперной сцене примадонна Лидия Липковская и Мария Снежина, балерина Вера Каралли, руководившая балетной студией в Бухаресте.

«Золотой петушок» принципиально ориентировался на «высокую литературу» и на серьёзный разговор с читателем. Лицо журнала определяли писатели, получившие известность до революции и проживавшие в странах русского рассеяния, в том числе и в Румынии; широко были представлены бессарабские литераторы и журналисты. Особый раздел составляли произведения румынских авторов, переведённые на русский и французский языки.

Первый номер, посвящённый присуждению Ивану Бунину Нобелевской премии в 1933 году, открывался чествуемой его статьёй Владимира Недзельского. Уроженец Бессарабии, Владимир Осипович Недзельский жил в Одессе и входил в бунинское окружение. Его жена Елена Боскович в очерке «Из воспоминаний» писала о «близком и тесном» соседстве с Буниными летом 1918 года.

В статье «Ивану Алексеевичу Бунину», программной для «Золотого петушка», выражено общее для эмиграции отношение к присуждению премии. «Увенчание Бунина более наш праздник, нежели праздник самого писателя, — писал Недзельский. — Это праздник русской мысли, русского творчества. Это торжество тех начал, которые создали великую русскую литературу, торжество могучей и многоструйной реки русской мысли, русской правды и русской поэзии. Увенчание Бунина — праздник всех унесших и всех сохранивших на чужбине заветы Пушкина,

где нечего, что бы ее покорило, Ольг очень мало говорили, но все, что скавала, было скромно, тактично и недурно. Тася видела, что мать ни к чему не может придаться, что ей нечего в нем высказать, и торжествовала.

Володя еще несколько раз был у них и был все так же скромный и милый, но Елена Михайловна

стесняла его и она с ним не могла разговаривать.

— С тобой он гораздо глуше, мама.

— Нить, отчего же? Он провинодить впечатлительный приятель.

А сама думала: — только бы со мной Господь отсюда выбраться.

Когда Володя ужался, она сама предложила ему писать им, и с такой теплотой и лаской подбавляла его, почти что склоняла к себе руку, голову, что Тася простала матери давешнюю сцену.

— Мама его полюбить, не может не полюбить, думала она.

* *

Обстоятельства складывались так, что сезон окончился, Володя уехал, а им все еще приходилось оставаться в маленьком домишке у моря.

Уже не раз

«Царская невеста» Лидия Липковская. «La Fiancée du Tsar»

у него, хотел ли он такого брака для своего сына, он запротестовал бы не меньше самой Елены Михайловны.

— На что Володька такая жена?

Тася писала Володе ежедневно и от него тоже получала письма очень часто со штемпельными иностранными портовыми. Часто читала их при матери и прятала в сумочку, ни разу не подумав даже покзать хотя бы строчку из письма.

Елена Михайловна чувствовала, что отношения их изменились, и эта мысль отгоняла от нее сон.

— Любовь к какому-то ничтожному грешнику вытеснила ее из души Таси, — думала она и не

всей душой привязывалась к колдовичьим розням и цыбле дни проводила с ними. Елена Михайловна приходила в ярость, когда сталкивалась с отцом Володы — Ксенофонтом. Случалось это довольно редко, впрочем, потому что Ксенофонт проводил не только дни, но часто и ночи на море.

Рыбалка Ксенофонт пользовался в своей

среде уваженьем, за ним числился не один герцожек выход в море в таких бурях, когда самые смельчак оставались на берегу.

Не раз вырчал он товарищей, спасая богатые уловы и самую их жизнь.

Он был угрюмый и молчаливый.

И сколько Елена Михайловна старалась быть с ним любезной, он не выходил из своего обычного состояния угрюмого молчания. Она даже чувствовала в нем некоторое к себе пренебрежение за свою барскую и женскую ничтожность. Она к нему снисходила, а о к ней снисходила, и она его ненавидела. И чья больше ненавидела, чья больше любилась за товарищана. Он был старик Ксенофонт не был в курьей семейных дел.

Если бы спросили ее, хотела ли она такого брака для своего сына, она запротестовала бы не меньше самой Елены Михайловны.

— На что Володька такая жена?

Тася писала Володе ежедневно и от него тоже получала письма очень часто со штемпельными иностранными портовыми. Часто читала их при матери и прятала в сумочку, ни разу не подумав даже покзать хотя бы строчку из письма.

Елена Михайловна чувствовала, что отношения их изменились, и эта мысль отгоняла от нее сон.

— Любовь к какому-то ничтожному грешнику вытеснила ее из души Таси, — думала она и не

«Царская невеста» Лидия Липковская.

«La Fiancée du Tsar»

1 Портрет воспроизводится впервые.

К. Балмонт

C. Balmont.

КОНСТАНТИН ДИМИТРИЕВИЧ БАЛЬМОНТЪ.

лявшему свою личную судьбу от общей доли эмигрантов. Многие бессарабцы, ставшие «беженцами поневоле», могли бы присоединиться к автору.

Ведущий рубрики «Литературные заметки» Владимир Шмидт, сын знаменитого городского головы Карла Шмидта, был образованным, интеллигентным человеком, хорошо знавшим литературу русского зарубежья. В связи с «Жизнью Арсеньева» он размышлял о судьбе современного русского писателя, оказавшегося «бездомным странником, погорельцем, изгнанником», полемизировал с критиками, считавшими, что на чужбине оскудевает творчество. В «волнующем» произведении Бунина его особенно пронзила «неизбывная щемящая тоска по родине и то особое чувство, которое назвал бы «жаждой возврата», – жадной, увы, неутолимой».

Сам Бунин дал в журнал новый вариант написанного в 1921 году рассказа «Третий класс». Опубликованный в «Золотом петушке» текст отличался от напечатанных к тому времени в гельсингфорской и парижской газетах. «Если бы страницы журнала украшал бы только один этот рассказ, то и тогда журнал был бы событием литературного дня, да ещё в Кишинёве. Всем известно, как мало пишет Бунин и как скупой отдаёт свои вещи в печать».

Украшением номера также был сочтён рассказ «Отец» Ивана Лукаша, который стал крупным писателем уже в зарубежье. Образ утраченной родины, Петербурга,

ибо творчество Бунина есть прекраснейшее и совершеннейшее завершение этих заветов. И мировое признание Бунина есть признание этих заветов, а значит и утверждение необходимости тех страданий, которые мы приняли во имя этих заветов, правды, красоты, свободы и неугашения духа. В своём тяжком пути мы никогда не сомневались в его правильности. Но всё же, в долгие годы лишений и борьбы, даже самые непреклонные сердца, даже самые сильные духом жаждали чудесных знамений поддержки и одобрений. И таким чудесным знамением явилось для нас увенчание Бунина всемирной премией. В нашей трудной доле это праздник и чудесная радость, могучее утверждение нашего подвига». Восприятие эмиграции как подвига, а не несчастья, было свойственно не одному Недзельскому, не отде-

сопрягался с приютившей изгнанников страной, с Парижем. А ключевая тема эмигрантской литературы – неизбывная духовная связь с прошлым в рассказе Лукаша трактовалась как светлая память, дававшая надежду на бессмертие. «Городок» Галины Кузнецовой сухо, сдержанно рассказывал о русских эмигрантах в первые годы устройства жизни бывших военных в болгарском захолустье.

Образ «возвращённого времени» многогранно преломлялся в поэзии, представленной на страницах «Золотого петушка» «необыкновенно пышно». Кроме поэтов, творчество которых было знакомо бессарабскому читателю – Игоря Северянина, Константина Бальмонта, Любо-ви Столицы, журнал открыл новые имена молодого поколения зарубежных, белградцев Ильи Голенищева-Кутузова, Екатерины Таубер, Евгения Кискевича. Были опубликованы в журнале стихи бессарабцев Аллы Разу, Леонида Евицкого, Ольги Мими-Вноровской, Сергея Соловьёва-Добржанского.

Румынскую литературу представляли стихотворение Д. Ангела «Волшебный стакан», в котором возникал призрак прошлого века, вызванный мечтательным воображением поэта, и рассказ И. Братеску-Войнешть «Соловей», повествовавший о драматическом конфликте между высокими устремлениями души и житейской прозой.

Историческую рубрику, проиллюстрированную офортами художника-графика Ш.Когана, вёл Ф. Инкулец, часто публиковавшийся в местной прессе на темы кишинёвской старины. В первом номере краевед знакомил читателей с историей строительства церкви Рождества Богородицы, по давней традиции называвшейся Мазаракиевской.

Владимир Недзельский, постоянно освещавший театральные события на страницах газеты «Бессарабское слово», в статье «Театр и искусство в Кишинёве» размышлял о парадоксальной ситуации, когда при наличии профессиональных и талантливых артистов, музыкантов, художников, многих «любящих искусство лиц», художественная и театральная жизнь города «едва теплится».

Второй номер «Золотого петушка» посвящён был символизму. Перекликались имена Серебряного века, ушедшей литературной эпохи, и современников, связанных с символистской литературной традицией. Романтизированный фотопор-

К. Бальмонтъ.

БОГАТЪЮ СЛОВЪ.

АЛЕКСАНДРУ ПЕТРОВИЧУ ПРОКОПЕНКО.

*Однимъ мечту въ свѣтлѣнцѣхъ снѣжники,
Угрюмой мысли въ лепетѣхъ иль мѣнѣхъ,
Пророческой скаль въ апокалипсическомъ бредѣ,
Тяжелью доволно—въ малой пѣстимкѣ,
Плещи твои—въ мирѣ твоѣ.*

Clamart, Seine.
1933, 9 июля.

К. Бальмонтъ

Игорь Северянинъ.

БАЛЬМОНТЪ.

*Пороснѣла владимиромъ моею
Дѣвѣ образъ изъяснѣнностью названъ...
Но помини: нѣтъ робкой грусти въ твоѣхъ
И слезахъ твоихъ—въ твоѣхъ мѣлахъ.
Она въ юности твоѣхъ советѣхъ,
Подвернутой въ ласкѣхъ твоихъ,
Освобожденной быть, чуждымъ именъ
Въ развѣтливомъ саду твоѣхъ.*

*Она много поэты, который такъ много люблю
Лучше дать, сказать: «Какъ Солнце, дубина!»
И дѣломъ душистымъ бросить веревку,
Лето это старому стѣсненному отъ жизни
Повторяю къ стонамъ въ мажорномъ глазу страсти,
Возвращаю къ тебѣ Русское Стихи.*

Кишиневъ.
3 Марта 1934 г.

Игорь Северянинъ

MAIUSULILE
LYON'S
satisfac cele mai dificile gusturi.
Bucuresti | Str. Lipsanei, No. 38. Tel. 3-77-50
Calea Grivitei, No. 112.

XIII г. **ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА** XIII г. Издания

На **1934 г.**
на большую седьмидневную, независимую общественно-политическую и экономическую газету

„БЕССАРАБСКОЕ СЛОВО“

Вступив в 13-тый год своего существования, „БЕССАРАБСКОЕ СЛОВО“ с удовлетворением может сказать, что оно всегда успешно выполняло поставленные перед ним задачи и отставало от справедливых требований.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ
Увеличены на сравнению с прошлым годом:
1 кв. 80 л., 3 кв. 220 л., 6 кв. 420 л., на 12 кв. 800 леев. Заграничный ВВОДЕ.
Для сельских священников, учителей и пенсионеров: 1 кв. 70 л., 3 кв. 190 л., 6 кв. 350 л.

VIZITATI
Postăvăria Modernă
I. POLONCHI
Str. Bărăției No. 52
(colț cu B-dul Maria)
unde găsiți stofe fine, ultimele noutăți ale sezonului cu prețuri excepțional de eftine.
Rog nu confundați adresa.

Institut de Arte Grafice
„LITERA“
Str. Gogu Gr. Cantacuzino 76
(vis-a-vis de Grădina Icoanei)
Telefon 210-10

„БЕССАРАБСКАЯ ПОЧТА“
Кишинев — год издания XII
ПОПУЛЯРНАЯ, ИНФОРМАЦИОННАЯ И НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА на русском языке из Бессарабии.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
1 год 500 леев, 6 месяцев 270 леев
3 месяца 140 леев, 1 месяц 50 леев

Адрес: редакция, конторы и типография: КИШИНЕВЪ, Синадиновская ул., домъ Примарин.

трет Бальмонта на первой странице и пятистишие «могикана русского символизма» возвращали к истокам направления. Были опубликованы стихи дочери поэта Мирры Бальмонт. О всероссийской славе Бальмонта, «в рифму» с названием его раннего сборника, напоминал Северянин: «Он тот поэт, который тусклым людям \ Лученье дал, сказав: \ «Как Солнце будем». (О стойкой любви к мэтру символизма, между прочим, говорит изданный в Кишинёве в 1927 году поэтический сборник А. Разу, эпиграфом к которому послужило стихотворение «Будем, как Солнце!») В традициях символизма написано «Голубое руно» И. Голенищева-Кутузова. Влияние символистской эстетики ощутимо в стихотворении Иона Микулеску «В безмолвном храме».

В «Литературных заметках» был дан отклик на опубликованный в парижской газете «Возрождение» мемуарный очерк В. Ходасевича об Андрее Белом, одном из самых громких в истории русского символизма имён. Владимир Шмидт, включившись в незатихающую полемику о том, что привело Россию к катастрофе, судил об эпохе символистов категорично, заявляя: «Каковы бы ни были их частные заслуги, прямые пути к будущему русской литературы идут не от них и не через них».

Эту точку зрения поддержал один из рецензентов, утверждавший, что в статье Шмидта «резко и сильно сформулирована литературная правда, которая ещё, к сожалению, не скоро докатится до нашей косной провинции».

Опубликованные во втором номере произведения ещё сильнее проявили основную тенденцию эмигрантской литературы как «литературы памяти». Различные по масштабу дарования авторы, в разнообразном по жанру материале возвращались в прошлое и к прошлому.

Эксклюзивом номера стали «Узлы» А.М. Ремизова. Отрывок из создававшегося в те годы автобиографического цикла «Подстриженными глазами» напомнил о том, что творчество писателя тесно связано с символистской прозой начала века. Ремизовские воспоминания концентрировались на самом важном, что «прошло на путях жизни духа», что повлияло на формирование личности.

В рассказе А. Фёдорова «Очки» описывалась наполненная воспоминаниями жизнь вдовы художника как жизнь подлинная, вхождение в которую постепенно открывает героине «что-то зримо-незримое и важное». Популярный до револю-

ции писатель А. Федоров жил в Софии, публиковался в русских газетах Кишинёва и Бухареста. Его сын Виктор был сценографом бухарестского Национального драматического театра, участвовал в оформлении второго номера «Золотого петушка».

«Преступление Елены Михайловны» Елены Боскович возвращало ко времени, когда человек ещё не потерял чувство живого Бога, чувство греха. Белградский беллетрист В. Эккердорф в рассказе «Ванька» в натуралистической манере излагал биографию человека благородного происхождения, который, чудом попав из нищей, грубой российской деревни в Париж, чувствует потерю чего-то важного.

Традиционные мотивы – прошлое, любовь, одиночество, при рода – звучали в стихотворениях Е. Кискевича, Ал. Стоянова (София), Л. Евицкого, С. Соловьева-Добржанского, О. Мими-Вноровской. «Макарёвск» Любви Столицы сопровождался некрологом и посвящённым поэтессе стихотворением Северянина, написанным в Кишинёве.

К слову, 30-е годы прошлого века были отмечены многими утратами в литературе русского зарубежья. Каждое имя было, как говорится, на счету. «Кто из русских не знает и не любит Василия Ивановича Немировича-Данченко? Кто не читал его увлекательных романов, путевых очерков, рассказов и его блестящих корреспонденций с театра военных действий?» – риторически спрашивал автор эмоционального текста «От редакции» по случаю выздоровления старейшего писателя зарубежья.

Ф.Инкулец в своей рубрике говорил о главной достопримечательности Кишинёва – Кафедральном соборе. В разделе «Искусство» была напечатана большая статья В. Булычева «Механизация музыки». Известный музыкальный и общественный деятель, организатор Московской симфонической капеллы, сыгравший видную роль в развитии хорового исполнительства в России, после революции жил в Кишинёве. Поставленная Булычевым проблема расхождения вкусов массовой аудитории и кишинёвских энтузиастов «художественных начинаний» осознавалась как реальная опасность для культуры.

Второй номер расширил диалог с румынской творческой интеллигенцией, опубликовав произведения известных литераторов Иона Минулеску, Цезаря Петреску и поместив репродукции картин Г. Петрашку, Н. Григореску, И. Изера, Д. Миря.

Настя тут же вышмыгала ему из ноги, запуская юбку. Давненько ведь друг и закивал им в жидкую...
Хованьк съёх медленно и безощадно. Ванька закусил губы и рыдал.

А вечером, когда Ванька лежал на животике и чесал его зудом, пришла Настя. Она ухватилась за кончики и протянула кусочек черного хлеба.

— Ванюша! На ночь, возьми... пирожек. Этому у тебя спалась. Ну-увай! Ну!.. и она сошла ему "пирожок" прямо в ротик. Ванька протянул руку, хватил пирожок и не говоря ни слова, съел.

— Тетка изведи ласка! Ибого: давай тонкая пирожок! Сладкий пирожок выпелся... Ванька млевал.

— Те не ка говори, меня закусь скоро выждать будешь. Довольно.

Ванька зыл.

— Говорить, за тебя.

— Больно ты мне нушка была! — цедил Ванька.

— Отчего же?

— Оттого! Я же не был на войну. Я в красную армию пошёл.

— Ванюшка!

— Чего лавишь?!

Говори — в красную армию...

...

Однажды до вара (Ванька минул уже тогда восемнадцатый год), когда он, по обыкновению, надышался недром и намоулял туго, обиделся на колючку, заволокло небо и повалился снег.

Ванька подпрыгивал, поддвигивал и когда ушёл доверку наполнился водой, Ванька брызнул весел.

Он ушёл на порточки перед печкой и дожал, как петь, вернувшись съ болота.

Он дул на руки, теря их друг на друга и сплевывая через зубы.

Настя пошла в шкап, нашла стачанчик стачанки, заправленной подальше, и поднесла.

Ванька взял стачанчик и брызг колесами опрокинул.

Потом нагнула туго и пошла во двор: приполоск старую порывавшую обувь, бросил ее на пень и ушёл чинить протыка шилом, сдванным на гвоздь, и собственноручно был дратвой.

Настя стирала, Сидом пухлячком ласковое стекло, пробила густой занави связь.

К вечеру вся деревня была занесена снегом. Он широкими лопатами лёг на полях, по деревенским улицам, залыная черными стаями побольше Обланим ханам.

Сразу после этого ударила мороз, и наступила долгая русская зима. Обь осенней распуцн, тран и непогоди сразу галь-то забояли, точно и никогда их и не было.

Хованьк принёс Ваньке лопти и тол- сие ому.

Ванька обрадовался, похлопал лопти- ми один о другой и скавал: — Ваню!

Настя так обинула!

Настя тут же обинула, и правнуса плесать по ибф.

Он далав ханте то скачки, выкидывая ноги на манер козариноской и, наконец, повалился на лавку.

Хованьк скавал, что даст еще вальные штаны — «до- года».

...

Настя засыпала копилку, поставила штоф, два стачанчика, хлябь, деревянную солонку с крупицей зернистой соли, ласку огурица и мелко нарезанную холодную говядину на круглой деревянной тарелке.

Проглотил Ваньку сразу, точно он проглотил пламень, и когда опрокинул он третий стачанчик, влопал у него пошеп шука.

Он чавкал, грывая огурица, обивался раскол, съел все гведину, которой ему никогда не давали и паругу поучествовал, что въ живни его провозила ханте-то перебой.

Хованьк хлопал его всю всей силой по лавку, так, что вздрагивало пламя лампочки и орать.

Виктор Эккердорф

Появились новые тематические страницы. Одним из корреспондентов рубрики, освещавшим спортивную жизнь Румынии, был бессарабец инженер Н. Кодряну. Секретами красоты делилась Е. Арцыбашева, вдова известного писателя Михаила Арцыбашева, после смерти мужа переехавшая из Варшавы в Бухарест. Значительно расширился рекламный отдел.

Своим появлением «Золотой петушок» вызвал небывалый резонанс в прессе. Отклики были исключительно хвалебные. «Такого журнала по внешнему исполнению в Кишинёве ещё не было. И в прежние времена «Золотой петушок» по типу подходил бы к роскошным изданиям, а сейчас, несомненно, имеет все права на звание «роскошного издания. \...\ И, зная технические, типографские и литографские трудности печатания в Кишинёве, надо сказать, что вряд ли можно было издать в данных условиях лучше». «Взяв журнал в руки, не веришь, что это издание напечатано в нашей стране. Сравнить его с местными журналами рискованно и опасно, если не наивно. «Золотой петушок» – вызывающий щелчок, который получили обильные наши издания того же рода». Удивляло всё: качество бумаги, полиграфия, «западная техника», «изысканная внешность»... Коллеги из «Viata Basarabiei» рождение нового журнала расценили как проявление духовной энергии «меньшинства, нашедшего пристанище на окраине румынской страны. И желали ему успеха в «борьбе за духовное развитие в полное скудости и деградации время». Корреспондент «Бессарабского слова» мечтал: «Петушок», несомненно, всколыхнет нашу сонную заводь».

Рецензент первого номера, на памяти которого родилось и угасло не одно периодическое издание, высказал «оптимистическое сомнение: а, может быть, выживет?» Разумеется, идея чисто литературного, «роскошного», с высокой себестоимостью журнала была сопряжена с реальными рисками. Главный его адресат – интеллигенция – принадлежала к бедной социальной группе. Финансовые проблемы оказались непреодолимыми...

«Золотой петушок» был одной из наиболее успешных попыток прорыва провинциальной замкнутости русской литературной жизни Бессарабии. Игорь Северянин дал этой попытке точную формулировку: «Это ведь героизм, – писал он в одном из писем, – в наше трудное и неблагодарное время пробовать организовать вестник Чистого искусства!».

Далее представляем читателям некоторые страницы журнала «Золотой петушок».

Ольга ГАРУСОВА – научный сотрудник сектора «Этнология русских» Института культурного наследия Академии наук Молдовы. Родилась в Казахстане. По окончании театроведческого факультета Ленинградского Государственного института театра, музыки и кинематографии (ныне – СПГАТИ) получила направление в Кишинёв в Дом актёра Союза театральных деятелей Молдавии. С 1982 года работает в Академии наук. Публиковалась в различных кишинёвских газетах и журналах, в научных изданиях по вопросам современного театрального процесса Молдовы; истории театра, культурной и общественной жизни Бессарабии, русской эмиграции. Автор монографии «Карл Шмидт. Городской голова Кишинёва 1877–1903».

получила телеграмму отъ Ивана Васильевича, въ которой онъ извѣщалъ о своемъ назначеніи на Уралъ и о высылкѣ имъ на дорогу денегъ.

Онѣ уѣхали и поселились въ новомъ мѣстѣ.

Ихъ раны долго не залѣчивались и болѣли.

Когда Тася оправилась настолько, что могла думать о другихъ, она увидала, что мать тоже переживаетъ большое горе, что въ этомъ горѣ есть что-то ей, Тасѣ, чужое и непонятное. Страненъ ей

былъ и постъ, который мать не нарушала даже и на Пасху. И хотя Елена Михайловна по прежнему всю душу отдавала дочери, въ ихъ отношеніяхъ не было ни прежней простоты, ни легкости. Тѣнь погибшаго Володи встала между ними навѣки.

Кишиневъ.

Елена Васильевна.

Арсеній Формаковъ.

ГРОЗА.

*Весь день кричали тѣтушки,
Неслись разорванныя тучки,
Какъ неудачные стихи
Взволнованнаго самоучки.*

*А въ ночи пролились громи
Бравурной музыкой Россіи,
И лужицы змурые глази
Вдругъ стали ласковы и сими.*

*Ты поднялась изъ уголка,
Приблизилась еще несмѣло,
И отдала нагое тѣло
Моямъ промокшимъ рукамъ.*

Дняскъ
Латвія.

Арсеніевъ

С. Соловьевъ - Добржанскій.

ПЕРЕЛЕТНЫЙ ГУСЬ.

*Полонь садъ задумчивой обиды.
На деревьяхъ свищутъ стѣлгири.
Слышу въ вопъ вѣтра паннаиды
И туманы вижу до зари.*

*Плывью птицъ въ лугахъ внималъ досель,
А теперь мной сниженъ въ небѣ гусь.
На испорченныя жарусели
Стали дни погожеи: въ дали раусь.*

*Въ дали раусь... Но, будильми расколотъ,
Въ утро сіяе, когда тибудъ,*

*Я вдохну осенній, горькій холодъ
Въ нетоскующую больше грудь.*

*Я покину радости земныя,
Вдругъ подбитый жизнью, отдаюсь...
Упаду на панни золотыя,
Какъ тепля искавшій въ далагъ гусь.*

Кишиневъ.

С. Соловьевъ - Добржанскій

Игорь Сѣверянинъ.

ЛЮБОВЬ СТОЛИЦА.

Воистину — „Я красками бушую!“
 Могла-бы о себѣ она сказать.
 Я въ пеструю смотрю ея тетрадь
 И удалъ вижу русскую, большую.

Выскывая сторону смѣшную,
 Старались перловъ въ ней не замѣчать
 И наложили пошлости печать
 На раковину хрусткую ушную...

И обожгли печатью звонкій слухъ...
 А, вѣдь, она легка, какъ яблонь пухъ,
 И красочностью луце, чѣмъ Маявиль!

О, если-бъ бережнѣе отнестись, —
 Въ какую вольный духъ вознесся-бъ высь,
 И какъ разгульный стихъ ея былъ славень!

Кишиневъ.
 1-го Марта 1934 г.

Игорь Сѣверянинъ

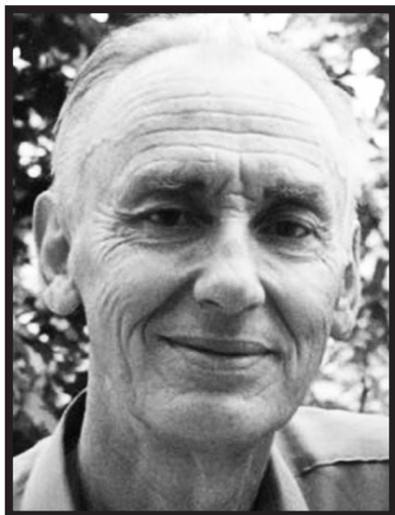

Один в поле-воин

СЕРГЕЙ МАСЛОБРОД

ЧЕРЕЗ ВАС ВЫРАЖАЛАСЬ И НАША ДУША...

До сих пор стоит перед глазами тот печальный день прощания с уникальным человеком, рыцарем чести и совести. Случается, выпадает редчайшая удача соприкоснуться с истинной Личностью. И это общение вскоре становится необходимым тебе, ибо безоговорочно чувствуешь, как светлая душа поднимает и тебя, пробуждая в твоём сердце самое лучшее, человеческое. Таким был Евгений РОЖКО, бессменный председатель кишинёвского Клуба книголюбов «Универсул», человек энциклопедически образованный, замечательный организатор, человек-оркестр: и поэт, и певец, и чтец. Он был словно апостолом прекрасного и точно соответствовал определению Андрея Вознесенского – прораб духа.

Как написали в газете «Русское слово» в некрологе, посвящённом памяти Евгения Рожко: «Кажется, сам воздух вокруг него изменял свою структуру и настраивался на возвышенный интеллектуально-художественный лад». Такие люди своим существованием формируют неповторимые и лучшие черты характера целого города. Вот как трогательно об этом сказала журналист Марина Иримчук: «Для меня вместе с ним ушла часть Кишинёва, того, старого, тёплого, интеллигентного, радушного, пахнувшего книгами и сиренью, а не враждой и разрухой в головах. По его жизни можно изучать историю одной страны, а потом и другой...».

Церемония прощания у подъезда его дома затянулась, потому что люди всё шли и шли. Было ощущение, что пришедшие – это одно большое любящее сердце, которое страдает, не в силах смириться со случившимся. И когда зазвучал в записи голос Евгения Ивановича, стихи, которые он читал на одном из наших клубных заседаний, у многих дрожь пробежала по телу, а глаза наполнились слезами. И было ощущение, что мы в иной реальности, что наш дорогой председатель клуба решил провести особую встречу с нами перед тем, как навсегда уйти в небо. В последний путь мы провожали его аплодисментами, как это принято в среде людей искусства. И тут вдруг грянул салют – три оружейных залпа. Это бывшие афганцы, собравшиеся на бульваре Мирона Костина, поминали павших на поле бра-

ни однополчан. Они же невольно отметили и миг нашего прощания с ещё одним воином – воином духа.

Было в его уходе нечто мистическое: Евгений Иванович родился и ушёл из жизни в те же месяцы, что и бесконечно обожаемый им Александр Сергеевич Пушкин, причём полное совпадение случилось и по датам. Прощальный день 14 февраля выдался не зимним, а тёплым и солнечным, каким, собственно, и был наш Евгений Иванович.

В дни памяти Евгения Рожко ностальгически хочется окунуться в историю создания известного, почти легендарного в столице Клуба «Универсул», тем более что её поведает нам сам председатель. Приведём фрагменты из его статьи, опубликованной в 2003-ем году в нескольких номерах газеты «Лоботряс». «Самым дефицитным товаром была не колбаса, а книги. Какими только путями ни добывали книголюбые возжеленные томики! Обхаживали продавщиц, дарили конфеты, цветы, заводили знакомства на базах, в магазинах и даже в райкомах! И, главное, обменивались добытым богатством...

На склонах Рышкановского парка, в парке Победы, в сквере у Конно-спортивной школы собирались до тысячи книголюбов. Собственно, это и был первый «книжный клуб» в Кишинёве. Какие разговоры, какие рассказы, какие рецензии, какие шутки! А какие люди! Потом приютил нас Дворец профсоюзов, затем Дом культуры строителей, потом...

И вот однажды на такую сходку пришёл директор книжного магазина «Универсул» В. Абакумов и сказал: «Хватит. У меня есть общественный совет магазина. Объединяемся и создаём настоящий клуб книголюбов «Универсул». Давайте пропагандировать книгу, распространять её на предприятиях, читать лекции. И место есть – ДК «Стяуа Рошие». А я подброшу активистам дефицит». Так в 1972 году в Кишинёве был создан наш клуб, замечу, он был первым в СССР! Добротные лекции, интересные гости, своя стенная газета, викторина. В 1974 году выдали членские билеты, избрали председателя, актив, возникла редакция. Появились девиз и герб клуба».

«А какие люди сюда приходили! А всё это наш «шеф», директор магазина. Приезжает, скажем, в Кишинёв Белла Ахмадулина. Покажут ей все достопримечательности, а она просит ещё и дефицитных кишинёвских книжек. Тогда берут её под белы ручки и ведут в центральный книжный магазин №10 «Универсул» к директору Василию Семёновичу. Он ей ручки целует, а сам ваньку валяет: «Вайнеров», Белла Ахатовна? Не знаю, не знаю. Но постараемся. «Декамерон»? Ну, это попроще, дадим. Шукшин? Ой, если один и остался! Посмотрю. А знаете, что? Вы придите в воскресенье в наш клуб, пообщайтесь, там так вас любят! Я Вам там и книжки отдам». И приходили, конечно.

Так перед нами выступили Б. Ахмадулина, Р. Казакова, А. Розенбаум, саксофонист А. Козлов, редактор серии «ЖЗЛ» из «Молодой гвардии» во главе с В. Порудоминским, вдова Николая Островского Раиса Порфирьевна. А свои-то писатели как любили ходить к своим читателям. Побывали у нас и Р.Ольшевский, Е.Баух, и Н.Сундеев, и Н.Савостин. Да и нынче мы с удовольствием встречаемся с Валентиной Костишар, Мирославой Метляевой, Александром Миляхом, Натальей Рощиной, Надеждой Дёминой».

В тему стихи самого Евгения Ивановича:

Ещё никто покуда
 Не может отобрать
 У нас общенья чудо
 И дружбы благодать.

А размышлений роскошь!
 А таинство речей!
 Да мы же с вами просто
 Богаче богачей.

И с семьдесят второго,
 Чуть только выходной,
 Библиофилы гордо
 Идут в свой клуб толпой.

Идут, расставшись с семьями,
 Идут, презрев уют,
 Чуть только воскресение,
 Идут, идут, идут.

Но после распада Советского Союза люди стали уезжать в дальние края. Все помещения коммерциализировались. «Бескорыстному клубу книголюбов НИГДЕ не нашлось местечка. Встречаться стало негде. Собирались дважды в каком-то кафе (дорого), в «красном уголке» ЖЭКа (тесно), на квартирах двух-трёх членов клуба (совестно перед хозяевами) и... прекратили заседания. Порой собирались в каком-нибудь парке, но разве это жизнь? Наконец, лет 12 назад нас приютил Дом-музей А.С.Пушкина. И вот 12 лет под кровлей, освящённой именем гения, длится третий этап существования клуба «Универсул». Добавим, что несколько позже клуб стал периодически заседать в Еврейском этнокультурном центре КЕДЕМ и в библиотеке имени Мангера, а в последнее время прочно обосновался в библиотеке имени Ломоносова.

В клубе книголюбов есть что-то от патриархальной семьи. Как только вы попадаете сюда, у вас тотчас возникает ощущение, что вы на литературных посиделках, в некоем салоне искусства или на домашнем спектакле с чаепитием, столь характерном для доброго старого времени и бесконечно далёком от сегодняшних политических страстей и коммерческих интересов. Хозяин дома Евгений Иванович – в одном лице и автор, и режиссёр, и постановщик, и один из ведущих актёров разыгрываемого здесь действия. Впрочем, диктатура его мягкая, деликатная, исключительно интеллигентная.

Основная часть заседания – доклад на заданную тему. Тут докладчикам и его оппонентам – самый широкий простор для самовыражения. Можно представить нечто значительное и любопытное о чём-то или о ком-то, в том числе и о себе. Поднимаются здесь темы и сугубо литературные (главная в судьбе книга, поэт, алхимия слова), и художественно-музыкальные (городской романс, история джаза, картины Рерихов, театр Брехта), и философски-религиозные (феномен человека, русский космизм, Библия – великая Книга), и даже строго научные (искус-

ство в науке, биополе, «разум» растений). Для выступлений периодически приглашаются докладчики «по интересам», которые нередко сами заболевают клубом, что и случилось с автором этой статьи.

Особый день в Клубе книголюбов – 1 апреля. Здесь юморина или «Первоапрельские похихелки». Обычно в этот же день все некоммерческие клубы города в гости были к нам. На эти особые посиделки приходили: клуб «Цигун», клуб «Надежда», клуб флористов «Диана», клуб любителей фантастики, клуб путешественников, клуб любителей кошек «Кармелла», бард-клуб «Товарищ гитара», клуб-школа классического танца «Сеньоры», клуб «Элегия»

А коли так, подумал Евгений Иванович, не сделать ли присутствие этих клубов у нас постоянным, то есть организовать Клуб клубов. Об этой «хрустальной мечте» нашего председателя даже газеты написали. И вот 18 февраля 1996 года состоялось объединительное заседание всех клубов под эгидой «Универсула».

Вот как об этом замечательном событии в культурной жизни города написала «Деловая газета»: «В гостиной Дома-музея Александра Сергеевича Пушкина собрались компьютерщики и архитекторы, учителя и рабочие, служители муз и музейные работники, журналисты и библиотекари, был тут и советник Российского посольства... Члены любительских клубов и их друзья пришли на своеобразную символическую презентацию «Клуба клубов». Был назван и президент, «духовный отец» этого большого братства, председатель клуба книголюбов «Универсул» Евгений Иванович Рожко. Перед началом встречи он зажжёт традиционную свечу, а закрывая её, задул огарок...

Три часа под сводами гостеприимного храма памяти звучали стихи, музыка, песни. Три часа длилось пиршество человеческого общения. Атмосфера его вырывала из быта, суеты, очищала, просветляла. И убеждала, что в жизни есть не только коммерция и политика, преступность, сатанинские оргии, но и мгновения ничем не оскверненной чистой красоты».

В апреле 2012 года Клубу книголюбов «Универсул» исполнилось 30 лет. По этому случаю в Ломоносовке организовали чудесный вечер, на открытии которого блистал ансамбль «Рапсодия», руководимый вдохновенной Наташей Барбанщиковой. «Выступление ансамбля «Рапсодия», с его шестью новыми маленькими исполнителями, – отметила заведующая библиотеки Маргарита Щелчкова, – стало приятнейшим сюрпризом, бальзамом для наших книжных душ, давно не слышавших и не видевших подобной любви и пиетета к книгам, какая прозвучала в их музыкальном подарке, с большим вкусом подобранным руководителем ансамбля. Великолепный подарок надежды Клубу и книголюбам «Ломоносовки!»». На этом празднике председателя Клуба произвели в «настоящие полковники», облачили в соответствующую форму.

Заседания Клуба «Универсул» могли проходить и на открытом воздухе, и у кого-то на квартире. В Долне в пушкинские дни наш Евгений Иванович вёл сборный концерт (стихи, песни, танцы), в котором участвовали не только кишинёвцы, но и вся Молдова и даже гости из союзных республик, а позже – из стран СНГ. Особо хочется упомянуть о «заседаниях» у Мемориала славы в День Победы. Здесь сразу после парада Евгений Иванович в ранге ведущего организовывал, как он называл, «народный концерт», где все желающие всех возрастов пели песни и читали стихи, написанные на войне или о войне. Импровизированный кон-

церт втягивал в свою орбиту до 200 человек. Со временем он превратился в одно из знаковых событий Дня Победы.

Мне не забудется ещё одно особое заседание клуба – посещение Всенощной на Пасху. Но и в других клубах наш Евгений Иванович был желанным гостем, а то и одним из организаторов их мероприятий. Он активно участвовал в проведении в Кишинёве игр Клуба весёлых и находчивых (КВН), клуба «Что? Где? Когда?», конкурса начинающих поэтов, был членом жюри песенного фестиваля-конкурса «Афродита с гитарой», в котором представительницы прекрасного пола демонстрировали свое вокальное мастерство и игру на гитаре, исполняя произведения собственного сочинения, и песни известных авторов.

В состав международного жюри тогда вошли авторы-исполнители и поэты из Молдовы, Израиля и России.

В течение нескольких сезонов Евгений Иванович вёл в Ломоносовке кинолекторий с показом фильмов. Рассказывал увлекательно о шедеврах мирового киноискусства, о режиссёрах и актёрах. Музыкально образованный и одарённый, он органично вписался в коллектив бардов клуба «Товарищ гитара», где показал себя первоклассным солистом, особенно он любил романсы и джазовые импровизации.

В феврале 2011 года он помог организовать презентацию моей книги стихов «Земные небеса» в академическом институте, где я работаю. Придумал яркую программу, которая определила душевную и непринуждённую атмосферу встречи. В другой раз я вновь пригласил его в институт на свой юбилей. Расторопный лицедей попутно прихватил с собой парочку бардов для увеселения учёной братии. Тогда Евгений Иванович так «засветился», что долго еще коллеги спрашивали меня, когда же будет «продолжение банкета».

Что же все-таки главное было в характере Евгения Ивановича? В высокой степени ответственное отношение к порученному или взятому на себя добровольно делу. Когда он вёл концерт или встречу, со стороны казалось, что всё у него получается легко, весело, непринуждённо. Но за этим стоял огромный и, к сожалению, практически неоплачиваемый труд. Сколько ему приходилось копаться в своих многолетних записях, в библиотечных книгах, в Интернете, сколько интересного придумывать, чтобы будущее заседание прошло на уровне! Он был библиофилом высшей пробы! Я говорю об этом со знанием дела, так как лично видел, с какой тщательностью и серьёзностью он готовил программу к презентации моей книги. И ещё он любил искать первосмысл слова и выражения, как это умеют делать профессиональные филологи.

В нём последовательность старателя, собирателя, аналитика органично сочеталась с «неуправляемостью» романтика, «взрывающегося» неординарными идеями и поступками. Так, он сразу предложил мне начать программу презентации моей книги с того, что меня за руки волокут два дюжих молодца в зал к судье (к Рожко). Я упираюсь, как могу. Мне предъявляют обвинение, что я присвоил себе авторство книги, так как у меня фамилия Маслобред, а не Маслоброд. После комического разбирательства, меня оправдывают. Мои коллеги, дирекция института вначале опешили, а потом был гомерический хохот.

На просьбы помочь он откликнулся моментально и помогал всем, чем только мог. Он действительно был надёжный и верный товарищ и друг, с которым можно было идти в разведку. Когда-то Грибоедов горестно вопрошал: «Где, укажите нам,

отечества отцы, которых мы должны принять за образцы?». И его современникам и последующим поколениям весьма непросто было отвечать на этот вопрос. А вот нам легко: по большому счёту Евгений Иванович Рожко – вот образец!

А ведь он тоже нуждался в нас, в своих одноклубниках, друзьях. Как он был благодарен тем, кто разделил его горе в связи с уходом из жизни супруги Раисы Ивановны! Для него это была страшная потеря, он не мог подолгу оставаться один в квартире, где всё напоминало ему о ней. Когда ему звонили, он непременно приглашал в гости, сразу же угощал своими особыми чаями и настойками, затевал беседу о высоком, включал редчайшие записи певцов и композиторов, сопровождая их профессиональными комментариями.

У него есть стихотворение «Я ваш должник», написанное в 2003 году.

Твой тяжкий груз на плечи принимая,
Друзья себя по капле отдают.
И каждой каплей (как я это знаю!)
На каплю продлевают жизнь твою.
Друзья уходят... В небеса... Навеки...
Но и оттуда тянут дружбы нить.
Я к ним приду, не вечны человеки.
Я к ним приду. И будем там дружить».

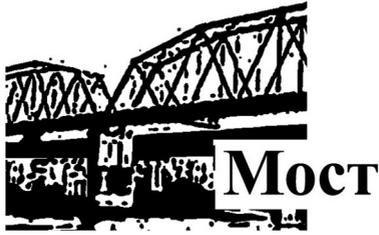
Вот теперь он к ним и пришёл.

Поэзию он любил страстно, понимал её. У него была специальная книжечка, в которую тщательно записывал самые полюбившиеся стихи. Он, как ребёнок, радовался, когда «выловил» стихи Валерия Шварца, которого он ещё не знал лично. И какое было для него счастье, когда Валерий однажды собственной персоной вдруг заявился в клуб «Универсул» и вскоре стал его завсегдаем! Евгений Иванович гордился тем, что в его Клубе – почти сплошь поэты, простим ему это преувеличение. Стеснённый в средствах, он долго носился с идеей хорошего издания сборника стихов, написанных членами его Клуба. Сборник «Нет, я не Пушкин, я – другой...» он всё-таки собрал, правда, только в электронном виде, включив в него стихи 22 авторов.

Ещё одно его красноречивое свидетельство о том, чем для него был клуб «Универсул»:

Хоть голова моя седа,
Я презираю лет коварство.
Пускай беснуются года, –
Со мной мой клуб, моё богатство.

Сергей МАСЛОБРОД родился 1 января 1937 года в селе Дойбаны Дубоссарского района Молдовы. Доктор биологических наук, главный научный сотрудник Института генетики, физиологии и защиты растений Академии наук Молдовы. Член союза писателей «Нистру». Автор более 300 научных работ и 5 монографий, в том числе научно-популярной книги «Электрический «язык» растений». Область научных интересов – биофизика, нелокальная (мгновенная) связь в живых и неживых макросистемах, эниология (энергоинформационный обмен), нанотехнология в растениеводстве, генетика, электрические свойства растений, мысль как фактор воздействия на воду и растения. Публиковался в республиканских и российских периодических изданиях. Автор книги стихов «Земные небеса».

«БЕРЕГ ЛЕВЫЙ, БЕРЕГ ПРАВЫЙ»

МАРИНА СЫЧЁВА

КЛЮЧ К ВОЛШЕБНОМУ ЗАМКУ

Как же быстро бежит время! Спешит, торопится, темп наращивает. Кажется, только что была «Пушкинская горка», согретая лучами светлого имени классика литераторов с обоих берегов Днестра. Как будто вчера в Тирасполе, отмечая 25-летие ПМР, собрался «Город мастеров» во главе с писателями, встречающими гостей праздника поэтическим словом. И вот уже новогодние ёлки засверкали на площадях, оставляя разноцветные воспоминания недавних событий. И вот уже опять весна... Улетают секунды, унося с собой наши переживания, встречи, разлуки, нашу жизнь.

Есть у времени тайна сиюминутности. Помните? Прошлого – уже нет, будущего – ещё нет, а то что «сейчас», почти неуловимо. Уметь поймать, почувствовать непрерывный поток времени дано немногим. Я хотела написать, что тайной времени владеют писатели, мол, создавая свои лирические миры, они управляют скоростью этой загадочной субстанции – останавливают мгновения, собирая россыпь секунд в стихотворения, поэмы, рассказы и повести. Но, увы, всё значительно сложнее. Настоящий писатель действительно в силах заставить годы стремительно мчаться или медленно, сонно покачиваясь, плыть в такт его внутреннего, писательского ритма. Однако и движение лет, и их дыхание, и события – всё иллюзорно, плод творческой фантазии автора, результат его умений и таланта.

Иллюзорно всё, кроме чувств, вызванных произведением. Думаю, что не открою секрета, заявив об уникальности поэзии, как проводника чувств от писателя к читателю, слушателю. Порою поверхностный сюжет стихотворения совершенно не интересен, но задействованные в нём ассоциативные приёмы, смысловые ходы, подводные эмоциональные течения творят чудо. Словно голографическая картинка, вытканная из чувств, ощущений, выдумки – и пред взором читателя возникает образ сотворённого автором мира. Именно этого ощущения «реальности нереального» я всегда жду от стихов. Свои – безбожно кромсаю, перерабатываю. А чужие – читаю, слушаю, ищу авторов, умеющих, выражаясь словами Ю.Тынянова, «разбудить вещь». И нахожу! Несмотря на лавину зарифмованных банальностей, привычку к имитации переживаний у современных «поэтических рудокопов» и популярность рассуждений об «индивидуальном авторском стиле».

Говоря о литературе Приднестровья, нельзя не сказать с сожалением об отсутствии регионального книжного рынка. Современные писатели, по разным причинам, не издаются в коммерческом смысле этого слова. Сборники, выходя-

щие тиражом сто-двести экземпляров, расходятся в виде подарков родным, знакомым и не доходят до прилавков магазина. А литературные журналы, тираж которых так же довольно скромный, вовсе не предназначены для продажи. Так что слушать, как бьётся литературный пульс на левом берегу Днестра, можно только через интернет-сообщества, читая редкие, даруемые авторами книжицы, да ещё присутствуя на писательских мероприятиях. Конечно же, получить глубокое и всеобъемлющее представление о развитии литературного процесса, опираясь на эти источники, невозможно, но разглядеть в чередующихся тех, кто обладает «даром слова», вполне вероятно.

И сегодня я хочу познакомить читателей «Русского поля» с двумя приднестровскими поэтами – Ларисой Ладыка и Николаем Антоновым. Возможно, представление этих авторов одновременно, в паре, покажется странным – уж слишком они разные. И по степени владения мастерством, и по отношению к поэтике, и по коэффициенту откровения, если можно так выразиться. Лариса часто играет формой и словами, ограничиваясь правилами метрических строк, пробует ритурнель, рондо, триолет, пишет басни, делает переводы, пародии и в каждом новом припадке страсти находит изюминку, а для Николая стихи – это возможность сообщить миру о своих чувствах. «И что же их объединяет?» – спросит внимательный читатель. По-моему, обоим авторам удаётся остановить мгновение, почувствовать неуловимое «сейчас» и передать ощущение момента. Зыбкая сиюминутность настоящего открывается через их стихотворения, словно хитрый замок, скрывающий необыкновенные тайны. И если поэзию называть ключом к волшебному замку, то поэты – искусные мастера, изготавливающие этот ключ. Мне вдруг представился мост с множеством замков. И не влюблённые пары прикрепили их к ограждению, а писатели и поэты, и ключи не выброшены – они подарены многоводному людскому потоку. Нужно только воспользоваться магией подарка.

ЛАРИСА ЛАДЫКА

По специальности учитель английского языка. После окончания института работала в Карелии и Мурманской области. В Молдавии – с 1988 года. Живёт в селе Ближний хутор, где преподаёт в средней школе. Стихи начала писать для домашних праздников и школьных мероприятий, не считая это занятие серьёзным. Переводила на русский язык стихи английских и немецких авторов.

С 2010 года – член Союза писателей Приднестровья, активно работает в литературных объединениях «Зов души» (г. Слободзея) и «Светоч» (г. Тирасполь).

Пробует себя в различных формах стихосложения – от классических сонетов до японской построчной рэнги, «бабочек» и «матрёшек».

УТРО

Вот и первый луч скользнул в окошко.
Громко капает вода из крана.
Двое на диване: я и кошка.
Рано.

Кошка, прикрывая третье веко,
Погружается в свою нирвану.
Это с точки зренья человека –
Странно.

В кошкин рай закрыта мне дорога,
Там – цивилизация иная.
Но она-то обо мне так много
Знает.

А порой разговоришься с нею –
Как вчера – и вытряхнешь всю душу...
Из подруг никто так не умеет
Слушать.

Всё! Встаю. Пора сменить программу.
Например – заняться физкультурой.
– Брысь!
А кошка – телепатограммой:
– Дур–рр–ра!

КАЛИТКА

На веку повидав немало,
Хорошо своё знала дело:
Звонкой песней друзей встречала,
На незваных гостей скрипела.
В ней жила и собачья верность,
И пружинно-тугая сила,
И какая-то бабья ревность –
Потому что свой дом любила.
А весне как бывала рада!
Слов наслушавшись потаённых,
Открывалась навстречу саду,
Провожая туда влюблённых.
В нежном запахе белых лилий
И сама молодой казалась.

Только вдруг навесы заныли,
Навалилась тоска-усталость.
И, баюкая боль в суставе,
Странный сон стал ей сниться часто:
Всё о том, кто свой дом оставил
И уехал за лёгким счастьем.
Ни с того ни с сего, днём белым
Что-то стало ему немило.
Задержать его не сумела,
Хоть, собрав последние силы,
Наглотавшись обид и пыли,
Загораживала дорогу...
Через год её заменили –
Видно, помнила слишком много.

СЛИВА

Погибло дерево в цвету,
Посаженная дедом слива.
Мертва, но всё ещё красива,
И треплет ветерок игривый
Уже ненужную фату.

Засохнув, облетят цветки,
И осенью плодов не будет.
Ствол на дрова распилят люди,
А веткам – дожидаться в гряде
Кремации «под шашлыки».

Так мудро нам природа-мать
Простые смыслы преподносит,
И скрыт ответ в самом вопросе:
Тем, что цветут и плодоносят,
Дано и в смерти согреть.

МАМА

Мама не спит, но дышит. Я притворяюсь тоже. Думаю, как не думать совсем-совсем ни о чём... Может быть, тот, кто выше, всё-таки нам поможет? Если он – самый умный, зачем так больно бичом?

Мама забыла звуки, буквы, слова и лица, словно вернулась в детство, туда, где нас ещё нет. Чашку не держат руки. Как заново жить учиться?..

Бьётся неровно сердце. Инсульта дьявольский след – немощью униженье. Запах лекарств, пелёнок... «Я помогу деньгами», – глаза отводит сестра. Памяти искривленье. Ты теперь – мой ребенок. Да, мы тут как-то сами...

А ей вернуться пора.

Мама беззвучно плачет. Знаю: не всё сказала. Но в её новом мире, где нет вербальных оков, есть только правда. Значит – это не так уж мало. Шелестом по квартире – пустые фантики слов.

Знаешь, теперь мне ясно: есть пострашнее драмы. Ты же смогла вернуться! И даже боль говорит: жизнь всё равно прекрасна! Утром проснуться с мамой – счастье. Опять проснуться!

Не слышит мама. Молчит.

ИВАН-ЧАЙ

(рондо)

Иван-чай застелил аметистовым цветом
Прелесть северных дней уходящего лета
И красуется гордо в прощальных лучах,
Отражаясь в печальных озёрных очах
Фиолетово-флоксовым нежным приветом.

Пусть грустна неизбежность природных сюжетов,
Не брани заполярный пейзаж сгоряча:
В ярких ягодных бусинах тундры парча,
Иван-чай...

Обделённый вниманьем влюблённых поэтов,
Бережёт он слова для ноктюрнов неспетых,
Что нежданно-негаданно в южных ночах
Вдруг щемящей тоской зазвучат невзначай,
Без надежды, что эхом откликнется где-то:
«И – ван – чай!»

ЯБЛОКИ

(риторнель)

Падали
Яблоки спелые, словно в Эдемском саду.
Ева устало смотрела и думала, надо ли...

Надо ли
Сочный румянец раскрашенных солнышком щёк
Вдрызг разбивать, по законам физическим падая?

Падая
 В глупом стремленье скорей превратиться в компот
 Или душистым вареньем, шарлоткой порадовать...

Радовать
 Некого старенькой Еве: она никогда
 Не поддавалась соблазнам исчадия адова.

Адом ли
 Стал ей, разумной, красивый заброшенный сад,
 Где безнадежно ненужные яблоки падали?

ЛОБСТЕР УТОМЛЁННЫЙ

(пародия)

*«За отдельным столом Вы сидели,
 Пили шерри двойное со льдом,
 Утомлённого лобстера ели...*

.....

Ваши губы призывно алели...

.....

*Вы меня так безумно хотели,
 Только жаль, я об этом не знал».*

(Евгений Зубов «Пьяное»)

Вы сидели в Парижском отеле,
 Над едой издеваясь притом,
 Перепуганных рябчиков ели
 Влажно-алым раскрашенным ртом.

Круассаны, рокфор, профитроли
 Тосковали на Вашем столе,
 Тихо устрицы выли от боли,
 Пряча ужас на дне божоле.

Страх фондю в зеркалах отражался,
 Впал в депрессию хмурый омлет.
 Камамбер измождённым казался,
 Был задумчив брутальный рулет.

Вы усталого лобстера ели,
 Лобстер молча грустил и страдал...
 Как же мне повезло, в самом деле,
 Что тогда я, наивный, не знал,

Как МЕНЯ вы безумно хотели!

ОПЛЕУХА СУДЬБЫ

(пародия)

*«Чтоб совсем не пропасть в одиночку,
 Спать привыкший на левом боку,
 Предложу скоротать одну ночку –
 То ли женищине, то ль мужику.
 Но не знаю, что делать мне с ними.*

.....

Может, вспомню... И кто-нибудь снимет...

.....
Некурящему мне, может, мало

Дозы лошадиной никотинки...

Коль судьба со мной играть устала,

Влеплю я ей последний подзатыльник».

(Никандр Елагин «Спать привыкший на левом боку»)

Вот лежу с неподкупной улыбкой

По привычке – на левом боку.

Предложил я себя по ошибке

То ли женщине, то ль – мужику.

Ночь, как жизнь, пролетает, но – мимо!

Горько мне и обидно до слёз:

Оказалось, что даму (мужчину?!)

Тоже мучает давний склероз.

Только дальше что делать мне с ними –

Не припомню... А время идёт!

Может, сфоткает кто (то есть, снимет)

И в родную газету пошлёт?

Неприглядная, в общем, картина...

Надаю-ка судьбе тумачков:

Не подсовывай мне никотина

И обкуренных баб (мужиков)!

ТРИЛЛЕР НА КУХНЕ

(пародия)

«Мысли, словно ножи, режут душу в ночи,

Нарезая сюжеты из прошлого.

Память... Больно... Но поздно, кричи не кричи,

Юность – мельницей времени в крошево».

(Натали Самоний «Наше лето – в былом...»)

Память, словно мясник, режет душу в ночи,

Нарезая кошмаром сюжеты.

Остро автор-гурман инструмент наточил!

Юность – в суп, а мечты – на котлеты.

Это память-палач, это время-маньяк

Сердце, почки и печень терзают,

А всё то, с чем зубами не сладить никак, –

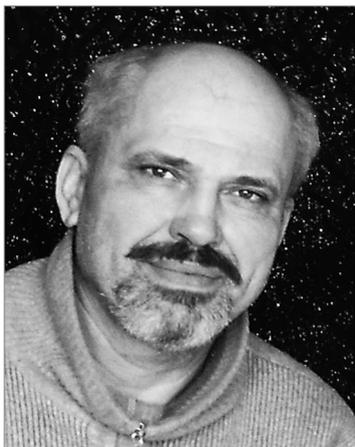
В мясорубку! И в фарш превращают...

Ненасытная память, как повар-садист,

На бифштексы любовь отбивала,

Когда в кухню незванным зашёл пародист.

И ему кое-что перепало...

НИКОЛАЙ АНТОНОВ

Родился 23 мая 1963 года в Украине, в селе Фёдоровка Котовского района Одесской области. Через два года семья переехала в село Суклея Слободзейского района МССР. Учился в русской средней школе, где начал писать стихи. Окончил Львовскую специколу МВД. Лауреат конкурса «Поэт ликующего мая-2008». Печатаётся в периодической печати и коллективных поэтических сборниках. В 2009 году издал первый сборник стихотворений «Беседка нашего двора».

О, МОЙ ПОЭТ – СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА...

Свет факела. Шаги. Ключи в замке.
 Два поворота – и тяжёлый скрежет,
 А там – сплошная мгла. Но ты в руке
 Несёшь мне свет и тьму лучами режешь.

А я боюсь на миг закрыть глаза,
 Так пребывает в страхе всякий грешный.
 Но взгляд, как луч, упал на образа,
 И я узрел твой лик во тьме кромешной.

О, мой поэт – смотритель маяка,
 Несущий свет к родимому порогу!
 Ты раздвигаешь словом облака.
 ...И я отогреваюсь понемногу.

Пусть давно ты, увы, не загадка,
 И тобой не болеют юнцы,
 Но, как прежде, целуешься сладко,
 Оставляя на сердце рубцы.

Как и прежде, то гонишь, то нежишь.
 Я ж в догадках извёлся вконец...
 Обниму – ты пощёчину врежешь
 Иль оставишь на сердце рубец?

Калитка сорвана с петель...
Глотнув снежинок рой на вдохе,
Бегу за тридевять земель
От надоевшей суматохи.

На перекрёстках ста дорог
Погасли разом светофоры.
Позёмка змейкой из-под ног
Скользит и вьётся вдоль забора.

Седыми космами ветра
Метут снега, авто стреножив,
И серебрится мишура,
Ссыпаясь под ноги проходим.

Ни угадать, ни объяснить
Порывы ветра в час кромешный.
О, как сберечь меж нами нить
Любви и веры, и надежды?

И стелет чистую постель
Метель на перекрёстке судеб,
И я, уже не помня цель,
Иду на свет... И будь что будет!

Оттого ли, что сердце согрето
Взглядом, полным любви и тепла,
Зиму ты перепутала с летом
И сгораешь в метелях дотла.

В первый раз за собой замечаешь:
Как бы там ни мело на дворе,
Ты впервые зимой не скучаешь,
И тебя не знобит в январе.

Скит стоит на вершине холма,
 Расстилается лес у подножья.
 Поднимаюсь, как в море волна,
 По тропинке к обители Божьей.

Совершают монахи обряд,
 Дабы веру узрели слепые.
 Их служению благодаря
 Свет струится на лики святые.

Вожделенную проповедь пью.
 Не тревожит ничто мои мысли.
 Силы духа по капле коплю
 У сакрального кладезя истин.

Освящённый водою святынь,
 Вымываю из сердца сомненья.
 Отче наш, я пришёл не один
 Преклонить пред Тобою колени.

Эти камни веками хранят
 Все мирские грехи и огрехи...
 И летит, и летит сквозь меня
 От скита колокольное эхо.

МОРЕ В РАКУШКЕ

Чайка в песок горячий
 Плачется, как дитя.
 Словно щенок незрячий
 Вслед заскулил и я.

Море шумит в ракушке.
 Смотрит с небес мой Бог
 И говорит на ушко:
 «Не унывай, сынок».

Взял и ведёт за руку
 В солнечную юдоль:
 Преподаёт науку,
 Как успокоить боль.

Чайка парит беспечно –
 Экая благодать!
 Станет и мне полегче,
 Буду и я летать.

САТИРА, ЮМОР

ЛЕРА ЧЕБОТАРЁВА

ВЕЩНЫЕ ЦЕННОСТИ

Подкованная Подкова

Её нашли в бессознательном состоянии, брошенную посреди дороги, в грязи и пыли. Принесли в дом, привели в чувства, отмыли и водрузили на самое почётное место – над дверным косяком при входе на кухню – приносить счастье. Поначалу Подкове было непривычно в новой обстановке, но, осмотревшись, она смирилась. Ей даже начало нравиться её высокое положение.

Первое время Подкова мало говорила, ни с кем не вступала в конфликты и старалась всем понравиться. Вся кухонная утварь хорошо встретила новую постоялицу и даже полюбила её. Но, как это часто бывает, чересчур быстро взлетая, не каждый в состоянии достойно принять своё новое положение. Так случилось и с Подковой.

Поначалу она лишь давала невинные советы: то Ножу подскажет, под каким углом лучше резать, то Ложке – как легче размешивать, то заплаканной Кастрюле, которую собиралось бросить Молоко, расскажет, какими чарами его удержать. К её советам прислушивались, их ценили и благодарили Подкову за участие.

Осознав свою мудрость, блистательный интеллект и подкованность во всех областях знаний, Подкова начала заноситься. Её советы приобрели назидательный тон, а после и вовсе перешли в замечания. Потом замечания превратились в придирки, а придирки вскоре обернулись капризами.

Трудно стало жить на кухне под надзором возгордившейся Подковы. Она всех утомила своими наставлениями и поучениями. Только умная Подкова знала, как правильно Воде течь, Огню гореть и Лампе освещать комнату. Подкову возненавидели всей душой, но никто не знал, как ей противостоять – чересчур высокий она занимала пост.

В конце концов, Подкова обвинила дрожжи в подпольном изготовлении спиртных напитков и распитии их вместе с Кастрюлей, у которой они временно квартировались. Железные нервы добропорядочной Кастрюли не выдержали, и она подговорила своих племянников Гвоздей отомстить начальнице-самозванке. Однажды ночью, пока Подкова спала, Гвозди, служившие у неё охранниками, покинули пост, и Подкова с треском шлёпнулась об пол под чугунно-алюминиевые аплодисменты. Громче всех хлопали две молодые Крышки, которые явно положили глаз на бесстрашных героев-Гвоздей.

На следующее утро Подкову решено было депортировать на историческую родину. Хозяева дома посчитали её падение дурным знаком.

Часто бывает именно так: самым умным себя считает тот, кто даже не годится быть прибитым к копыту лошади.

Завистливая лужа

Однажды во дворе появилась высокомерная Лужа. Её происхождение было отнюдь не благородным. Ежедневно Лужа всматривалась в прохожих и не видела в них ничего, кроме грязных подошв и толстых задниц. Во всём видела Лужа некий оттенок грязи. По ночам Лужа любила хвастаться своими фальшивыми Звёздами, прищипливала тусклую брошь, похожую на расплывшуюся Луну, и самодовольно булькала, называя себя небом. Утром Лужа рассказывала сплетни про Солнце, показывая его в самом неприглядном свете, с мутными зелёными пятнами. Солнце не обращало на злословие Лужи никакого внимания и с каждым днём светило всё ярче и ярче. Лужа, возомнившая себя небом, сохла от зависти, её злость становилась всё гуще и гуще, пока окончательно не застлала Луже глаза. Она почернела, перестала хвастаться Звёздами и превратилась в Болото. Её сплетни перестали слушать, и она высохла от досады и бессилия. А Солнце по-прежнему светило.

Подушка

Жила-была большая Подушка из перьев и пуха и у неё была лучшая подушка – Рыжая косичка. Подушка знала все сны Рыжей косички наизусть, читала её мысли. Если Рыжая косичка заболела, то и Подушка болела вместе с ней, от них обеих пахло йодом и скипидарной мазью. В остальные дни Подушка пахла духами «Шанель», а по праздникам Рыжая косичка даже делилась с ней своей косметикой. Часто Рыжая косичка приходила грустная, обнимала Подушку и плакала. Подушка обнимала её в ответ и вытирала слёзы. Потом Рыжая косичка засыпала, а Подушка берегла её сон. Но вот, однажды Рыжая косичка пришла не одна. Вместе с ней был Затылок с проплешиной. В эту ночь Рыжая косичка как-то по-особенному распустилась и Подушка до утра восхищалась её красотой и кудрями. Затылок с проплешиной Подушке сразу не понравился, хотя ради него ей купили новое шёлковое платье. Он стал приходить к Косичке всё чаще и чаще, и каждый раз ложась на Подушку, нарочито чихал и жаловался, что Подушка была с ним слишком жёсткой. Она в отместку колола Затылок острым пером и сбивалась комьями. Рыжая косичка тоже очень изменилась. Она теперь стала короткая и вовсе не рыжая, а блондинка. Подушка не узнавала свою подругу и скучала по прежней Косичке.

Но вот однажды с Подушкой случилось горе. Косичка предала её. Затылок пожаловался, что на внутренний мир Подушки у него аллергия, и несчастную убрали. Её заменили две новые, совсем юные подушки из провинции Син-Тепон. Разве эти две китаянки заменят меня, настоящую русскую Подушку из пера и пуха? Разве поймут они своими синтетическими волокнами тебя, как мои чуткие перья? Разве ты не чувствуешь, что их любовь искусственная? Так вздыхала Подушка в глубине кладовки рядом с толстыми трехлитровыми Банками. Подушке было плохо, одиноко и неудобно. Но она по-прежнему ждала, что Косичка вернёт-

ся к ней, и дружба продолжится. Подушка знала косичку ещё с детского чубчика и готова была простить ей всё. Но Косичка не торопилась. Ходили слухи, что у неё появилось даже новое Одеяло. А про старых друзей, которые были с ней в минуты грусти, она не вспоминала. «Ничего, не стеклянная, не разобьёшься», – утешали Подушку старые Банки. Но Подушка не переставала грустить. Однажды её тонкий и ранимый наперник не выдержал и прорвался, и из Подушки посыпались тонкие и солёные перья...

Не пара

Все вокруг говорили, что они не подходят друг другу. Он – слегка потёртый жизнью в области пятки, серый носок из ангоры, и Она – молодая, красивая, бежевая в розовую полоску, из хлопка и синтетики.

Носки встретились впервые на Нижней полке для одиноких носков. Он был вдовцом, Она – в активном поиске своей половины. Вскоре Он предложил Ей переехать к нему. Она согласилась. Пара все делала вместе: стиралась, сушилась и строила планы на будущее, которым не суждено было сбыться.

Во всём виноваты соседки – Колготки в сеточку, известные своей легкомысленностью и плохим воспитанием. Они постоянно судачили с Чулками о том, что, мол, и старше Он Её, и выше в два раза, и проплешина засветилась на большом пальце. Найдет Она себе другого, помоложе да посимпатичнее. Да и вообще, с ним Она только удобства ради. Место на полке у Него хорошее. Один расчет и никакой любви!

Поначалу чета Носков не обращала на сплетни никакого внимания. Но злопыхатели всё-таки добились своего. Носок стал ревновать жену, приписывая ей связи на стороне. Колготки сказали, что видели, как Она сушилась вместе с Фиолетовым носком, Чулки добавили, что до знакомства с Ним Её часто видели стирающейся вместе со Спортивными носками. Рассудок у супруга окончательно помутился. Сцены ревности стали обыденным делом. В конце концов Она не выдержала и ушла, громко хлопнув дверью шкафа.

Серый носок долго горевал по ушедшей супруге. На его лицевой стороне появились глубокие катышки, потом он запил, изорвался вконец. Говорят, Он закончил свои дни в одиночестве, на самом дне Бельевой корзины. Она же, как и прочили злые Колготки, снова вышла замуж и живёт теперь счастливо. Правда, улыбается как-то синтетически...

Опека

Жила-была большая и добрая Печка, которая слишком сильно опекала своих детей. У неё было десять дочерей – Булочек. Девочки росли, как на дрожжах, и хорошели день ото дня. На их щёчках всё ярче и ярче сиял стыдливый румянец. Булочки скворчали – секретничали, пудрили пухлые носики сахарной пудрой и пользовались ванильным парфюмом. Как и положено настоящей Булочке, в каждой из них была изюминка. Иногда Булочки втихаря баловались ромовой эссенцией. Печка не одобряла этого, разве что только по праздникам.

Время шло, и Булочки стали пышными взрослыми барышнями и захотели жить самостоятельно. Но старая Печка не спешила отпускать своих девочек:

уж слишком переживала она за них. Часто Печка повторяла своим пышечкам: «Не для того я вас, девочки, растила, чтобы какой-то Пекарь вас попортил. Все они одинаковые, всю душу пообкусывают, пробуют, говорят. Кусочек откусят и выбросят. То начинки слишком мало, то наоборот – чересчур. Запомните, девочки, пусть сначала вас приобретают, а потом уже пробуют, как свою законную Буханку. Ни одна из Булочек так и не ослушалась строгой матери. Все десять дочерей остались жить у старой Печки. Ещё большей заботой и любовью окружила Печка своих Булочек.

Прошли годы. Миловидные и румяные Булочки превратились в одинокие бесформенные сорокалетние Булки. Лица их почернели от печали, характер зачерствел, а изюминки, те и вовсе сгорели и превратились в горькие недостатки.

Печка громко вздыхала, сознавая свои ошибки в воспитании дочерей, но было уже поздно. Опекая своих детей, самое главное – не перепечь их.

Настоящий Половник

Никого не было на кухне воинской части мудрее старого служивого Половника. В скольких горячих точках он побывал за свою службу, не перечсть. Это и сражение при Манной каше, когда он подавлял восстание бунтующего Молока, и битва с войском вражеских Комков в Киселе. В какой только компот не попадал старый Половник, и каждый раз ему удавалось выйти достойно, без потерь среди солдат. Только единожды не смог спасти он юную Чайную ложку, которая по неопытности своей угодила в Чан с Очистками. Так и выплеснули её бедную в выгребную яму без суда и следствия... Она погибла смертью храбрых вместе с картофельной Кожурой и луковой Шелухой. Сколько жестоких междоусобных Борщей повидал за свою жизнь Половник, но так и не смог привыкнуть к виду раздавленных Томатов и натёртой Морковки с обуглившимся Луком, который на кухонном военном жаргоне зовётся «зажаркой».

Долго и преданно служил он Родине, а сегодня утром его списали. Ручка, видите ли, немного расплавлена. Это у него боевая давняя травма – с тех пор, как он однажды попал в окружение яблочного Повидла. За всё время никогда эта травма не причиняла ему столько боли, как сегодняшним утром. Душевной боли, не физической. Но, ничего не попишешь, – отправлен в запас. Это известие он воспринял тяжело, потому как, кроме службы, ничего он в своей жизни не умел. Семью не создал, да и богатством не обзавёлся, всё некогда было... Из последних сил Половник собрался с духом и промаршировал в последний раз перед Кухонным войском, в натёртом до блеска обмундировании и с улыбкой на лице, как и подобает настоящему Половнику.

Валерия ЧЕБОТАРЁВА – родилась в 1994 году. В Ассоциацию русских писателей РМ вступила в 2012-м, завоевав третью премию в Республиканском литературном конкурсе для молодежи «Взлётная полоса» в номинации «Поэзия». Автор книги «Миллион световых лет». Дважды поощрялась Муниципальной премией – в области литературы и театральной деятельности. В 2014 году участвовала в Международном форуме молодых писателей «Бессарабская осень», проводимом Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ РФ.

Валерия – лауреат творческого конкурса молодых писателей «Под сенью Долны» в номинации «Драматургия», организуемого Российским центром науки и культуры в Молдове. Участница Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья в рамках программы Года литературы в России.

Взлётная полоса

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Представляем лауреата Пятого Республиканского литературного конкурса для молодёжи «Взлётная полоса», ежегодно проводимого Ассоциацией русских писателей РМ и редакцией Литературно-художественного и публицистического журнала «Русское поле». Алиса Чопчик – победительница этого творческого состязания в номинации «Проза». Она же – «Лучший молодой писатель 2015 года» – по итогам Республиканского конкурса «Творческая молодёжь – будущее русского мира Молдавии», организованного Российским центром науки и культуры совместно с общественными организациями соотечественников, при поддержке Посольства Российской Федерации в РМ.

АЛИСА ЧОПЧИК

Я – ДЕРЕВО. Я – СТЕКЛО

ДИМА

За окном летели рыжие огни, прорезая ночную мглу. То там, то тут появлялись из ниоткуда чёрные стволы деревьев. Стук колёс убаюкивал и в то же время будил. Дрожала бутылка на столе. Я смотрел, как вода в ней покрывалась рябью, будто ей холодно, и думал о предстоящей встрече.

В вагоне было жарко, но я дрожал даже под одеялом. Кажется, я оглох от биения сердца и заболел от того, что душа прыгала во мне: уходила в пятки, а затем подскакивала к горлу.

Нужно было поспать, но волнение не давало затихнуть сердцу, и я лежал в раздумьях до самого рассвета, пока не проснулся один из соседей по плацкартному вагону.

Он сидел, сонно поглядывая в окно, а когда заметил меня, удивился, словно не ожидал увидеть, и прохрипел:

– Не спится, малёк?

Не дожидаясь ответа, он потянулся к пачке сигарет и тут же швырнул её на стол.

– Малёк, сигареты не найдется?

Мы вышли в тамбур. Я угостил его и сам закурил, глядя, как за окном размытым пятном тянутся нескончаемые деревья.

- Ты откуда? – спросил сосед.
- Из Днепродзержинска.
- О, так мы из одного города получается! А едешь куда?
- В Москву. А вы?

Он замолк, нахмурившись, и ответил уже докурив:

- В Киев. К дочке.

Я понял, что эта тема неприятна ему и не стал расспрашивать. Мы молчали некоторое время, а потом он спросил:

- А зачем в Москву-то едешь?
- Учиться. У меня там тётя живёт.

Я выкинул сигарету через окно и добавил:

- У неё дочка болеет, я ей помогать буду.
- Чем болеет?

Душа снова начала шевелиться и дёргаться внутри, и сердце забилось в горле. Я думал всю ночь об учёбе и новой жизни и совсем забыл обо всём этом.

– Ну, не стесняйся, малёк, я сам два года за братом утку выносил. Знаю не понаслышке, что значит ухаживать за больным, смотреть ему в глаза и взглядом извиняться за свою полноценную жизнь, – сказал сосед, заметив моё замешательство.

– Насколько я знаю, у неё шизофрения или что-то вроде того, – в конце концов, ответил я.

Сосед замер, нахмурившись, и начал буравить взглядом, будто пытался понять, шучу ли я.

- Шизофрения, говоришь?

Он помолчал ещё немного и покачал головой.

- И не боишься?
- Чего бояться?

– Шизофреники, они же... они же больные на голову, – проговорил сосед возмущённо. – Кто знает, что придёт им на ум! Вдруг она тебя ночью зарежет? И не смейся, я тебе серьёзные вещи говорю.

– Не зарежет. Я дверь на ночь запираю буду, – улыбнулся я. – К тому же, тётя – врач и знает своё дело.

– Рисковый же ты парень, малёк, – засмеялся он, хлопнув меня по плечу. – Видимо, очень хочешь учиться там.

Я рассмеялся в ответ и тихо добавил:

- Очень.

Бордовая крыша еле выглядывала из-за деревьев, посаженных тут и там, словно кто-то намеренно оградил дом, пытаясь спрятать его обитателей от посторонних глаз.

Скрипнули чёрные ворота, едва я их коснулся. Каменная тропинка привела прямо к порогу. По обе стороны от неё, среди деревьев и клумб замерли гномы и зайцы. Справа от дома, спрятавшись в тени, стояла беседка, окружённая черно-красными розами.

Я остановился у порога, разглядывая деревянный двухэтажный дом тёти. Четыре окна – по два на каждый этаж – и все задёрнуты шторами.

Аромат цветов вперемешку с едва уловимым запахом древесины принесли спокойствие и чувство уюта. Я вдохнул и выдохнул несколько раз, прежде чем позвонить.

Дверь открылась спустя еще десять вдохов и выдохов, и я увидел девушку, немного старше себя, в белом, слишком большом для неё батнике, ставшем желто-серым от пятен и грязи. Она кусала губы и смотрела немигающим взглядом.

– Надя? – спросил я.

Едва заметный кивок и снова молчание. И глаза её стеклянные, устремлённые на меня. Она смотрела, но не видела. Такой взгляд бывает, когда человек задумывается, погружённый в собственные мысли. Казалось, она смотрела вглубь себя, к чему-то прислушивалась и не соглашалась, нервно качая головой. Её губы шевелились, будто она шёпотом отвечала кому-то, но глаза при этом не выражали никаких эмоций.

Я ощутил не понятную мне тревогу и поспешил прервать тишину:

– Меня зовут Дима. Я – племянник твоей мамы.

Некоторое время Надя продолжала молча глядеть на меня, потом её взгляд начал обретать осознанность, пока она, наконец, не увидела меня по-настоящему.

Она вымученно улыбнулась и прошептала в ответ:

– Да-да, я знаю. Мама говорила, что ты приедешь.

Надя позволила войти и, хлопнув дверью, куда-то ушла.

Здесь было тепло и уютно. Пахло картошкой и последними летними цветами. В коридоре и в гостиной, прилегающей к нему, лежали ворсистые ковры. Над камином висела замысловатая картина, на стеклянном столике лежали журналы, стояла ваза с цветами, а рядом с ним – массивное кожаное кресло: оно заметно выделялось на фоне остальной мебели.

Напротив входной двери – лестница на второй этаж с широкими ступеньками и резными перилами. Слева, если пройти через крохотную гостиную, похоже, находилась кухня. Оттуда доносились шипение сковороды и лязг посуды.

– Надя, кто там?

Из кухни выглянула низенькая, довольно полная женщина, с тёмно-красными, коротко стриженными волосами. Я понял, что это тётя, узнав в ней схожие черты с матерью. Она казалась лет на десять старше своего возраста, морщины покрывали её горделивое усталое лицо.

Мне хватило одного взгляда на её плотно сжатые губы, вытянутые в напряжённую улыбку, чтобы понять, что она воспринимает меня, как ещё одну проблему, взвалившуюся на её плечи.

– Тётя Марина, я, Дима, ваш...

– Я поняла, кто ты, – она махнула рукой, подходя ко мне. – Твоя мать не говорила, что ты такой высокий.

Тётя Марина улыбнулась, продолжая оценивать меня взглядом, а затем подошла ближе и обняла.

– Как добрался? Ты уже познакомился с Надей? – спросила она. – Надя! Иди сюда!

Она подождала, пока вернётся дочь и снова оценивающе посмотрела в мою сторону. Я молчаливо ответил на её взгляд.

– Моя сестрица говорила тебе о... болезни Нади?

Я кивнул, почёсывая горбинку носа.

– И что же? Тебя это не волнует? – она улыбнулась, смягчая хлёткость своих вопросов.

– Меня это не касается. Но если будет нужна помощь, я, конечно же, помогу.

Казалось, её удивил ответ, но она ничего не ответила: в этот момент пришла Надя.

– Где ты была? – раздражённо спросила тётя Марина. – Покажи Диме его комнату и будь лапочкой, хорошо?

Тётя многозначительно взглянула на Надю, но та едва ли заметила это.

Я взял свои сумки и пошёл за Надей, которая уже начала подниматься по лестницам. Поднявшись на второй этаж, мы остановились у второй двери справа. Надя пропустила меня в комнату и зашла следом.

Кроме кровати, тумбочки около неё и огромного шкафа здесь ничего не было. Задёрнутые шторы сделали комнату тёмной и холодной, спёртый воздух говорил о том, что её давно не проветривали, и вообще, казалось, тут уже месяцами никто не бывал.

– Ванная с туалетом возле лестницы слева, если ты заметил. В твою комнату мы заходить не будем, так что тебе придётся убираться самому. Если хочешь, можешь закрывать её. Ключ возьмёшь на тумбочке. Ты пока располагайся, через полчаса будет готов ужин.

Надя пересекла комнату и распахнула шторы. Лучи уходящего солнца сделали комнату более уютной, светлой, почти как дома. Я открыл окно и поблагодарил её.

Надины губы задрожали. Она хохотнула, но глаза заблестели от слёз.

– Не за что, – ответила Надя. – Только дружить со мной не надо. Утонувшая Девочка не любит, когда я с кем-то разговариваю, потому что я сказала, что это она порвала бусы. Бусы красные, как кровь. И кровь – моя расплата.

Я молчал, не зная, что сказать. Тишина продолжалась несколько минут, и никто из нас не спешил её прервать. Я смотрел на Надю, пытаюсь придать хоть какой-то смысл её словам. Она же избегала моего взгляда, глаза её беспокойно метались по потолку и стенам.

Только сейчас я заметил рубцы на её лице, шее и, особенно, на руках. Надины движения были то резкими, то вялыми, губы напряжённо улыбались, будто их кто-то насильно растягивал, но в следующее мгновение – сжимались в тонкую линию. Редкие, болезненно-серые волосы были растрёпанны и неухожены.

Глядя на неё, я ощутил чувство неприязни и даже отвращение. Мне не хотелось находиться рядом с ней, и осознание этого вызвало чувство вины. Я улыбнулся ей, чтобы задобрить свою совесть, и сказал, что хотел бы побыть один. Она продолжала стоять, не поняв намёка, пока её не позвала тётя Марина.

НАДЯ

Я слышала топот ножек насекомых на улице. Шорох листьев второй розы справа возле беседки. Или это третья роза? Да-да. Третья. Биение сердца нарастало и становилось таким громким, что пришлось внутренне закричать.

Мама положила передо мной пластмассовую тарелку с картошкой и тефтелями. Соус выглядел, как кровь. Я принохалась. И вправду, пахнет кровью.

– Мам, я без крови хочу, – сказала я, отодвигая тарелку.

– Здесь нет крови.

– Есть. Вот она.

– Это соус.

Я засмеялась. Как же соус, если это кровь? Она пахла железом, как и полагается. Железо – это сталь. Сталь – это меч. А меч символизирует войну. Война – это кровь. Может, мама хотела таким образом предупредить меня?

– Если я съем этот соус, настанет война, так ведь?

Я нахмурилась. Какой же этот мир сложный! Каждый твой шаг несёт в себе вселенную последствий. Всё, что ты делаешь, остаётся шрамом на твоём теле и твоей душе, ошибки собираются в клубок ответственности, и ты не можешь дальше существовать, не избавившись от чувства вины.

– А ты виновата, – сказала Утонувшая Девочка в моей голове. – Ты всегда во всём виновата. И если ты съешь этот соус, на войне умрут миллионы. Из-за тебя.

– Надя, прошу тебя, сдерживай себя. Сейчас не время, понимаешь?

Мама села рядом и взяла меня за руку.

Утонувшая Девочка продолжила говорить:

– Из-за тебя столько проблем. Всем стало бы легче дышать, если бы ты умерла. Все стали бы такими счастливыми! Ты веришь мне?

– Понимаешь? – повторила мама.

Я услышала шорох крыльев мёртвой бабочки на улице. Как громко!

– Да, – ответила я, пытаюсь вспомнить, что именно говорила мама.

– Это хорошо, милая. Это хорошо.

Мама поцеловала меня в макушку и стала накрывать на стол. На кухню зашёл Дима.

Он казался намного выше и худее, чем полчаса назад. Русые волосы были расчёпаны, зелёные пронизательные глаза смотрели, будто исподтишка, испытывая и заглядывая в самую душу. Несмотря на тяжёлый взгляд, его улыбка казалась искренней и доброй. Всю его внешность портил когда-то сломанный нос, горбинку которого он постоянно почёсывал, привлекая к ней внимание.

– Вам помочь? – спросил Дима, подойдя к маме.

– Нет, садись. Надеюсь, ты любишь тефтели, а то Надя их не оценила.

Дима сел напротив и улыбнулся. Он посмотрел на меня, прищурившись, но взгляд показался скорее заинтересованным, чем недоверчивым.

– Это обвиняющий взгляд, дурочка, – заговорила Утонувшая Девочка. – Из-за тебя он будет плохо спать. Он будет бояться тебя, как и бывшие одноклассники. Он расскажет о тебе своим знакомым, и они вместе будут смеяться, шептаться и показывать на тебя пальцем, как и все остальные. Этот взгляд очень похож на взгляд папы, когда он понял, что тебе очень плохо. Ты помнишь его взгляд?

Я поёжилась, вспоминая.

– Конечно же, ты его помнишь! Папа обвинял тебя, потому что ты виновата. Если бы ты не болела, всё было бы хорошо. Мама бы так не страдала, и папа бы не умер. Это ты его убила. Ты виновата, как всегда.

– Я не виновата, – ответила я, качая головой.

Мама улыбнулась, накладывая еду себе в тарелку.

– Конечно, ты не виновата. Это я разбила чашку. Поэтому я и говорю, будь аккуратна, не ходи здесь босиком, чтобы не порезаться.

Дима попытался проткнуть тефтелю вилкой, но она сломалась.

– Вы всегда пользуетесь пластмассовыми приборами? – спросил он.

Мама достала обычную вилку и, протянув её Диме, ответила:

– У Нади есть привычка, – она замолчала и посмотрела на меня, – привычка разбивать всё, что можно разбить, а потом резать руки. Это ради её же безопасности.

Я почувствовала себя униженной, мне стало стыдно, что я – обуза для всех своих родных. Из-за меня им приходится пользоваться пластмассовыми приборами, а кому как не мне знать, как это неудобно. Осознание собственной никчемности опять меня заполнило, неприятно закололо сердце, и я сгорбилась, пытаюсь уйти от испытывающего взгляда Димы.

Я заметила, что он тоже горбится. Может, он хотел казаться ниже. Может, будь его воля, он сросся бы с землёй. Как дерево.

Я представила, как его руки и туловище удлинняются, покрываются корой и становятся ветками. Стоило мне представить, как они и в самом деле начали удлиняться. В следующее мгновение, когда я моргнула, ветки стали руками, а потом – снова ветками.

Реальность пошатнулась всего на долю секунды, но я уже успела потеряться в дебрях сознания. Вот он, прыжок в пустоту. Этот треск, который, похоже, услышала только я. Моя личность сломалась, снова.

Последнее время я чувствовала, как Нечто подбирается ко мне сзади, дышит в спину, царапает душу. Голос Утонувшей Девочки становился всё громче и требовательней, я даже увидела её в отражении, хотя не видела уже много лет. Она смотрела на меня своими белыми, заплавленными глазами, и волосы летали вокруг неё, будто она и сейчас под водой. Утонувшая Девочка показывала на меня пальцем и укоризненно качала головой.

– Ты виновата, – сказала она тогда. – Как тебе не стыдно?

Я знала, что психоз поднимается по ступенькам и стучится в дверь, но не спешила открывать. Я продолжала упрямо молчать, но страх уже успел схватить за горло. Мама твердила, что сейчас не время, не время ухудшениям, но я так и не призналась ей, что это время давно настало.

Дима спокойно ел, я же видела, как ветки тянутся ко мне, касаются рук, пытаются дотянуться до шеи.

Я закрыла глаза, чтобы не видеть навязчивый образ веток, но они продолжали расти в темноте перед глазами. И вот я почувствовала их внутри себя, в голове. Они выросли настолько, что им не хватало места, и начали выходить из глаз и ушей. Мне было больно, но я терпела, не издавая ни звука. Я не хотела тревожить маму, но не выдержала и вскочила из-за стола.

– Что с тобой, Надя? – спросила мама. Она тоже встала и с тревогой посмотрела на меня.

Я ничего не ответила. Постепенно ветки начали отступать, и, неровно выдохнув, я села на место.

– У тебя опять началось, да? – несмотря на волнение в глазах, мамин голос остался твёрдым.

– Всё в порядке. Я просто не хочу есть.

– Негодная девчонка! Ты опять всё испортила! – закричала Утонувшая Девочка.

– Если не хочешь, иди спать, – ответила мама.

– Никакого сна сегодня!

Я взяла тарелку, но мама остановила меня:

– Оставь, я сама всё сделаю.

– Но мне несложно.

– Я сама всё сделаю! Иди, ложись! – повысила голос мама.

Дрогнувшей рукой она коснулась лица и поджала губы.

– Тебе надо отдохнуть, Надя. Не беспокойся. Дима мне поможет, да?

Она посмотрела на Диму, и тот растерянно кивнул. Похоже, я напугала его.

– Хорошо, – прошептала я.

– Ты всё портишь! – как только я ушла, завопила Утонувшая Девочка. Теперь её голос раздавался не из головы, а откуда-то слева, словно она идёт рядом со мной.

– Я не хотела.

– Не хотела?! Ты говоришь, что не виновата?!

– Нет, просто, – начала я, но хлопок оглушил меня. Моя рука замахнулась ещё раз и ударила по лицу. Ещё и ещё раз. Я остановилась у своей комнаты и заплакала.

– Хватит!

Руки продолжали бить по лицу, груди, животу. Я знала, что Утонувшая Девочка наказывает меня за то, что я расстроила маму и напугала Диму; за то, что я – причина их несчастья.

Мама была такой радостной ещё днем! Она готовила весь вечер, а я даже не удосужилась попробовать! Я виновата. Конечно же, виновата и заслуживаю наказания, поэтому я снова замахнулась и ударила себя по лицу.

ДИМА

Переезд оказался сложнее, чем я думал. День за днём проходили в спешке: нужно было сделать уйму дел. Первые недели в университете тоже не отличались приятными воспоминаниями, и всё, что я вообразил, лёжа в постели в Днепродзержинске, на деле оказалось не таким волнительным.

Бывало, сидя в гостиной на диване и наблюдая за тётей Мариной и Надей, я думал, что не хочется здесь находиться, видеть большую Надю и знать, что в мире существуют подобные несчастья. Хотелось убежать домой, где мама всегда улыбается, даже когда устала, и где братишка, хохоча, бегаёт из угла в угол.

Тогда я напоминал себе, для чего сюда приехал, внутренне проговаривая планы и мечты, специально рисовал перед глазами бедность, что ожидала там, а затем думал о возможностях, что грезилась здесь.

Я представлял, как защищу университетский диплом, наймусь преподавать музыку богатеньким детишкам, и деньги горой посыплются мне в руки, а после, если повезёт, стану известным музыкантом. Порой я думал о наивности своих планов, но их утопичность только ещё больше распалила воображение. Было так приятно всё это представлять, что стоило только начать, как я не мог уже остановиться.

С Надей я практически не общался. Она, будто почувствовав, что я не хочу заводить с ней разговор, не подходила. Её поведение иногда казалось странным и даже пугающим, но не слишком.

Раньше я не задумывался над тем, что испытывают шизофреники. Их болезнь как бы отметала у них возможность что-то чувствовать, размышлять. Для меня они умирали вместе со своим разумом.

Но всё изменилось, когда я прочитал статью в одной из книг, что лежали на полке в гостиной. В каждой из них я нашёл закладки и пометки, вопросительные и восклицательные знаки на полях. Похоже, тётя много читала о шизофрении.

Сначала я просматривал страницы без интереса, но кое-что привлекло внимание, и я прочитал слова шизофреника описывающего своё состояние. Он говорил:

«Кажется, я смотрю на себя со стороны. Смотрю *на мир* со стороны. Границы между мной и окружающим миром рассыпаются, понимаете? Раньше я жил так же, как и вы, а потом вышел на улицу и понял, что мой дом – карточный. Внутри меня тоже ничего нет, лишь всепоглощающая пустота, и я падаю в эту бездну. Мне всё равно, что вокруг, и в то же время мир привязан ко мне, он зависит от каждого моего действия. Внутри кипит жизнь, миллионы жизней, но никто этого не видит, потому что снаружи я – дерево и стекло».

Дочитав, я бросил взгляд на Надю, что сидела позади, и впервые задумался о том, что самый больной шизофреник – всё ещё человек. А человек всегда мечтает и грустит, радуется и любит. Человек – не вещь, не сломанный механизм, это нечто большее. И сумасшедшие тоже нуждаются во внимании и любви, в одобрении и, конечно же, в понимании.

Я видел, как улыбалась Надя, слушая, как поёт соловей, и в этот момент она не была сумасшедшей. Она не была сумасшедшей, когда что-то писала в своём дневнике, задумчиво хмурясь и стуча ручкой по губам. И она не была сумасшедшей, когда тихонько забрала книгу у спящей матери, и сказала ей, ласково и еле слышно: «Мамуля, идём спать. Ты в этом кресле совсем скрючилась».

Если сначала Надя пугала меня и вызывала только жалость и брезгливость, то через месяц эти чувства сменились любопытством и проскальзывающим пониманием.

– Дима... Дима, сынок! Ты слышишь меня? – голос матери звучал из динамиков ноутбука, то отдалённо, то слишком громко. Её изображение притормаживало, камера опустилась и показывала только подбородок и улыбку, тёплую, тоскующую.

– Секунду, – ответил я, настраивая микрофон. – Мама, подними камеру, я тебя не вижу.

– А так?

Мама надела свой любимый свитер и беспокойно приглаживала волосы. Она

показалась мне маленькой и беззащитной, и мне на мгновение стало стыдно, что я оставил её.

– Как ты, мам? Как Игорь? Балуется?

Мама рассмеялась:

– А ты как думаешь? Скучает по тебе, – она грустно улыбнулась и добавила:

– Мы все скучаем.

– Я тоже без вас скучаю. Здесь всё такое незнакомое, чужое. Мне не хватает наших разговоров. Иногда кажется, что ко мне в комнату забежит Игорь и начнёт уговаривать поиграть в приставку.

Я улыбнулся. Только сейчас я понял, насколько мне этого не хватает.

– Теперь он меня уговаривает, – смеясь, ответила мама. Она к чему-то прислушалась и сказала:

– Вот и они, похоже. Игорь, Слава, идите сюда!

Послышались голоса брата и отца. Игорь выглянул из-за спины мамы и начал рассказывать об играх и ссоре с другом, о том, как он принёс домой щенка, но мама сказала, что они не могут оставить его, и тогда он уговорил соседей забрать щенка к себе.

– Ну, рассказывай, – сказал папа, присаживаясь рядом с мамой, как только Игорь ушёл.

– Что рассказывать?

Папа всегда, когда о чём-то задумывался, почёсывал подбородок с заросшей щетиной. И на этот раз тоже погладил подбородок и спросил:

– Ты уже месяц в Москве, разве ничего не случилось за это время? Ты, кстати, заплатил за учёбу?

– Заплатил, – кивнул я. – Только деньги уходят сквозь пальцы: здесь очень дорого жить.

Мама взволнованно покачала головой.

– Дима, ты же знаешь, что у нас и так мало денег, и не мог бы ты...

– Знаю, – раздражённо перебил я. – Но что мне делать?

– Ты мог бы устроиться на работу.

– Я не хочу работать в дешёвых забегаловках, – раздражаясь ещё больше, ответил я. – А музыканты без образования могут работать только в переходах.

– Мы понимаем, сынок, понимаем, – мама вздохнула. – Просто старайся не тратиться понапрасну.

Она улыбнулась и, помолчав, тихо спросила, будто кто-то посторонний мог её услышать:

– А что там с Надей? Как она вообще... как ведёт себя?

– Она... странная, это точно. Иногда Надя пугает меня: не знаешь, что от неё ожидать, но она вполне безобидна. Надя безумна, но не настолько, насколько я ожидал.

– Она не опасна? Ты там в безопасности? Марина говорила, что не о чём беспокоиться, но мне всё равно боязно за тебя.

– Нет, – я покачал головой, – не опасна. Разве только для себя.

– Но ты там смотри! – отец дёрнул камеру на себя, чтобы я лучше его видел. – Ты у нас парень смыслённый, но мало ли что Наде взбредёт в голову. Будь начеку.

Я улыбнулся их настороженности и вспомнил маленькую фигурку Нади, в испуге склонённую над столом, когда она смотрела на мои руки с неподдельным ужасом. Её считают чудовищем, тогда как для неё, похоже, чудовище – весь остальной мир.

НАДЯ

Я заболела давно. Настолько давно, что, порой, кажется, что болела всю жизнь. Возможно, так оно и есть. Болезнь по сантиметру пропитывала моё существо, но будучи ребёнком, я не понимала, что беспричинный страх, пугающие мысли о реальности своего существования, отдалённые, но с каждым годом приближающиеся голоса – всё это были медленные шаги на пути к безумию.

Мысли путались, словно кто-то включил мясорубку и превратил их в кашу.

Чувства фейерверком стреляли во мне: я плакала, когда надо было смеяться, и смеялась, когда хотела умереть.

Мне говорили, что я безумна, но что это значит? Я просто запуталась, потерялась, забылась, но продолжала оставаться собой. Я понимала, что моё поведение порой бывает странным, а разве безумные на это способны? Я понимала, что крокодилы вряд ли могут оказаться в фонтане, но продолжала кричать, что они тащат меня на дно, потому что чувствовала, как их когти и клыки вонзаются в ноги и сдирают кожу. Я верила своим ощущениям, своим глазам, ушам и обонянию, ведь если они тебя подводят, то на что тогда полагаться? Как бы я смогла дальше жить, зная, что всё, что я могу испытывать, – неправильно?

Я словно забыла, как выглядит собственный дом. Место, где я раньше чувствовала себя в безопасности, где каждая комната, каждый уголок были знакомы, где всё было понятно, расставлено по полочкам, вдруг исказилось, стало отдалённым и чужим. Мир начал казаться выхолощенным, холодным и пустым, и я сама стала пустая. Болезнь забрала мою душу, и я сошла без неё с ума.

В один день я проснулась в лабиринте, откуда нет выхода, проснулась, задыхаясь в тумане чувств, мыслей и воспоминаний. Я не видела и не знала дороги к дому, но продолжала искать, пока очередной психоз не сгущал туман и не увёл прочь.

Я искала дом до сих пор, не зная, как он выглядит и есть ли он ещё, но не прекращала поиски. Может быть, я навсегда застряла в лабиринте шизофрении, но если позволю себе остановиться, слиться с туманом, я погибну.

Туман уже сгустился, и реальность похолодела. Мир оскудел, обесцветился, стал меньше и дальше. Я перестала дотягиваться до него и потеряла к нему интерес. Голоса в голове разговаривали друг с другом, критиковали мои действия и чувства. Звуки исказились, будто сломалась настройка громкости. Ко мне обращались прохожие, но я слышала только их дыхание. Иногда вместо слов я слышала прибой моря и улыбалась этому: прибой моря куда лучше их бесполезных разговоров.

Психоз уже колотился в дверь, но я решила в последний раз пройтись по городу, прежде чем он ворвётся в дом.

Я плохо понимала, что происходит вокруг, но шла, пока ноги не заныли от усталости, и пока не увидела школу, где раньше училась. Никого не было. Во дворе не бегали детишки, а в окнах не маячили учителя. Я подошла к ограде и, схватившись за калитку, припала к ней лицом. Железо впилось в щёки. Холод. Его я чувствовала лучше всего и всегда понимала, что он означает.

– Опять эта школа! – в голове заплакала Женщина. – Уходи отсюда, скорее! Куклы на нитках, куклы на нитках!

– Куклы на нитках, – повторила я в унисон с Женщиной.

– Замолчи, дура поганая, – раздался голос Старика. Он закашлял и стукнул Женщину, чтобы она перестала плакать.

Я вспомнила тот день, когда переступила порог и упала в объятия безумия. Это было здесь, на школьном дворе. Вокруг меня собрались девочки, они шипели ругательства, плевались оскорблениями, время от времени толкали в плечо и дёргали за волосы.

– Да ты гнилая внутри! – кричали они. – Думаешь, папочка с деньгами, так ты крутой заделалась? Да снять с тебя эти шмотки, ты перестанешь из себя что-то представлять! Высокомерная сука!

А затем плевков и удар в лицо. В это время я уже начала чувствовать, как внутри меня появилась гниль, и запахло трупом. Я заплакала не от боли – от страха, что они правы, а потом увидела кровь, капающую из носа. Красную жидкость, кричащую о жизни в теле. Увидев её, я рассмеялась и, упав на колени, стала целовать асфальт. Девочки испугались, замерев с растерянными лицами. Вскоре на смену растерянности пришли отвращение и страх, и они убежали в школу, крича о моём помешательстве.

Мне было всё равно, потому что в это время я заметила шакалов над головой. Они кружились и кричали, собираясь наброситься. Они преследовали до самого дома, выклёвали глаза и проломили череп. Никогда до этого и после мне не было так страшно. Я заперлась в доме, но до самой ночи слышала, как рычат бойцовские псы, сторожа меня у подъезда. В ту ночь я услышала голос Старика, который сказал, что это не кончится никогда и лучше бы мне покончить с собой.

– Куклы на нитках! – кричала Женщина. – Куклы на нитках, куклы на нитках! Они – хищники, ты – жертва!

– Замолчи! – закричал в ответ Старик.

– Так тебе и надо, – зашептала Утонувшая Девочка, и её шепот оказался громче остальных голосов. – Возвращайся домой и не приходи сюда больше.

Я послушалась её, но чем дальше я отходила от школы, тем громче в голове кричала Женщина:

– Они – хищники, ты – жертва! Да-да! И кровь – твоя расплата! Да-да!

ДИМА

– Да я тебе говорю, это бомба! Ты веришь мне? И девочки там – что надо! Идём. Ты, наверное, в своём Днепродзержинске ничего и не видел.

– Днепродзержинске.

– Ну, да-да. Так что?

Саша нетерпеливо стоял на месте, порываясь поехать в клуб. У него горели глаза от предстоящего веселья, растрепалась шевелюра, и ноги уже подёргивались, будто он собирается сейчас же начать танцевать.

Мы были знакомы с ним всего месяц, но он уже дюжину раз успел пригласить на какие-то вечеринки и «посиделки» с выпивкой и громкой музыкой.

– У меня нет денег.

Саша скривился в разочаровании.

– Совсем?

– Совсем. Я на мели.

– Очень жаль, – он покачал головой, глядя на меня. – Неужели совсем нет? На что-то же ты живёшь.

Я почувствовал раздражение от его настырности и, нахмурившись, ответил:

– Вот только не надо лезть ко мне в карман, ладно?

Он поднял руки вверх и рассмеялся.

– Прости, прости. Не надо злиться. Просто там и вправду весело. Я, конечно, и так туда пойду, но хотелось бы, чтобы и ты тоже там был.

Саша выдержал паузу, а затем добавил:

– Понимаешь?

Я вспомнил просьбу мамы не тратить деньги понапрасну, но энергичность Саши уже успела передаться мне. В этот момент не было желания сильнее, чем согласиться, поехать, не думая о деньгах и заботах, но голос матери, беспокойный и смущённый, всплыв в воспоминаниях, снова отбросил эту затею.

– Понимаю, – раздражённо ответил я, злясь на маму и на себя, и на бесконечную, осточертевшую мне бедность. – Но что прикажешь делать? Потратить все деньги и потом не иметь ни гроша?

Саша понимающе закивал головой и на минуту задумался.

– Знаешь, тебе не так уж и много нужно денег, – помолчав, сказал он. – А если позже они вдруг тебе понадобятся, я с радостью их одолжу. Ну, так что?

Мысль о том, что придётся одалживать деньги, не очень радовала, но успокаивала. В случае затруднений я всегда могу обратиться к Саше, и родители не узнают о моей расточительности. Тем более, если я один раз позволю себе лишние траты, ничего страшного не случится. В следующие дни буду брать в университет еду с собой, а на метро много денег не надо.

– Хорошо, – поразмыслив, кивнул я. – Давай только заедем домой за деньгами.

Саша улыбнулся и хлопнул меня по плечу.

– Вот это я понимаю! – рассмеялся он.

Перепрыгивая через ступеньки, я поднялся по лестнице и зашёл в комнату. Теперь она выглядела намного уютней с моими вещами и всегда распахнутыми шторами. Взяв из-под матраца почти все деньги, я тут же спустился вниз. В этот момент в дом зашла Надя. Она мимолётно глянула в мою сторону и тут же отвернулась.

– Привет, – сказал я.

Надя опять взглянула на меня и еле заметно кивнула. Её лицо не выражало совсем никаких эмоций, застывшее, оно напоминало маску.

– А тебе разве можно выходить одной на улицу? – спросил я, вспомнив, что тётя Марина ушла с утра и, похоже, не возвращалась.

– Ты что думал, – сказала она скучающим голосом, – что меня держат в клетке в смирительной рубашке?

Надя замолчала, прислушиваясь к чему-то, а потом тихо добавила:

– Я дома. Здесь я дышу свободно.

Она посмотрела на меня затуманенными глазами и больше не двигалась и не говорила. Когда я уходил, она продолжала стоять, напоминая статуэтку.

В клубе я оставил денег куда больше, чем планировал. Оказалось, у Саши их было немного, и все он потратил на какую-то «сногшибательную красотку», которая любит дорогие коктейли, но которая так не оценила его двусмысленных намёков на продолжение вечера. Он попросил угостить его несколькими стопками водки, чтобы «залечить разбитое сердце», заверяя, что позже, он, конечно же, всё вернет и даже с процентами.

В этот вечер Саша раздражал куда больше, чем обычно, но настроение было хорошее, и я не слишком обращал внимание на его выходки.

Наутро же, проснувшись возле унитаза и заметив тётю Марину, с недовольством стоящую у порога со стаканом в руке, я подумал, что вечер не стоил таких денег и такого стыда.

Я проспал до обеда, время от времени просыпаясь с острым чувством разочарования и сожалением о потраченных деньгах. Проснувшись окончательно, я спустился вниз и ещё на лестнице услышал голос тётки Марины:

– Ты слышала, что сказал доктор? И мне наплевать, что ты думаешь на этот счёт!

– Не буду, – бесцветным голосом ответила Надя. – Утонувшая Девочка говорит...

– И на то, что говорит... «Утонувшая Девочка», мне тоже плевать!

Тётя Марина заметила меня и, вздёрнув подбородок, сказала:

– Ах, это ты, Дима. Ну что ж, с пробуждением.

Я хотел поздороваться в ответ, но она уже успела отвернуться и заговорить с Надей.

– Если ты сейчас же не выпьешь эти чёртовы таблетки, клянусь, я впихну их в тебя! Или ты сомневаешься?

Надя прижалась к столешнице и покраснела. Вся её твёрдость исчезла, а голос стал ещё более неживым.

– Нет, не сомневаюсь, – ответила она, не поднимая глаз.

– Вот и отлично. Ещё раз выпьешь вечером, я прослежу.

Когда Надя запивала таблетки, пластмассовый стаканчик в её руках дрожал.

– Почему ты не хочешь принимать лекарства? – спросил я.

Надя вздрогнула, не ожидая, что я к ней обращусь, и от моего взгляда ещё больше покраснела, хотя глаза её продолжали оставаться такими же стеклянными. Она хотела что-то ответить, но её перебила тётя Марина:

– Кого интересует, что ей там наговорили её несуществующие голоса! Хотя Надя слушает их, а не меня, свою маму!

Тётя вздохнула и уже спокойным голосом продолжила:

– Надя болеет, Дима. Что ты хочешь услышать от шизофреника? Что это «Старикашка» сказал ей порезать вены? Что это «Утонувшая Девочка» не даёт ей принимать лекарства или что она бьёт посуду, чтобы голоса перестали кричать?

Надя, притихнув, слушала маму, и ничто не выдавало её состояния: руки, словно не принадлежавшие ей, свисали с плеч; лицо, точно воском залитое, не выдавало никаких эмоций, и только глаза, теперь не стеклянные, а внимательные следили за матерью.

– Она как ребёнок, – снова заговорила тётя Марина. – За ней нужен глаз да глаз, ведь она ничего не понимает: всё слишком для неё сложно. Вот только если бы Надя не упрячилась, если бы дала мне самой о ней позаботиться, без возражений, всё было бы иначе.

– Я так не думаю.

Тётя Марина улыбнулась, раздражённо скривив губы, и с издёвкой спросила:

– Неужели? Так, значит, ты лучше меня знаешь?

– Нет, конечно, нет. Куда же мне до вас, тётушка?

Я рассмеялся, но она в ответ вспыхнула, резко выпрямила плечи и уже собиралась что-то сказать, но я опередил её, продолжив:

– Просто мне кажется, что если Надя может сама гулять на улице, то в состоянии есть из обычной посуды. Можно её просто попросить, и она тогда уж постарается не слушать голоса. Да, Надя?

Надя посмотрела на меня долгим осознанным взглядом и кивнула.

– Не нужно меня учить, ясно? Ты ничего не понимаешь, совсем ничего!

Тётя Марина стукнула по столу и, нахмурившись, покачала головой.

– Не ожидала от тебя, Дима. Думала, ты мне будешь помогать, а не критиковать. Да если бы не я, Надя не слезала бы с таблеток. За всё время, что она была дома, у неё всего раз случился психоз. Ты не знаешь, что это такое, не знаешь, на что мне приходится идти, чтобы у неё продолжалась ремиссия. Так что не надо говорить, что делать, а что не делать! И хамить мне не надо, племянничек.

Голос тёти Марины хлестал, словно плётка, резко, грубо, бескомпромиссно, и я ощутил двойное чувство: раздражение и невольное восхищение её решительностью и твёрдостью.

– Простите, – сказал я. – Я не хотел вас обидеть.

– С чего это мне обижаться? – ответила тётя Марина, ещё больше вздёрнув подбородок. – Просто не лезь не в своё дело.

Надя, наконец, отошла от столешницы, напомнив о себе. Она прошла мимо нас и легла на ковёр в коридоре, свернувшись калачиком. Я посмотрел на тётю Марину, и её взгляд, устремлённый на меня, как бы говорил: «Ты ничего не понимаешь, она – тоже».

НАДЯ

Я лежала на полу полдня и видела перед собой ноги, ноги, ноги. В носочках, в тапочках, босые. Я видела каждую ворсинку, каждую пылинку, упавшую на ковёр, и эта близость, ощущение опоры подо мной и за спиной, дарили мне спокой-

ствие. Я понимала, что это, возможно, выглядит странно. Конечно, понимала, не настолько же я безумна! И всё же... всё же. Как там было спокойно!

Голоса в голове ругались, царапались, сжимали от злости органы. Я чувствовала, как они копошатся внутри меня, будто огромные черви, терзают сердце, пытаются вырваться из плена. Я не знала, принадлежит ли мне собственное тело; мысли, что водопадом возникают в голове, действительно ли мои, а не впихнутые кем-то; чувства, что ураганом сметают прежние, только что испытанные, эмоции, не навязаны ли мамой или докторами, или Димой, да кем угодно. Я ничего не знала, и от этого мне было страшно.

Я лежала на полу, но иногда уносила прочь от этой реальности к другой, более реальной. Туман сгущался, становился плотным, осязаемым, в то время как действительность теряла чёткость и объёмность. Всё виделось в каком-то искажённом измерении, каждое движение удлинялось, делилось на фрагменты. Мама шла из комнаты в комнату целую вечность, а говорила так быстро, что смысл было невозможно уловить.

Я тонула в океане эмоций: в страхе и радости, в злости и равнодушии, в отчаянье и умиротворении.

– Да пропади всё пропадом! – воскликнула мама, уронив кастрюлю.

Раздавшийся звон можно было сравнить со звоном колокола, и от этого звука кожа стала гусиной, и волосы встали дыбом. Когда до меня дошёл смысл сказанных слов, я вскочила и закричала, потом снова упала, вжавшись в стену, и снова вскочила. Мама выбежала из кухни, и Дима поспешно спустился с лестницы.

– Что с тобой?! – спросили они, но я не могла ответить. Я уже забыла почему, но знала, что пропаду, должна пропасть, а кто мне велел это сделать, не имело значения.

Звенел колокол, тряслись стены, и голоса кричали в голове. Я видела, что мама волнуется, и от этого Утонувшая Девочка закричала ещё сильнее:

– Ты расстраиваешь её! Ты виновата! Когда же ты перестанешь создавать всем столько проблем? Всем стало бы легче, если бы ты пропала. Пропади, Надя! Пропади!

И Женщина заливалась слезами:

– Я устала! Хочу слоновое сердце! Хочу заживать, как собака!

– Хочу слоновое сердце, – повторила я за ней. – Хочу заживать, как собака. Хочу...

Дима подхватил меня на руки и отнёс в комнату. Он присел на край кровати и стал придерживать меня за руки, несильно, но так, чтобы я не смогла вырваться.

Кто-то закашлял, и запахло пеплом. Это пришёл Скелет. Я никогда не видела его, но слышала каждое движение. Он подошёл ко мне, брэнча своими костями и шелестя плащом, закашлял, и пепел упал на волосы, и запах сожжённой души заполонил комнату. Затем он нагнулся и вцепился в моё сердце. Оно трепетало в его руках и билось в агонии, и он вырвал его из груди, и кровь, такая горячая, начала стекать с раздробленных рёбер.

– Надя, – услышала я. – Надя, посмотри на меня. Ты слышишь? Кивни, если слышишь.

Я кивнула, но слёзы брызнули из глаз.

– Хорошо, тогда слушай. Как-то раз мы с братом пошли на озеро. Это было примерно пять лет назад. Я тогда очень злился на него, потому что хотел пойти с друзьями на вечеринку, а вместо этого должен был сидеть с ним. Игорь не замечал моего настроения, он скакал вокруг меня, говорил, как он рад и как ему весело. А я в это время думал только о том, что не хочу быть здесь, и почему это я должен отдуваться за родителей, это же не мой ребёнок.

Я разрешил Игорю пойти купаться у берега, а сам лёг на пляже, продолжая думать, какой же я несчастный. Я думал и думал, злился на всё на свете, пока не понял, что не вижу брата. Сначала я просто окликал его, потом подскочил и стал громко звать по имени, и только тогда побежал к воде и нырнул. Одежда прилипла к телу. Я помню это чувство. Вода была холодная, а я разрешил брату купаться.

В тот момент... Знаешь, я никогда так не пугался. Тогда я понял, насколько дорог мне брат, и, наверное, в первый раз искренне подумал, что люблю его.

Я испугался, что Игорь утонул, и вдруг услышал своё имя. Игорь стоял на берегу и ел мороженое. Какая-то девчонка угостила его, когда он отплыл от меня и не мог уже найти, среди других отдыхающих. Я разозлился, то ли на себя, то ли на него, то ли из-за своей откровенной паники, но потом обнял брата, так крепко, что он выронил мороженое.

Я полюбил Игоря, или понял, что люблю, когда ему было четыре года. И больше не думал, что он обуза, что он делает меня несчастным.

Я слушала Диму, и незаметно сердце замедлило темп, а Скелет ушёл из комнаты и из моей жизни, хотя бы временно. Тихий спокойный голос Димы усыпил голоса в голове, а то, что он поделился своей историей, которую он, возможно, никому больше не рассказывал, бальзамом пришлось по моему истерзанному достоинству, и я почувствовала себя нужной.

– Не знаю, почему я рассказал тебе именно это. Наверное, я просто скучаю по нему.

Дима улыбнулся и спросил:

– Как ты?

Я ничего не ответила, ощущая внутреннее опустошение, отчего ни одно слово не приходило на ум, но попыталась вложить в свой взгляд всю полноту своей благодарности, надеясь, что он поймёт.

– Ты держишь её? Держи! – раздался голос мамы. Она зашла в дверь, держа в руках шприц. Он испугал меня, и я стала вырываться.

– Что это?! – закричала я.

Неужели этот холодный и хриплый голос – мой?

– Надя, не двигайся, – ответила мама. – Держи её крепче.

– Что это? – спросил Дима.

– Успокоительное.

Я хотела спросить маму, почему она никогда не отвечает на мои вопросы, но язык не слушался. Казалось, сердце перестало биться, и реальность ещё сильнее отделилась от меня.

– Как не вовремя, как не вовремя, Надя, – устало проговорила мама, присев на место Димы.

– Почему не вовремя?

– Мне через неделю на работу надо. Я ухожу на сутки. Дед что-то совсем захворал, надо следить за ним. Ох, не вовремя. А если не пойду, так Иннокентий не вспомнит, что дружил с моим мужем, и уволит. Он нанимал меня сиделкой не для того, чтобы я четыре раза в год отпуск брала.

Мама покачала головой, но, подумав, выпрямила плечи, и глаза её перестали тревожно разглядывать моё лицо, а уверенно поднялись на Диму. Поглаживая мою руку, она заговорила:

– Придётся попросить Валю. Я не оставлю Надю в таком состоянии без должного присмотра.

– Кто такая Валя? – спросил Дима.

– Не фамильярничай. Для тебя Валентина Олеговна.

– Хорошо, – выдохнул он. – Кто такая Валентина Олеговна?

– Медсестра. Мы с ней познакомились в больнице, где я работала. Она сейчас тоже на пенсии. Раньше Валя всегда сидела с Надей, но недавно сказала, что хочет на отдых, устала.

Мама передёрнула плечами, сжав мою руку.

– Устала, видите ли. А мне на кого Надю оставить? Но, думаю, она согласится на один вечер.

Голова закружилась и затуманилась, я уже начала проваливаться в сон, но голос Димы вывел из секундного сновидения:

– Может, лучше Наде в больницу лечь?

– Опять ты со своими советами, племянничек, – сказала мама раздражённо.

– Тётушка, – копируя её интонацию, ответил Дима, – я же как лучше хочу.

– Всё тебе смешно, только мне не до смеха. Не хочу я пока, чтобы Надя в больницу ложилась. Может, обойдётся ещё. Такое бывало. Посмотрим...

Голос матери становился всё тише и тише, туман окончательно поглотил меня, и я, наконец, уснула долгим крепким сном.

(Окончание в следующем номере)

Алиса ЧОПЧИК – начала писать в одиннадцать лет. Участвовала в конкурсах «Твоя первая книга», «Белая скрижаль-2012», «Сон», а также – в фестивале «Бессарабская осень» (2014). Участница «Международного литературного фестиваля молодых писателей из России и стран зарубежья». Несколько рассказов опубликованы в журналах «Интеллигент», «Южная звезда», в альманахе «Aesthetoscope».

НАТАЛЬЯ НОВОХАТНЯЯ

«КАК СОЛОМИНКОЙ, ПЬЁШЬ МОЮ ДУШУ...»

Виктория Лыс, Вика Лыс. Это имя давно и хорошо известно в русском мире Кишинёва. Девушка с гитарой в руках уже впечатляет. А если эта девушка красива, сочиняет песни, да ещё поёт... А голос у Вики редкий. Негромкий, он обладает удивительно светлым тембром. Раз услышав, забыть его невозможно.

Ещё несколько лет назад достойным обрамлением Виктории служили замечательные музыканты-мужчины. Группа называлась по-местному колоритно – «Букет Молдавии». В силу обстоятельств (коллеги разъехались) из всего «букета» сейчас осталось двое – сама Вика и Штефан Негурэ, талантливый музыкант, известный не только в нашей стране, но и за рубежом. Вместе они часто выступают, дают сольные концерты, трудно представить хоть одно значительное мероприятие Ассоциации русских писателей Республики Молдова (Вика – член АРП), Российского центра науки и культуры в Кишинёве без этих двоих.

Слушателям особенно запомнились выступления Вики и Штефана на поэтическом фестивале «Эмигрантская лира» и на концерте в честь пятилетия журнала «Русское поле». Нежная, задумчивая Вика и Штефан, посредством напева и перкуссии виртуозно вплетающий в мелодии задорный национальный колорит, – это было прекрасно!

В репертуаре Виктории много песен на стихи наших местных поэтов. Её можно по праву назвать пропагандистом русских авторов Молдовы. Впрочем, как признаётся сама Вика, такой задачи она перед собой не ставила, всё дело в совпадении мыслей и чувств. «Эти авторы сказали именно то, о чём думала, что ощущала я сама. Поэтому и откликнулось». Так на свет появились песни на стихи Татьяны Орловой-Волошиной, Олеси Рудягиной, Сергея Пагына, Александра Чельшева, Евгения Рожко и на мои.

И, конечно, песни на собственные тексты. Большинство из них о любви, разделённой и нет, счастливой и несчастной. Лирическая героиня Вики неоднозначна: вот она мечтает о земной любви, готова ради неё на любые жертвы, а когда любовь случается, начинает тосковать о свободе. Потому что творчество без свободы невозможно, и все земные привязки кажутся невольной помехой. Служение мужчине или служение искусству? Лирическая героиня разрывается между двумя полюсами, и, вероятно, в этом метании кроется причина той самой грусти, что невесомо окутывает все песни Виктории.

Но в её песнях происходит ещё одна борьба, совсем другого плана. Что важнее – музыка или поэзия, мелодия или строка? Вика, музыкант по первому образованию, выбирает музыку. Мелодия солирует, а задача текста – оттенять её, не перетягивая внимание на себя. Что ж, это авторский выбор и нам, слушателям, остаётся только принять его.

А вот о двух песнях Виктории – на стихи Арсения Тарковского «И это снилось мне» и Анны Ахматовой «Как соломинкой, пьёшь мою душу» – хочется поговорить отдельно. Тот самый случай, когда от соприкосновения с гениальными строками рождается прекрасное. Эти небольшие произведения – жемчужины в репертуаре Вики. То, что получилась песня на стихи Ахматовой, не удивляет. Женская суть, пусть уставшая, приглушённая, в строках всё равно присутствует, и Виктории, истинной женщине, это должно быть близко и понятно. Но Тарковский! В стихотворении «И это снилось мне» гендерности нет совсем, а есть бесконечная жалость и любовь, но не земного, а вселенского порядка. И Вике удалось это почувствовать и удивительно тонко передать.

Кстати, песня на стихи Ахматовой была написана в соавторстве с композитором и прекрасной барочной певицей Аллой Короид, живущей сейчас в Германии. Как рассказывала сама Вика, сочиняли они по очереди, в прямом смысле: первую строчку – одна, вторую – другая... Так и представляю себе двух юных талантливых девушек: блондинка перебирает гитарные струны, брюнетка сидит за фортепиано. Счастливые, смеющиеся, а впереди у них – целая жизнь.

Впрочем, жизнь продолжается. И хочется пожелать Виктории вдохновения и новых песен, а читателям «Русского поля» – знакомиться с нашими талантливыми земляками не только на страницах журнала, но и в реальности, будь то сольные концерты или музыкально-литературные вечера Ассоциации русских писателей Молдовы.

В Молдавии «лихие 90-е» начались в 1988 году с дискуссий о статусе молдавского, русского и других языков. В ход были пущены не только данные о национальном составе населения республики и его языковых предпочтениях, но и исторические аргументы. Борьба общества за сохранение пространства русского языка, за свободу его использования во всех сферах деятельности оказалась тесно связанной с борьбой за правду истории.

В центре этих тревожных событий был историк Пётр Михайлович Шорников, тогда – председатель Республиканского совета Движения за равноправие «Единство» и депутат Парламента РМ. Очерки, предлагаемые вниманию читателей «Русского поля», – это научное исследование важной страницы новейшей истории Молдовы. Исследование, основанное на документах, материалах и свидетельствах непосредственного участника этой нелёгкой работы.

ПЁТР ШОРНИКОВ

ЗАЩИТА РУССКОЙ РЕЧИ И МОЛДАВСКОЙ ИСТОРИИ в 1990-1998 годах

На рубеже 90-х годов XX века в Молдавии, как и в других республиках Советского Союза, «группа Горбачева» приступила к осуществлению программы политической дестабилизации. В марте 1988 года в общественный оборот была вброшена разрушительная идея, ещё в мае 1953-го сформулированная министром внутренних дел СССР Лаврентием Берия¹, – о придании в каждой союзной республике государственного статуса только языку титульной нации. Вирусная идея о присвоении государственного статуса языкам титульных наций – и только

¹ К сведению поклонников «лучшего менеджера XX века»: весной 1953 г. Первый заместитель главы правительства СССР министр внутренних дел Л.П. Берия направил в ЦК КПСС «Записки», в которых предложил осуществить в союзных республиках полную «коренизацию» партийно-государственного аппарата и перевести всё делопроизводство на языки титульных наций. На основании «Записок» Берии 26 мая и 12 июня 1953 г. ЦК КПСС принял постановления, направленные на то, чтобы «решительно покончить с извращениями ленинско-сталинской национальной политики партии» на Украине, в Литве, Белоруссии, Латвии. В.Голиков, помощник Л.И. Брежнев, свидетельствует, что после «Записок» Берии мгновенно изменилась обстановка и в Молдавии: «Произошла сильная вспышка национализма». Позднее Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Н.С. Патоличев говорил об инициативах Берии: «Более худшего вида проявления национализма трудно было найти. Осуществление этой бредовой идеи обернулось бы страшной трагедией для миллионов граждан, проживающих в Белоруссии». Берия «вовсе не заботился о развитии национальных языков и национальных кадров. Реализация бериевского “национального” плана привела бы к перемещению миллионов людей из одних республик в другие». В связи с арестом Л.П. Берии 26 июня 1953 г. выполнение решений, грозящих гуманитарной катастрофой и расчленением СССР, было заблокировано. (Национальная политика и национальные движения. Инициативы Л.Берии).

им! – была вновь озвучена 3 марта 1988 года литератором из Белоруссии Нилом Гилевичем на съезде советских писателей в Москве. У писателей, возможно, помнящих о подобной инициативе куратора советских спецслужб, идея не вызвала отклика. Но в её популяризацию включились мощные закулисные силы. Вышел в свет номер литературного журнала «Нистру» со статьёй переводчика В. Мындыкану «Одеяние нашей сути». В ней подчёркивался тезис о том, что самостоятельного молдавского языка не существует, звучал призыв к переводу молдавской письменности на латинскую графику². Подобные статьи, призванные актуализировать языковой вопрос и спровоцировать межэтнические конфликты, были опубликованы и в других союзных республиках.

В сентябре 1988 года спешно формируемое в Молдавии антигосударственное движение снабдили подобием политической программы. Ссылаясь на интересы духовности будущего **молдавского** народа и потребности развития **молдавского** языка, авторы «Письма 66-и» потребовали отбросить «традиционные и любые внелингвистические» соображения, официально признать идентичность литературного молдавского и **румынского** языков, целесообразность перевода **молдавской** письменности на **латинскую** графику и придания только молдавскому языку государственного статуса³.

Осуществление этих требований грозило спровоцировать увольнение десятков тысяч служащих и даже рабочих, вызвать гуманитарную катастрофу и невиданное осложнение межэтнических и этногосударственных отношений. В печати была развёрнута кампания за отказ от самоназвания «молдаване» и лингвонима «молдавский язык» и начат пересмотр молдавской истории в духе румынизма, государственной идеологии румынского государства. С осени 1990 года из программ учебных заведений Молдовы был исключён курс «История Молдавии» и введён антинаучный курс «История румын». Как выяснилось позднее, эти мероприятия входили в число 10 программ официального Бухареста по «работе» с зарубежными «румынами отовсюду», направленных на подготовку аннексии Молдавии Румынией.

Необходимость концептуального противостояния адептам румынизма, пусть с различной степенью радикализма, сознавали члены фракций Парламента Молдовы – «Советская Молдавия» (1990–1991 гг.), «Согласие» (1992–1994 гг.), «Социалистическое Единство» (1994–1998 гг.), «Сельская жизнь» (1990–1994 гг.) и аграриев (1994–1998 гг.). Какую же роль сыграли депутаты-участники Интердвижения Молдавии (Движения за равноправие «Унитате-Единство») в защите позиций русского языка и курса «история Молдавии»?

Начиная с периода политических потрясений 1989–1992 годов, главными задачами «Единства» в Парламенте Молдовы были следующие положения:

- предотвратить разрушение существующей системы образования;
- сохранить вертикаль воспитания/образования, функционирующую на русском языке, и обучение русскому языку в школах с молдавским языком преподавания.
- вернуть в учреждения образования курс истории Молдавии.

² Мындыкану В. Вешмынтул финцей ноастре. // «Нистру», 1988. N4.

³ «Народное образование», Кишинёв. 1988, 22 сентября.

Значительную часть этой работы Интердвижение (Движение за равноправие) выполняло, устраивая массовые манифестации населения, осуществляя организационные мероприятия, и эту деятельность нельзя отнести к парламентской в чистом виде.

Наши университеты

В августе 1989 года, ещё до принятия Верховным Советом МССР «законов 13-й сессии», высшие учебные заведения республики резко, на треть, сократили набор в академические группы с русским языком обучения⁴. Это вызвало тревогу в обществе. В конце сентября, после завершения Республиканской стачки, вопрос «Что делать?» был обсуждён сопредседателями Интердвижения А.М. Лисецким, В.Н. Яковлевым и автором этих строк, в то время членом Президиума «Единства». Пришли к заключению: следует подготовить создание в Кишинёве университета с преподаванием на русском языке, не зависимо от парламента и правительства МССР.

Мне было поручено организовать разработку Концепции нового вуза.

В группу разработчиков я попытался привлечь кандидатов исторических наук В.А. Солоняра, А.В. Хействера, В.А. Андриевского. Товарищи настаивали на создании университета, соответствующего западным стандартам, включающего медицинский факультет. Но рассчитывать на столь серьёзное финансирование мы не могли. Профессор В.Я. Гросул поддержал идею учредить при университете лабораторию исторических исследований и издательство. В духе рыночных времён университет решили назвать Корпоративным. Втроём с экономистом А.Н. Белопотаповым и юристом В.Ю. Лебедевым мы разработали структуру университета и основные статьи предстоящих расходов. В ректоры мы прочили профессора А.М. Лисецкого, однако, сам он до лета 1990 года рассчитывал, что политическая ситуация в стране стабилизируется, и создавать корпоративные университеты не придётся.

11 сентября 1990 года вопрос об организации Корпоративного университета мы с В.Н. Яковлевым обсудили при участии народного депутата СССР Ю.В. Блохина. Я назвал основные положения Концепции нового вуза: университет классический, с лабораторией исторических исследований и собственным издательством, в перспективе – с медицинским факультетом, не зависимый от министерства образования. Учредить его следует в Кишинёве. Здесь университет, не зависимый от министра-разрушителя Маткаша, нам зарегистрировать не позволят, поэтому его регистрации следует добиться в Министерстве образования СССР. Последнее – задача Юрия Блохина. Финансировать корпоративный вуз должен Попечительский совет, состоящий из директоров заводов и председателей колхозов. Кадры преподавателей имеются: я положил на стол список 30 профессоров и доцентов, с которыми достигнута предварительная договорённость о преподавании в будущем университете. Помещение для нового вуза можно арендовать, есть пара проектных институтов, явно предназначенных к ликвидации. Ректором должен стать Василий Никитич.

⁴ «Какие судьбы готовят нашим детям?». Документы и материалы о политике в сфере образования в Республике Молдова. 1991-май 1993 года. Кишинёв, 1993. С.16.

Отказ от государственного финансирования, возразил Яковлев, не оградит университет от диктата министерства образования Молдовы в вопросе о построении учебных программ, а если независимость по этой части не будет обеспечена – зачем нам такой университет? Вуз, заключил он, следует учредить в Тирасполе, тем более что тираспольский пединститут «фронтисты» превратили в очаг политических провокаций, и Приднестровской автономии потребуется свой университет.

У стен Парламента Молдовы

Я же утверждал, что приднестровские власти порядок в пединституте наведут, а населению Молдавии университет с преподаванием на русском языке нужен в Кишинёве. Но Ю.В. Блохин усомнился в том, что директоры смогут финансировать вуз на постоянной основе: это обременительно для предприятий и противозаконно. Создание нового университета в Тирасполе позволяло решить сразу несколько проблем, и я предложил Василию Никитичу добиться от Временного Верховного Совета Приднестровской МССР предоставления вузу статуса **государственного** университета, а значит – и государственного финансирования. Подберут приднестровские власти и помещение для вуза. Блохин пообещал содействие Москвы в узаконивании нового высшего учебного заведения.

Профессор выехал в Тирасполь и переговорил с председателем Временного Верховного Совета Приднестровья И.Н. Смирновым. Игорь Николаевич оказался отзывчив в меру возможностей создаваемой республики: статус – пожалуйста, но денег пока нет. Я посоветовал Василию Никитичу согласиться: если университет будет государственным, то в бюджет 1991 года Временный Верховный Совет будет вынужден включить деньги на его финансирование. Яковлев счёл соображение резонным и вновь выехал на левый берег Днестра. Уже 21 сентября И.Н. Смирнов подписал Постановление Временного ВС Приднестровской МССР «Об образовании Государственного университета». Ответственность за реализацию этой программы парламент Приднестровья «возложил на доктора юридических наук, профессора В.Н. Яковлева, старшего научного сотрудника, кандидата исторических наук П.М. Шорникова и других компетентных лиц»⁵.

Что касается средств, необходимых университету для работы в первые месяцы, то по этому вопросу Яковлев побеседовал с сопредседателями «Единства» директорами крупных заводов А.И. Большаковым, А.К. Белитченко и Г.Ф. Пологовым. Большаков, кроме прочего, – председатель Социально-экономической ассоциации Приднестровского региона, пообещал предоставить деньги, и обещание выполнил. Помогли и некоторые другие директора заводов. Обучение в Приднестровском университете началось уже в декабре 1990 года.

⁵ Берил С.И. «Туннельный переход: размышления ректора». Тирасполь. Изд-во Приднестр. ун-та, 2010. С.197, 198.

Первыми начали читать лекции будущие профессора Н.В. Бабилунга, Б.Г. Бомешко, И.Н. Галинский, П.И. Хаджи, кандидат исторических наук В.А. Андриевский, а также отец депутата-деятеля Интердвижения В.А. Солонаря – доцент-химик Анатолий Степанович Солонарь. Доверие общества, обретённое им в ходе политической борьбы в составе Интердвижения, помогло В.Н. Яковлеву уже в 1991 году привлечь к работе в университете 18 докторов наук, профессоров. Целую плеяду ученых – члена-корреспондента Академии наук Молдавии физиков Е.П. Покатилова и профессора А.И. Дикусара, математика академика Ю.М. Рябухина и других – пригласил в Тирасполь сотрудник Академии наук С.И. Берил, назначенный деканом физико-математического факультета. Член руководства Интердвижения А.М. Сафонов был назначен начальником Управления образования Приднестровской МССР.

Тогда же, в 1991 году, «Единство» начало в Кишинёве кампанию сбора научной литературы для библиотеки нового университета. И тут нам подыграли оппоненты. По решению Министерства культуры Молдовы подведомственные ему библиотеки были обязаны избавиться от «излишней» литературы на русском языке. Соответствующую оценку этому варварскому мероприятию мы дали в прессе. Сотрудники библиотек стремились спасти списываемую литературу от уничтожения и охотно передавали ее участникам нашего Движения. Перевозить книги в Тирасполь мы начали уже не чемоданами, а грузовиками. Их складировали в помещениях Тираспольского горкома КПМ, где размещались Президент, Верховный Совет ПМР и – на первых порах – Приднестровский Государственно-корпоративный университет.

В мае 1992 года Корпоративный университет был объединён с Тираспольским пединститутом и преобразован в Приднестровский Государственный университет им. Т.Г. Шевченко. Естественно, работал он на нужды ПМР, абитуриентов из Молдовы в Тирасполе принимали на учебу в пределах 10-процентной квоты. Не имея возможности учиться на русском языке, часть молодежи уезжала в Россию, и надежд на её возвращение в Молдавию оставалось всё меньше. Эмиграция русскоязычной молодёжи устраивала официальный Кишинёв. Но в Республиканском Совете «Единства» созрела идея добиться открытия в Кишинёве Славянского университета. Возглавить подготовку к его созданию должен был ученый, известный среди преподавателей высшей школы. В конце марта 1992 года я предложил взяться за эту работу А.М. Лисецкому.

Подумав несколько дней, профессор согласился. Он обговорил вопрос с рядом преподавателей Национального университета Молдовы и составил проект Открытого письма министру науки и образования. Письмо подписали руководители 11 этнокультурных организаций Молдавии. 11 апреля документ, озаглавленный «Позвольте нам открыть Славянский университет!», был опубликован в правительственной газете «Гражданин Молдовы»⁶.

Общее дело сплачивает людей, вокруг Анатолия Михайловича начала складываться группа активистов, с Интердвижением организационно не связанных. В Молдавии царил экономическая разруха, денег у государства, тем более для финансирования университета с обучением на русском языке, конечно же, не было.

⁶«Гражданин Молдовы». 1992, 11 апреля..

На это, полагал участник группы профессор-химик С.С. Будников, деньги следует просить у России. Я полагал, что за образование граждан Молдовы должно платить молдавское государство. Ссылаясь на опыт Киргизии, где уже был открыт подобный вуз, Лисецкий предложил компромиссный вариант: надо добиваться создания в Кишиневе российско-молдавского университета, на паритетных началах финансируемого Россией и Молдовой, тем более что в бюджете Российской Федерации расходы на подобные нужды уже предусмотрены. Его идею мы и приняли за основу.

Для решения вопросов экономического и социального характера и переговоров с российскими министерствами и ведомствами следовало учредить Русскую национальную общину. В марте 1993 года с Движением за равноправие установил контакты московский Конгресс русских общин. 12 июня 1993-го делегация КРО во главе с Дмитрием Рогозиным приняла участие в учредительном съезде Русской общины российских соотечественников (РОРС), состоявшемся в кишинёвском Дворце железнодорожников. Однако власти не желали появления социально-культурной организации, руководимой «Интерфронтом». Хотя в учредительном собрании приняли участие более 300 человек, министерство юстиции отказалось зарегистрировать РОРС на том основании, что в уставных документах языком внутреннего общения и делопроизводства был указан русский. Могли ли мы уступить в этом вопросе?

«Непризнание» не помешало сотрудничеству РОРС с Конгрессом русских общин. Дмитрий Рогозин помог нам установить связи с рядом русских организаций новых независимых государств, координировал наши совместные выступления протеста по поводу националистических репрессий против русских общин Крыма, Закарпатья, Прибалтийских государств, Казахстана. В 1993–1994 годах КРО содействовал борьбе «Единства» за освобождение трёх офицеров 300-го воздушно-десантного полка, арестованных в Кишинёве по ложному обвинению. Вместе с представителями «Единства» Дмитрий Рогозин провёл в Москве две пресс-конференции, посвящённые этому «делу» и помог выйти на министерство обороны РФ. На суд над офицерами КРО командировал в Кишинёв московского адвоката В.П. Магнушева.

В июне 1993 года работу по созданию в Кишинёве государственного университета с преподаванием на русском языке возглавил доктор химических наук Станислав Сергеевич Будников. Инициативную группу он расширил и переименовал ее в Оргкомитет Молдавско-Русского Славянского университета (МРСГУ). Я передал ему имевшиеся в штабе «Единства» материалы, наработанные при подготовке Концепции университета в 1989–1990 годах.

В 1994 году в Молдавии прошли досрочные парламентские выборы, для Блока «Единства» и Социалистической партии – успешные. Мы сформировали вторую по численности фракцию и наладили контакты с рядом депутатов Государственной думы России из нового состава. Удостоверение члена Совета соотечественников и содействие российских парламентариев открывали двери высоких кабинетов, чем я и воспользовался при решении проблем образования на русском языке в Молдавии. По вопросу об открытии российско-молдавского университета меня принял министр по делам национальностей и федеративным от-

ношениям Вячеслав Александрович Михайлов, член Совета по координации деятельности российских центров науки и культуры за рубежом, и вопрос о 50-процентном финансировании университета в Кишинёве с преподаванием на русском языке был решён. Сопредседатель нашей фракции В.Б. Сеник добился согласия премьер-министра А.Н. Сангели на открытие университета в Кишинёве и его половинчатое финансирование из республиканского бюджета. С.С. Будников был в курсе этой работы.

Однако в окружении президента М.И. Снегура и в Министерстве образования Молдовы идея открытия в Кишинёве российско-молдавского государственного университета была встречена в штыки. Унионисты развернули враждебную кампанию в прессе⁷. Нашёлся и тайный противник создания российско-молдавского университета, притом влиятельный и изобретательный – председатель Парламента П.К. Лучинский. Начались бесконечные проволочки. Идея обсуждалась в республиканской печати, но вопрос не решался. В сентябре 1995 года нас с депутатом Э.П. Мазуром пригласили на совещание в министерство образования, там заместители двух министров, образования и финансов, оперируя аргументами финансового свойства, полтора часа пытались нам доказать, что открывать русский университет в Кишинёве не следует.

По возвращении мы встретили в фойе парламента нервно курящего Юрия Рошку. «Домнуде Шорников, – обратился он ко мне на молдавском, – мы, конечно, оппоненты, но скажите: вас пригласили в правительство и там полтора часа морочили голову?». Я подтвердил его догадку. «Меня тоже, – продолжил лидер «фронтистов». – Так вот, пока нас здесь не было, наши фракции проголосовали за отмену в Молдове смертной казни! Пётр Кириллович всё это устроил».

Мораторий на применение смертной казни действовал давно. Зачем было Лучинскому через законодательный орган проталкивать меру, направленную на превращение правительства республики в администрацию, руководимую из Брюсселя и Вашингтона? Перед депутатами председатель мотивировал принятие этого решения так: без отмены смертной казни Запад не выдаст очередной транш, учителя и врачи не получают зарплату. За уступку по вопросу принципиального значения Европа заплатила денежной подачкой или только обещанием.

С.С. Будников, которого мы прочили в ректоры, выступал в печати, давал журналистам интервью⁸, вёл переговоры в Министерстве образования и Министерстве юстиции РМ, формировал преподавательский коллектив будущего университета. Он создал и возглавил оргкомитет, который провёл научно-практическую конференцию «Русские в науке и культуре Молдовы»⁹. Кампания за создание Славянского университета уже помогла приостановить сокращение числа групп с обучением на русском языке в высших учебных заведениях Молдовы на уровне 25 процентов. Нас поддерживал российский посол в Молдове Александр Васильевич Папкин, и перспективы представлялись обнадеживающими. Но в правительственных структурах Кишинёва саботаж унионистов усиливался. А в сен-

⁷ См.: Млечко Т.П. «Быть или не быть?» С.257, 258.

⁸ Там же. С.248-251. Будников С.С. «Надо создавать Славянский университет». «Русское слово», 1993. №17.

⁹ См.: Научно-практическая конференция «Русские в науке и культуре Молдовы». Тезисы докладов. Кишинёв, 1996.

тябре 1997 года Министерство юстиции РМ выдало учредительные документы на открытие в Кишинёве коммерческого, платного Славянского университета предпринимателю Олегу Бабенко. Он выразил признательность за содействие в учреждении университета депутатам В.А. Солонарю, И.Д. Тромбицкому и Д.Г. Дьякову¹⁰.

Создание СУРМ представляло собой лишь частичную реализацию нашего проекта. Кроме того, идея создания в Кишиневе молдавско-российского Государственного университета уже стала политическим требованием нетитульного населения, и кампанию за его открытие мы продолжили. В период президентских выборов 1997 года П.К. Лучинский поддержал это требование и был избран главой государства¹¹. Но своё обещание не выполнил.

Финал этой большой, напряженной работы оказался неожиданным и трагичным. Станислав Сергеевич Будников попросил у меня для работы всю подборку материалов по нашему университету. Я отдал ему две толстые папки. Через сорок дней этот умный, деятельный и, по общему мнению, вполне здоровый человек 63 лет умер. Попытка Э.П. Мазура – они с Будниковым дружили семьями – вернуть материалы о Славянском университете не удалась. Трудно было примириться с мыслью, что осуществление перспективного образовательного проекта сорвано, а документальные свидетельства о самом его существовании потеряны или изъяты.

Учебные заведения следовало создавать явочным порядком, без предварительной огласки. Именно так разрабатывали мы Концепцию государственно-корпоративного университета, открытого в 1990 году в Тирасполе. Таким же образом действовал в 1990-1991 годах В.Ю. Лебедев, участвуя в подготовке учредительных документов, необходимых для создания Гагаузского национального университета. И Ю.В. Блохин, добившийся в Москве поддержки, чтобы открыть его в Комрате. 11 февраля 1991 года университет был учреждён совместным решением Всероссийского фонда образования и Комратского районного Совета народных депутатов. И не наша вина была в том, что он не начал работать осенью того бурного года. В 1995 году я таким же способом содействовал в решении статусных вопросов А.И. Галбену, учредителю и ректору Свободного международного университета (УЛИМ) с преподаванием на молдавском и русском языках. А в 1998 году помогал бывшему участнику Интердвижения И.Л. Гамову учредить в Кишинёве филиал Современного гуманитарного университета с аккредитацией в Москве и Оксфорде; позднее преподавал в этом учебном заведении историю России, работал проректором по учебной работе. При содействии правительства Болгарии в 2003-2004 годах добились учреждения университета в Тараклии бывшие участники Интердвижения И.Ф. Грек и Н.Н. Червенков.

Под руководством филологов В.Н. Костецкого, а затем Т.П. Млечко серьёзным образовательным центром с обучением на русском языке стал и СУРМ. С 1997 года университет начал проводить научные конференции и выпускать журнал «Вестник Славянского университета». В 1999 году я передал в университетскую библиотеку несколько мешков научной литературы, оставленных на по-

¹⁰ Млечко Т.П. Указ. Соч., С.258.

¹¹ Шорников П.М. «Покушение на статус». Кишинёв, С. 188.

печение «Единства» профессорами И.Э. Левитом, С.К. Брысякиным и некоторыми другими учёными, эмигрировавшими из Молдавии.

Законопроект «Об образовании»

При всех их недостатках и закон «О функционировании языков...», и Конституция 1994 года допускали открытие учреждений образования, функционирующих на русском и других языках, не получивших государственного статуса. Под негласным лозунгом «Государственное образование – только на государственном языке!» обойти эти положения пытался аппарат Министерства образования РМ. Интердвижение было вынуждено бороться против законодательных диверсий этого ведомства.

Первый раунд борьбы начался в июне 1991 года, когда Министерство опубликовало законопроект «Об образовании», в котором отсутствовало упоминание об обучении в государственных учебных заведениях на любом языке, кроме государственного. Публикация не стала для нас неожиданностью. В штабе «Единства» с лета 1989 года хранился набросок законопроекта «Об образовании», подготовленный при участии директора одной из школ Кишинёва Вячеслава Литвиненко, учителя Андрея Сафонова, автора этих строк и двоих кандидатов наук – преподавателей университета. В 1990 году В.И. Литвиненко стал народным депутатом ССР Молдовы. Он состоял во фракции «независимых», но его отношение к вопросам образования на русском языке не изменилось. Еще в мае я вручил ему распечатку ранее разработанного нами проекта и попросил усовершенствовать его. При участии Лисецкого и Лебедева Вячеслав Литвиненко подготовил и предал гласности альтернативный законопроект, предусматривающий право граждан на обучение на русском языке¹².

К этому времени молдаване, в том числе большинство депутатов, возненавидели министра образования Н. Маткаша за курс «история румын», включенный им в программы учебных заведений, и другие «реформы», нацеленные на подгонку системы образования Молдавии под румынские клише. Широкий резонанс получил опубликованный в газете «Советская Молдова» запрос депутата-агрария В.А. Сержанта – аргументированный обвинительный акт, направленный против школьной политики румынистов¹³. При поддержке фракции «Сельская жизнь» нам удалось предотвратить принятие министерского законопроекта.

Требую в вопросах о статусе и организации учреждений образования свобод, предусмотренных Концепцией национально-культурной автономии, мы не желали освобождать государство от обязанности финансировать часть системы образования, функционирующую на русском языке. Ещё в дни приднестровского конфликта А.М. Лисецкий составил и с согласия руководства «Единства» опубликовал законопроект «О правах национальных меньшинств Молдовы»¹⁴, в который включили пункт (Ст.28): «Государство гарантирует создание надлежащих возможностей и условий для того, чтобы лица, принадлежащие к национальным

¹² «Советская Молдова», 1991, 26 июня.

¹³ «Советская Молдова», 1991, 20 июня

¹⁴ «Гражданин Молдовы», 1992, 3 июня.

меньшинствам, обучались своему родному языку или на своём родном языке через систему, подведомственную Министерству науки и образования Республики Молдова». Предание проекта гласности помогло депутатам-участникам «Единства» воспрепятствовать утверждению Парламентом дискриминационного законопроекта «Об образовании».

Осенью 1992 года проект этого Закона министерство образования вновь представило в парламент. Это был не только антирусский, антиукраинский, антигагаузский, антиболгарский, но и антимолдавский регрессивный документ, нацеленный на общее снижение уровня образованности нового поколения. Вариант этот не гарантировал гражданам Молдовы права получить образование на любом языке, кроме государственного. Его составители намеревались лишить доступа к высшему образованию также более 90 процентов сельской молодежи, главным образом молдаван. В условиях, когда лицеи даже в городах только создавались, проект предусматривал введение лицейского образования как условия поступления в высшие учебные заведения; среднее образование ограничивалось девятью классами и лицейским не считалось, а открытие лицеев в сёлах не планировалось. Мы разъясняли сущность законопроекта депутатам-аграриям, взывали к гражданской совести «независимых» и даже членов парламентского «болота». Тем не менее, 11 ноября 1992 года законопроект был принят в первом чтении.

Борьбу вокруг законопроекта «Об образовании» мы продолжили. Дабы предотвратить социально-культурную маргинализацию нетитульного населения, обеспечив молодежи возможность получить высшее образование на русском языке, 13 ноября Совет «Единства» направил открытое письмо Президенту России Б.Н. Ельцину, Съезду народных депутатов, Верховному Совету и Правительству Российской Федерации. Мы призвали руководство РФ разрешить абитуриентам из Молдавии поступать в российские учебные заведения наравне с гражданами России¹⁵.

Наши претензии к этому важному документу следовало довести до сведения общественности. В статье «Ещё одна мина под фундамент гражданского мира?» я раскрыл ряд несоответствий проекта молдавскому и международному законодательству по части соблюдения национально-языковых прав. Рассчитывая на дополнения, показал распечатку А.М. Лисецкому. Он прочитал и заключил: «Сказано всё, что надо, подписываюсь под каждым словом!». Его имя могло усилить научный вес демарша. «Так подпишите, Анатолий Михайлович!» – предложил я. Профессор поставил свою фамилию второй¹⁶.

В мае 1993 года законопроект «Об образовании» вновь поступил в парламент. Ответственность за его анализ взял на себя Лисецкий. Он разработал и предложил внести в проект целый раздел, посвященный образованию на русском языке. Совет «Единства» одобрил раздел и обратился за поддержкой к этнокультурным организациям и русской прессе. Я составил брошюру «Какие судьбы готовят нашим детям?»¹⁷, и профессор подписал её в качестве рецензента. В начале июня

¹⁵ Сообщает ИРА. 1992. N3, декабрь.

¹⁶ «Русское слово», 1993. 10 марта.

¹⁷ См.: «Какие судьбы готовят нашим детям?» Документы и материалы о политике образования в Республике Молдова. 1991-1993 гг. Кишинёв. 1993, с.32.

товарищи из ОСТК организовали её издание. Мы сразу передали два десятка экземпляров в редакции газет Кишинёва и Тирасполя и иностранным журналистам.

7 июня с 10 часов утра в кабинете Лисецкого в парламенте мы с депутатами В.Я. Егоровым и В.Ю. Лебедевым разрабатывали тактику фракции «Согласие» в момент обсуждения законопроекта во втором чтении, намеченного на 13 июня. Профессор пил чай, высказывал дельные соображения, на самочувствие не жаловался. Ничего угрожающего его здоровью мы не заподозрили. В двенадцать часов мне позвонили из штаба «Единства» и я ушёл, а ещё через полчаса, как рассказали товарищи, Лисецкий был приглашён к А.И. Арсени, председателю Комиссии по правам человека и национальным отношениям, национал-радикалу. Около двух часов дня, по пути домой на обед, профессор упал в подъезде. Вызвали «скорую помощь», но через сорок минут он скончался. Врачи констатировали инфаркт.

13 июня мы раздали брошюру депутатам парламента. На пленарном заседании огласили предложение Лисецкого включить в Закон «Об образовании» раздел «Учреждения образования национальных меньшинств в Республике Молдова» из 14 пунктов. Отмахнуться от их обсуждения парламентское большинство не решилось. Законопроект был вновь отправлен на доработку. А в августе начался парламентский кризис, завершившийся досрочным роспуском законодательного органа. Этот этап борьбы с разрушителями системы образования мы выиграли.

После парламентских выборов 1994 года право граждан воспитывать детей и получать образование на негосударственном языке стало предметом дебатов в июне-июле, в период обсуждения проекта новой Конституции. При поддержке коллег по фракции «Социалистическое Единство» и левых аграриев участникам «Единства» удалось включить в Основной закон (Ст.35(2)) следующее положение: «Государство обеспечивает в соответствии с законом право лица на выбор языка воспитания и обучения». Однако противники национального равноправия из Министерства науки и образования предприняли обходной манёвр, опубликовав 13 августа проект «Концепции развития образования в Республике Молдова», не упоминавший о праве граждан на выбор языка обучения и воспитания. О нём будет сказано далее.

Мы рассчитывали на сотрудничество с аграриями, и весной 1994 года В.Ю. Лебедев приступил к доработке законопроекта «О правах национальных меньшинств». Зная об этом, член Республиканского Совета «Единства» В.А. Солонарь всё же опубликовал составленный им и М.И. Сидоровым вариант проекта¹⁸. Они включили в него пункты законопроекта А.М. Лисецкого. «Государство, – гласила статья 9, – гарантирует создание надлежащих условий для того, чтобы лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, могли получать образование на родном языке или изучать его в качестве особого предмета. Государство обеспечивает в соответствии с законом право лица на выбор языка воспитания и обучения». Главный недостаток проекта заключался в том, что он – в соответствии с западной традицией – был ориентирован на индивидуальную защиту

¹⁸ «Русское слово», 1994. №2(19).

гражданином своих прав в суде. Обсудив проект, Республиканский Совет нашего Движения и фракция «Социалистическое Единство» пришли к заключению, что в условиях Молдовы, где «коренизация» судейского корпуса практически завершена, следует отдать предпочтение защите коллективных прав. Нами был разработан альтернативный законопроект «О лингвистической свободе»¹⁹.

Выдвижение от имени фракции двух законопроектов означало гарантированный провал обоих. Нам удалось достичь компромисса. В.А. Солонарь и М.И. Сидоров включили в свой проект восемь дополнительных пунктов, устранив его главные недостатки. Летом 1995 года проект Закона «О правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и их организаций» был ими направлен в парламентские комиссии. Однако на рассмотрение парламента он в течение года не поступал. Мы связали это обстоятельство с саботажем одного из авторов, председателя комиссии, тайно перешедшего в политическую команду П.К. Лучинского.

В июле 1996 года законопроект был всё же рассмотрен парламентом и принят в первом чтении. При этом депутаты стали свидетелями ещё одной политической измены. За принятие проекта проголосовал только один из коммунистов – М.С. Руссу. Руководитель группы Степанюк проголосовал «против», а ещё четверо депутатов-членов ПКРМ, молдаванин и трое со славянскими фамилиями, не поддержали проект, выйдя перед голосованием из зала заседаний. Таковым оказалось на деле отношение руководства Партии коммунистов к принципам интернационализма и интересам нетитульного населения.

Альтернативная Концепция

Переход власти к аграриям не привёл к смещению с руководящих постов в министерствах кадров господина Друка, и министерство образования, несмотря на смену первого лица, продолжило свою разрушительную работу. 13 августа 1994 года оно опубликовало проект «Концепции развития образования в Республике Молдова», списанный с румынской модели, представляющей собой ухудшенный вариант французской. Проект предусматривал отказ от всеобщего обязательного среднего образования и не упоминал о праве на образование на русском языке; в молдавской школе русский язык надлежало изучать как иностранный. Структура учреждений образования, предусмотренная проектом, лишала 90 процентов сельской молодежи возможности получить среднее, а затем и высшее образование. Права родителей на

¹⁹ Млечко Т.П. Указ. соч., С.118-120.

выбор языка воспитания и образования детей «Концепция» не предусматривала. Кроме того, румынская система бакалавриата создавала для педагогов идеальные условия для вымогания взяток.

Зачем вообще понадобилась Концепция образования? «Концепция, – признал вице-премьер Г.Ожог, – является документом, на основании которого разрабатывается законодательный каркас сферы образования страны на будущее»²⁰. Проект, заключили мы на заседании фракции «Социалистическое Единство», выставлен на обсуждение в расчёте на то, что мы, махнув рукой – Концепция ведь ещё не Закон, – допустим её принятие парламентом. А после этого Министерство образования представит законопроект, составленный в соответствии с положениями Концепции, уже принятой парламентом, и оспаривать его статьи будет поздно.

Проект Концепции был нацелен на превращение Молдавии в экспортёра малоквалифицированной дешёвой рабочей силы. Первый вице-премьер И.Т. Гуцу прямо заявил: «Другое направление деятельности правительства в этом смысле – экспорт рабочих рук. Мы не должны бояться этого процесса»²¹. Кроме того, авторы стремились закрепить превращение системы образования в инструмент румынизации нового поколения.

Чтобы предотвратить принятие Парламентом Молдовы ущербного документа, следовало создать вокруг него общественное мнение, адекватное его содержанию. Участники фракции возглавляли ключевые парламентские комиссии, от позиции которых зависела оценка Концепции законодателями, – по культуре, науке, образованию и СМИ (В.Б. Сенник) и по правам человека и национальным меньшинствам (В.А. Солонарь), но именно им выступать в печати не следовало. Мы договорились, что обсуждение министерской «Концепции» они отложат на некоторое время. Но большинство в комиссиях составляли депутаты-аграрии, к судьбе проекта безразличные, зато весьма активны были ее сторонники – члены национал-радикальных фракций ХДНП и «Интеллигентов», и результаты голосования уже по «Заключениям», которые предстояло подготовить комиссиям, оказались непредсказуемы.

Министерские чиновники предотвратили обсуждение проекта Концепции на августовских педсоветах, о нём умолчала и пресса. Тогда я выступил со статьей «Концепция со смещённым центром», в которой констатировал: «Ни слова нет в “Концепции” о предусмотренном Конституцией праве родителей на выбор языка воспитания и обучения детей. Ничего не сказано о сохранении вертикали образования, функционирующей на русском языке, – детских садов, общеобразовательных школ, профессиональных, технических и высших учебных заведений, – только лишь упоминание о регламентации языка обучения в соответствии с законодательством о функционировании языков»²².

Статья получила отклик в педагогических коллективах и обществе в целом. Критическое отношение к проекту Концепции следовало использовать в целях сплочения левых сил. Я подготовил текст Заявления «Разрушение системы обра-

²⁰ Там же, С.108.

²¹ Momentul. 1996. 20 martie.

²² «Независимая Молдова», 1994.28 сентября.

зования недопустимо» и подписал его. С согласия Ассоциации работников русских учреждений образования и культуры свою подпись поставил её председатель член Республиканского Совета «Единства» Ю.Н. Савельев. Заявление подписали и сопредседатель Социалистической партии В.И. Морев и даже лидер Партии коммунистов В.Н. Воронин²³.

Встревоженные ликвидацией системы профессионального образования, функционирующей на русском языке, учителя-члены Республиканского Совета «Единства» В.В. Лебедева, Ю.Н. Савельев, Ю.Г. Кишкилёв, а также Э.П. Мазур сочли принятые нами меры недостаточными и взялись разработать альтернативную концепцию. На завершающем этапе привлекли к работе и меня. Несколько вечеров мы всей командой дорабатывали проект в помещении фракции. Он предусматривал право граждан «на получение среднего и профессионального образования (включая профессионально-техническое, среднее специальное, высшее образование) на молдавском, русском и других языках».

В одном из интервью тех дней на вопрос корреспондента: «Верите ли вы хоть на йоту, что документ этот будет рассматриваться Парламентом Молдовы?» я ответил: «Уверен в одном: министерская «Концепция» не пройдет. Депутаты дали ей весьма реалистичную оценку. Альтернативный вариант будет доведён до сведения общественности и представлен в парламент»²⁴.

Экземпляры альтернативного проекта были переданы в Министерство образования и опубликованы в газете «Служба социальной справедливости»²⁵. Регрессивный характер министерского проекта участники «Единства» и Ассоциации работников просвещения и науки разоблачили в других газетах²⁶, создав в обществе адекватное представление о нём. Наш проект поддержали социалисты. Отстаивая его положения в дискуссии с аграриями, В.Б. Сенник бросил им в качестве упрека: «Кроме национального сознания, надо иметь ещё и национальную совесть!». Возможно, первой среди молдаван этот принцип национальной порядочности сформулировала филолог Елиза Ботезат, причём на страницах газеты «Литература ши арта». Наш подход к национальной политике разделяли депутаты-молдависты В.Д. Чекан, А.Я. Снегур, М.И. Попович, А.Г. Попшой, бывший председатель Верховного Совета МССР И.П. Калин, некоторые другие деятели, но не большинство депутатов-аграриев. Рассчитывать на успех в деле сохранения учреждений образования, функционирующих на русском языке, было трудно. Однако нам помогли оппоненты.

Румынскую модель образования унионисты внедряли не потому, что считали её социально эффективнее советской. Они выполняли одну из 10 программ официального Бухареста по работе с «румынами отовсюду» – программу «Румын-

²³ «Независимая Молдова», 1994. 26 ноября

²⁴ «Кишиневские новости», 1994. 12 ноября.

²⁵ «Служба социальной справедливости», 1994. 30 ноября.

²⁶ См.: «Телеграф», 1994.18.XI; Там же, 28.XI; «Служба социальной справедливости» (Кишинёв). 1994. 27.X; «Кишиневские новости», 1994. 26 ноября и др. См. также: Млечко Т.П. «Быть или не быть? Русский язык в системе образования Республики Молдова. 1989-1999». Кишинёв. 1999. С.122-124.

ская школа», и делали это без заинтересованности в результате. Ни одной публикации в поддержку министерской Концепции не последовало, а об её румынском происхождении вообще не смели упоминать. При обсуждении проекта в парламенте нам удалось добиться компромиссных формулировок по наиболее важным пунктам²⁷. Парламентская машина голосования всё-таки сработала: проект Концепции приняли во втором чтении. Но это была боевая ничья.

Всё тот же законопроект. Второй раунд

Свои разрушительные реформы в сфере образования унионисты пытались «обосновать» экономической разрухой, спровоцированной их же политикой. «Обновленный» законопроект «Об образовании», разработанный на основе Концепции и направленный министерством в Парламент Молдовы в мае 1995 года, был отмечен тенденцией экономии бюджетных средств. Курс на снижение образовательного уровня нового поколения составители проекта сохранили: образование свыше 90 процентов сельских школьников они были намерены ограничить 9 годами обучения, не дающими права поступать в высшие учебные заведения. Высшее образование горе-реформаторы – с некоторыми оговорками – допускали только на государственном языке.

Однако В.Б. Сенник, председатель парламентской комиссии по науке, образованию и СМИ, добился включения в законопроект (Ст.8(1)) следующего положения: «Государство обеспечивает в соответствии с Конституцией и статьями 18, 19 и 20 Закона о функционировании языков на территории Республики Молдова право на выбор языка обучения и воспитания на всех уровнях и ступенях образования».

Главным аргументом румынистов в вопросе о ликвидации высшего образования на русском языке было отсутствие у государства средств на содержание всего спектра учебных заведений, необходимых обществу. Законодательство об образовании, доказывая я коллегам по фракции, нельзя подгонять под убогие финансовые возможности государства кризисных времён; в законопроект надо внести серьёзные изменения либо вообще отложить его принятие. Примиренчески настроенные участники нашей фракции напомнили, что аграрии оправдывают свое соглашательство с унионистами необходимостью по одежке протягивать ножки: «Союза больше нет, где взять деньги?». Аграрии, говорили товарищи, составляют парламентское большинство, как мы можем их переубедить?

По вопросу о сохранении обязательного среднего образования в сельской местности мне неожиданно возразил человек весьма компетентный – бывший министр образования Д.Г. Зиду. «Товарищ Шорников, – сказал он, – давно не жил в селе, он не знает, как трудно найти чабана. Зачем человека насильно учить, если это ему не надо?». В словах Дмитрия Григорьевича был свой резон, и я с ответом промедлил. Однако угрозой снижения социально-культурного уровня нового поколения был озабочен и В.Б. Сенник. Школа, возразил он, и сегодня должна го-

²⁷ Подробно см.: Млечко Т.П. Указ. соч., С.107-115.

товить специалистов более высокой квалификации, чем требует работа пастуха: нам нужно бороться. Мы наметили ряд действий, призванных изменить к лучшему очередную вариант законопроекта.

В печати я выступил с критикой проекта, показав, что он нацелен не на развитие образования, а на узаконивание разрухи, созданной в этой сфере унионистами. «Нечётки и противоречивы в рассматриваемом законопроекте, – отметил я, – статьи, трактующие конституционное право граждан Молдовы на выбор языка воспитания и обучения детей. Гарантируя в пункте первом статьи 9 право на обучение на родном языке в общеобразовательных, профессиональных и высших учебных заведениях, авторы не упоминают о дошкольных, резервируя за министерством право закрыть еще имеющиеся детские сады с воспитанием на русском языке. Преподавание на этом языке они пытаются ограничить вузами, осуществляющими подготовку специалистов для системы образования и культуры национальных меньшинств. Это приходится расценивать не иначе как декларацию намерения прекратить обучение на русском языке в технических, медицинских, сельскохозяйственных и других высших и средних специальных учебных заведениях». Проект, говорилось в статье далее, должен быть переработан, в противном случае мы рискуем закрыть нашей молодежи дорогу в будущее, а государству – путь к прогрессу²⁸.

С критическими суждениями по поводу проекта выступили в печати также депутаты-аграрии: председатель парламентской комиссии В.Д. Чекан, заместитель председателя комиссии по экономике и приватизации будущий вице-премьер А.С. Муравский и даже председатель фракции АДПМ А.Г. Попушой. Самая спорная статья законопроекта, 9-я, была принята в компромиссной формулировке: «Государство гарантирует в соответствии с Конституцией РМ и законодательством о функционировании языков право на выбор языка обучения и воспитания на всех уровнях и ступенях системы образования»²⁹.

При обсуждении проекта руководимой им комиссией В.Б. Сеник дополнил его положениями о воспитании детей в духе дружбы и национального взаимопонимания, уважения к родителям, к самобытности, языку и культурным ценностям своего народа, а также к национальным ценностям страны проживания и других культур. С трудом включив в проект формулировку из соответствующей статьи Конституции, нам удалось законодательно подтвердить право родителей на выбор языка воспитания и образования детей. Угроза ликвидации системы образования, функционирующей на русском языке, была предотвращена. Однако унионисты всё же настояли на сохранении статьи 9, ограничивающей обязательное образование 9 классами; количество часов преподавания русского языка было сокращено. 21 июля 1995 года Закон «Об образовании» был принят.

Следствием нашей частичной неудачи стало общее снижение качества обучения в республике. Если в первой половине 90-х годов студенты-молдаване, подготовленные по советским программам, обучаясь в Румынии, как правило, стано-

²⁸ Шорников П. Закон, удобный для министерства. «Независимая Молдова», 1995. 11 июля.

²⁹ Млечко Т.П. Указ. соч., С.114.

вились в учебных группах неформальными лидерами, то к концу десятилетия ситуация изменилась к худшему. В отличие от учащихся школ с обучением на русском языке, сохранивших доступ к сокровищам мировой культуры, отметил известный молдавский публицист Виорел Михаил, школьники-молдаване, вынужденные зазубривать стихи косноязычных румынских авторов, получают худшую подготовку³⁰. Снижился и уровень обучения в высшей школе. Проблема обеспечения образования, соответствующего современным требованиям, в Молдове не решена и поныне.

Однако за русским языком был закреплён определённый статус, отличный от статуса языков национальных меньшинств, предусмотренный для него Законом «О функционировании языков на территории Молдавской ССР», а родителям было гарантировано право на выбор языка обучения детей – молдавского или русского.

(Окончание в следующем номере)

³⁰ Mihail V. Moldovenii, cei mai deștepti oameni de pe glob., «Săptămîna» 1999. 29 octombrie.

Пётр ШОРНИКОВ – кандидат исторических наук, эксперт по истории Молдавии периода Великой Отечественной войны. Автор шести монографий и более пятиста статей, посвящённых истории и современной проблематике межэтнических отношений. Участвовал в подготовке ряда обобщающих трудов. Женат. Трое детей, четверо внуков.

На вопросы читателей «Русского поля» отвечает представитель Федеральной миграционной службы Российской Федерации в Республике Молдова Тамара РОЩИНА.

– К сожалению, и политическая, и экономическая ситуация в нашей стране продолжают оставаться нестабильными, и люди ищут лучшей доли за границей. Скажите, Тамара Георгиевна, сколько человек, воспользовавшись Программой переселения, переехали в прошлом году из Молдовы в Россию на постоянное место жительства?

– В 2015 году с заявлениями об участии в Госпрограмме обратились около 7 тысяч человек (с членами семьи – 18,6 тысяч). Свидетельства участника Госпрограммы получили около 6 тысяч человек (с членами семьи более 16 тысяч), выехали на территорию России более 4 тысяч человек (с членами семьи – более 12 тысяч человек).

– Из каких районов Молдовы наиболее активно уезжают люди?

– В Государственной программе переселения участвуют жители всех регионов Молдовы. Однако основной поток граждан, желающих переселиться в Россию, идёт из Гагаузии, севера Молдовы и Кишинёва.

– Кто выбирает Программу переселения чаще – люди рабочих специальностей или интеллигенция? Кто сегодня более востребован на рынке труда в Российской Федерации?

– Такой статистики мы не ведём, но из опыта могу сказать, что обращается с заявлениями о переселении примерно равное количество граждан с высшим образованием и рабочими профессиями. Региональные программы переселения предусматривают возможность прохождения профессиональной переподготовки соотечественников по востребованным на рынке труда специальностям. Нужны

ли люди вашей профессии на рынке труда региона, можно узнать на сайтах служб занятости региона или на информационном сайте Федеральной службы по труду и занятости «Работа в России» (www.trudvsem.ru). Мы рекомендуем связаться заведомо со специалистами региональных служб занятости, а также с потенциальными работодателями и обсудить условия работы, размер оплаты труда. И в зависимости от результатов таких переговоров принимать решение, участвовать ли в Госпрограмме.

– *Что-то изменилось в условиях Программы переселения в последнее время?*

– Прежде всего, и это хорошая новость, – увеличилось количество принимающих регионов. В настоящее время в Госпрограмме участвует 59 субъектов Российской Федерации. Недавно в неё включились Ленинградская область (именно область, но не Санкт-Петербург!) и Удмуртия. В настоящее время идёт процедура согласования региональных программ переселения Краснодарского края, Татарстана, Башкортостана.

В соответствии с новой редакцией Госпрограммы, которая вступила в действие с 2013-го года, приём соотечественников осуществляется на всей территории региона. Все регионы разделены на две категории: регионы приоритетного заселения (Иркутская область, Забайкальский край, Республика Бурятия, Приморский, Хабаровский, Камчатский края, Амурская, Сахалинская, Магаданская области и Еврейская автономная область) и регионы, не относящиеся к категории приоритетного заселения. Расширены возможности осуществления трудовой деятельности: вас ждут не только в качестве наёмного работника. Предусмотрено переселение с целью осуществления предпринимательской деятельности, занятия сельскохозяйственным и агропромышленным производством, ведения личного подсобного хозяйства и иной деятельности, не запрещённой законодательством России. Отдельные регионы предусмотрели возможность для соотечественника переезда с целью получения профессионального образования, в том числе послевузовского и дополнительного образования.

– *Время от времени возникают слухи, мол, Программа завершается и, как говорится, «кто не успел, тот опоздал». Определён ли, на самом деле, окончательный срок, после которого желание выехать в Россию будет уже неосуществимо?*

– В соответствии с Указом Президента России (№ 1289 «О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» от 14.09.2012 года), программа является бессрочной. Каждый субъект России, который участвует в её реализации, разработал свои региональные программы на определенный срок (как правило, на трёхлетний период), после которого они будут корректироваться с учётом потребностей региона. Однако следует учитывать, что свидетельство участника Госпрограммы действительно в течение 3 лет и, соответственно, чтобы воспользоваться преференциями, которые предусмотрены Госпрограммой переселения, соотечественнику необходимо выехать на территорию региона вселения как минимум за полгода до окончания срока действия свидетельства.

– Кто же конкретно может принять участие в Госпрограмме?

– Участие в Государственной программе вправе принять соотечественники, проживающие за рубежом, либо постоянно или временно проживающие на законном основании на территории Российской Федерации (по разрешению на временное проживание или виду на жительство), и члены их семей.

Граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами территории России, могут стать участниками Госпрограммы только при условии наличия постоянного вида на жительство в Молдове.

В соответствии с положениями Госпрограммы членами семьи участника Госпрограммы являются супруга (супруг); дети, родители, родные сёстры и братья участника Государственной программы и его супруги (супруга); дети родных сестёр и братьев участника Государственной программы и его супруги (супруга), бабушки, дедушки, внуки.

Следует иметь в виду, что совершеннолетний член семьи участника Государственной программы, за исключением его супруги (супруга), имеет право самостоятельно участвовать в Государственной программе.

Чтобы стать участником Государственной программы необходимо соответствовать следующим условиям:

- достижение 18-летнего возраста;
- обладание дееспособностью;
- соответствие требованиям, установленным Государственной программой и региональной программой субъекта Российской Федерации, выбранного соотечественником для переселения;
- владение русским языком (устным и письменным) на уровне, достаточном для быстрой адаптации среди принимающего сообщества;
- соответствие требованиям на получение разрешения на временное проживание на территории Российской Федерации (в случае если получение разрешения на временное проживание необходимо).

– Какие формы государственной поддержки предусмотрены для участников Госпрограммы?

– Участнику Государственной программы и членам его семьи компенсируются расходы на проезд и провоз личного имущества, оформление правового статуса на территории России, выплачиваются подъёмные пособия. В зависимости от категорий региона, их размеры дифференцированы. На территориях приоритетного заселения размер подъёмных составляет 240 тысяч рублей участнику Госпрограммы и по 120 тысяч рублей – каждому члену семьи. В регионах неприоритетного заселения: 20 и 10 тысяч рублей соответственно.

Также переселенцы освобождаются от уплаты таможенных платежей при ввозе в Россию личного имущества, в том числе одного автомобиля на семью. При этом автомобиль должен находиться в собственности у переселенцев и быть зарегистрированным на них в государстве постоянного проживания в течение полугодия до переселения в РФ.

Во многих региональных программах переселения предусмотрена компенсация затрат на аренду жилья, прохождение медицинской комиссии, необходимой

для подачи документов на получение разрешения на временное проживание, признания в Российской Федерации документов об образовании и другие меры социальной поддержки.

Участник Государственной программы и члены его семьи имеют право на получение разрешения на временное проживание вне квот, приобретение гражданства Российской Федерации в упрощённом порядке. Кроме этого, участники Госпрограммы могут работать в регионе, куда они переехали, без получения патента, необходимого всем иностранным гражданам.

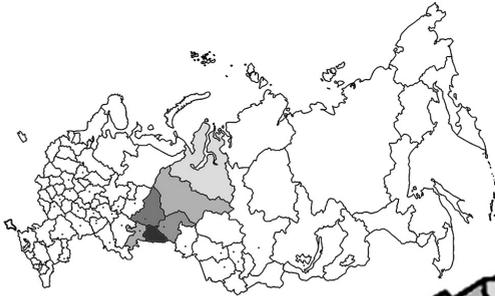
– Как осуществляется «распределение» потенциальных переселенцев? Насколько свободно человек, желающий переехать в Россию, выбирает регион проживания?

– Никакого распределения нет. Участие в Государственной программе добровольное. Соотечественники сами выбирают регион для переселения на постоянное место жительства в Российскую Федерацию. Им лишь необходимо изучить региональные программы переселения, ознакомиться с социально-экономической ситуацией в регионе, с климатическими условиями. Соотечественники сами решают, где им проживать, в сельской местности или в городе. Образовательный уровень и профессиональный опыт, безусловно, учитываются и являются в большинстве случаев решающим фактором для получения положительного решения об участии в Госпрограмме. Советуем перед подачей заявления об участии в Госпрограмме внимательно изучить ситуацию на рынке труда выбранного для переселения региона, чтобы понять, насколько востребованы профессиональные знания и навыки потенциального переселенца.

– Где наши граждане могут ознакомиться с подробностями осуществления Программы?

– С информацией о Госпрограмме можно ознакомиться на сайте Федеральной миграционной службы (www.fms.gov.ru), на портале для российских соотечественников «Русский век» (www.ruvek.ru), портале «Соотечественники» (www.aiss.gov.ru), региональных сайтах уполномоченных органов по труду и занятости населения. Вся необходимая информация об участии в Госпрограмме также размещена на сайте Посольства Российской Федерации в Республике Молдова в разделе «Государственная программа переселения», где присутствуют список регионов, участвующих в Программе; список документов, которые необходимо предоставить при подаче заявления об участии в Госпрограмме. В данном разделе есть форма и образец заполнения заявления. Единственное требование к документам – не должно быть разночтений в установочных данных. Документы, составленные на иностранном языке, должны быть переведены на русский язык и нотариально заверены.

– Благодарим Вас за предоставленную информацию, уважаемая Тамара Георгиевна. Программе переселения - успешной реализации.

Российская Федерация.

1. **Ямало-Ненецкий автономный округ.**

2. **Ханты-Мансийский автономный округ-Югра.**

3. **Свердловская область.**

Тюменская область

4.

Челябинская область

5.

Курганская область

6.

РЕГИОНЫ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Официальный сайт: www.kurganobl.ru

Территорией вселения является вся Курганская область.

Курганская область расположена на юге Западно-Сибирской равнины, на стыке Урала и Сибири. Регион граничит с Республикой Казахстан, Тюменской, Челябинской, Свердловской областями.

Область располагает богатыми природными ресурсами. Имеются запасы редких бентонитовых глин, железных, урановых, вольфраммолибденовых руд, титаноциркониевых россыпей, торфа, сырья для производства строительных материалов. Положительно оцениваются запасы углеводородного сырья. Большое экономическое значение имеет эксплуатация месторождений минеральных вод. Наиболее крупное из них – Шадринское месторождение хлоридных углекислых натриевых минеральных вод, аналогов которым в Уральском регионе нет.

Основу экономики составляет промышленность. Ведущими отраслями являются машиностроение и металлообработка, пищевая и химическая промышленность. Вторая по значимости отрасль экономики области – сельское хозяйство.

Дополнительные гарантии и меры социальной поддержки участникам Программы и членам их семей, в том числе оказание помощи в жилищном обустройстве, предоставляются в виде: единовременной финансовой помощи участникам Программы на социальное обеспечение, обустройство, в том числе жилищное; единовременной финансовой помощи в жилищном обустройстве участникам Программы по истечении 12 месяцев проживания на территории Курганской области в качестве участника Программы; компенсации расходов участников Программы и членов их семей на переаттестацию ученых степеней, нострификацию дипломов и других документов об образовании.

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Официальный сайт: www.midural.ru

Территорией вселения является вся Свердловская область. Региональной программой Свердловской области Верхнесалдинский городской округ, г. Каменск-Уральский, г. Нижний Тагил, Полевской городской округ определены в качестве приоритетных территорий.

Свердловская область – крупная экономически развитая территория России с высоким уровнем деловой, культурной и общественной активности, крупнейший регион Урала.

Свердловская область граничит на северо-западе – с Республикой Коми, на западе – Республикой Башкортостан, на юге – Челябинской областью, на юго-востоке – Курганской областью, на востоке – Тюменской областью, на северо-востоке – Ханты-Мансийским автономным округом – Югра.

По численности населения Свердловская область занимает пятое место среди субъектов Российской Федерации. Общая численность населения Свердловской области составляла 4328,9 тысяч человек.

По большинству экономических показателей развития Свердловская область входит в первую десятку регионов Российской Федерации.

В структуре промышленного комплекса доминируют чёрная и цветная металлургия, обогащение урана и железной руды, машиностроение.

В Свердловской области расположены такие предприятия, как Нижнетагильский металлургический комбинат, Качканарский ГОК «Ванадий», ВСМПО-Ависма, Уралмаш, Электротяжмаш, Новотрубный завод, Богословский и Уральский алюминиевые заводы, Каменск-Уральский металлургический завод, Синарский трубный завод, Богдановичский Фарфоровый завод, предприятия Уральской горно-металлургической компании (Уралэлектромедь, Среднеуральский медеплавильный завод, Металлургический завод им. А. К. Серова и др.).

Среди машиностроительных отраслей преобладает «тяжёлый ВПК» (производство бронетанковой техники и боеприпасов), а также тяжёлое машиностроение (оборудование для добывающей, энергетической и химической промышленности). Среди крупных предприятий этого направления – Уралвагонзавод. В Свердловской области расположен крупнейший химический завод России, производящий синтетические смолы – Уралхимпласт.

За счёт средств областного бюджета участникам Программы в течение 6 месяцев предоставляются средства на частичное возмещение затрат на оплату стоимости аренды жилья по месту временного пребывания. Соотечественникам, прибывающим на территорию Свердловской области в рамках проектов переселения Программы в муниципальные образования: Верхнесалдинский городской округ, «Город Каменск-Уральский», город Нижний Тагил, Полевской городской округ, дополнительно предоставляется единовременная выплата с целью их обустройства, адаптации и интеграции.

ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Официальный сайт: www.admtyumen.ru

Территориями вселения являются следующие муниципальные образования: Абатский, Армизонский, Аромашевский, Бердюжский, Вагайский, Викуловский, Голышмановский, Исетский, Ишимский, Казанский, Нижнетавдинский, Омутинский, Сладковский, Сорокинский, Уватский, Упоровский, Юргинский, Ялуторовский, Ярковский муниципальные районы и Заводоуковский городской округ.

Тюменская область расположена на юге Западной Сибири. Граничит с Казахстаном, Свердловской, Курганской, Омской областями и Ханты-Мансийским автономным округом.

Регион обладает самыми крупными в Российской Федерации запасами торфа. В отдельных торфяных месторождениях выявлены крупные залежи вивианита (фосфата железа) (около 20% мировых запасов), использование которого может удовлетворить потребности сельского хозяйства в фосфатных удобрениях.

Имеются месторождения кварцевых песков, кирпичных и керамзитовых глин, сапропелей, известняков. Большая часть разведанных запасов озерного сапропеля сосредоточена в водоёмах Вагайского, Нижнетавдинского, Тюменского и Ярковского районов.

Регион богат запасами пресной и минеральной воды. Большие перспективы развития связаны с освоением месторождений нефти. Осуществляются работы по подготовке к освоению новых нефтеносных участков. В разработке Кальчинское месторождение, в опытно-промышленной эксплуатации – Северо-Демьянское.

Тюменская область сегодня – один из самых стабильных регионов Российской Федерации. Развита нефтеперерабатывающая промышленность, обеспечивающая легким углеводородным сырьем нефтехимический комплекс страны. Пользуется спросом продукция машиностроительных заводов: нефтепромысловое, буровое, геологоразведочное, нефтеперерабатывающее оборудование, тракторные прицепы, деревообрабатывающие станки, бетоносмесители. В промышленности строительных материалов осуществляется выпуск сборных железобетонных конструкций и изделий, деталей для крупнопанельного домостроения, кирпича, стеновых блоков, экологически чистых изоляционных материалов, керамической черепицы и облицовочных плиток. Важную роль в развитии области играет лесная и деревообрабатывающая отрасль. На юге Тюменской области развито сельское хозяйство.

В целях соблюдения трудовых и иных законных прав граждан, проживающих в территориях вселения области, а также потенциальных участников Государственной программы определены критерии соответствия соотечественника требованиям Программы: востребованность профессии на территории вселения; наличие зарегистрированной в установленном порядке в службе занятости вакансии, на которую претендует соотечественник, длительное время не востребованной местным населением и нахождение данной вакансии в базе данных не менее месяца; наличие профессионального образования и соответствие образования и (или) опыта работы потенциального участника заявленной вакансии; наличие гарантийного письма работодателя о возможности трудоустройства соотечественника; наличие возможности трудоустройства трудоспособных членов семьи потенциального участника Государственной программы; наличие возможности (или варианта решения) временного или постоянного жилищного обустройства (предоставляется расписка о предоставлении регистрации по месту жительства участнику Государственной программы); переселение в территорию вселения совместно с супругой (супругом), несовершеннолетними детьми; отсутствие нарушений законодательства страны проживания, Российской Федерации, Тюменской области.

Для соотечественников, претендующих на медицинские и фармацевтические должности необходимо наличие сертификата специалиста, полученного в порядке и с учётом требований, установленных российским законодательством.

Тюменская область заинтересована в приеме соотечественников, имеющих востребованные специальности, в сельские территории. Устойчивым спросом среди работодателей пользуются квалифицированные специалисты в сфере сельского хозяйства, прежде всего агрономы и ветеринарные врачи, высококвалифицированные механизаторы и животноводы. Учреждения здравоохранения сельской местности испытывают недостаток врачей, особенно узких специальностей, среднего медицинского персонала. В общеобразовательных организациях имеется потребность в учителях различных специальностей. Для стимулирования переселения предусмотрены дополнительные гарантии и меры социальной поддержки за счёт средств областного бюджета: частичное возмещение расходов по временному жилищному размещению; единовременная выплата для организации и обустройства личного подсобного хозяйства; частичная компенсация участникам Государственной программы расходов на оказание медицинской помощи.

В целях информационной поддержки Программы на Официальном портале органов государственной власти Тюменской области создан сайт «Переселение соотечественников в Тюменскую область» www.pereselenie.admtumen.ru

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Официальный сайт: <http://pravmin74.ru>

Территорией вселения является вся территория Челябинской области, за исключением закрытых административно-территориальных образований.

Челябинская область находится на границе Европы и Азии, в южной части Уральских гор и прилегающей равнины, граничит с Республикой Казахстан. Челябинская область обладает значительным производственным, трудовым и научным потенциалом, разнообразной ресурсной базой, уникальными природно-климатическими условиями, развитой инфраструктурой и выгодным транспортно-географическим положением. Наиболее крупными городами Челябинской области являются: Челябинск – областной центр с населением 1143,5 тыс. человек, расположенный на расстоянии 1919 километров от Москвы; Магнитогорск – 409,6 тыс. человек; Златоуст – 175,8 тыс. человек; Миасс – 166,2 тыс. человек; Копейск – 140,6 тыс. человек.

Территория Челябинской области обладает значительными запасами природных ресурсов, разведано около трехсот месторождений минерального сырья, наибольшее значение среди которых имеют месторождения железных и медно-цинковых руд, золота, огнеупорного сырья, талька, графита и кварца.

Челябинская область обладает уникальными природно-климатическими условиями для развития индустрии туризма и отдыха. В Челябинской области

свыше двухсот особо охраняемых территорий, в том числе всемирно известный Ильменский государственный заповедник.

В Челябинской области выпускается каждая четвертая тонна проката стали, каждая восьмая тонна стальных труб, каждый четвертый килограмм (1 место) макаронных изделий всероссийского выпуска.

Участникам региональной государственной программы и членам их семей предполагается компенсация затрат на медицинский осмотр при подаче участниками региональной государственной программы и членами их семей документов на оформление разрешения на временное проживание.

Предполагается предоставление компенсации участникам региональной государственной программы за первоначальный съём жилья на срок не более 6 месяцев.

Участникам региональной государственной программы предполагается компенсация расходов на признание учёных степеней, учёных званий, образования и (или) квалификации, полученных в иностранном государстве.

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ-ЮГРА

Официальный сайт: <http://www.admhmao.ru>

Территорией вселения является вся территория автономного округа.

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра расположен в центральной части Западно-Сибирской равнины. На севере округ граничит с Ямало-Ненецким автономным округом, на северо-западе – с Республикой Коми, на юго-западе со Свердловской областью, на юге – с Тюменской областью, на юго-востоке и востоке – с Томской областью и Красноярским краем. Административный центр – Ханты-Мансийск. В Югре создан один из крупнейших в стране электроэнергетических комплексов.

Югра лидирует по ряду позиций среди регионов Российской Федерации: I место – по производству электроэнергии, по добыче нефти, II место – по добыче газа, III место – по объёму инвестиций в основной капитал.

Для претендентов на участие в Государственной программе устанавливаются критерии согласования потенциальных участников Государственной программы: наличие высшего или среднего профессионального образования; востребованность профессии соотечественника на территории муниципального образования (наличие заявленной в службу занятости населения вакансии, на которую претендует соотечественник, и нахождение её в базе данных не менее месяца с момента заявления); согласие работодателя о возможности трудоустройства соотечественника в соответствии с квалификационными требованиями к рабочему месту и уровнем квалификации соотечественника; наличие родственников, проживающих в территории муниципального образования, имеющих гражданство Российской Федерации; молодые специалисты с высшим образованием – при на-

личии письменного приглашения работодателя и нахождения вакансии в базе данных не менее двух месяцев с момента заявления.

В период обустройства переселяемых граждан планируется: трудоустройство соотечественников на рабочие места в рамках имеющегося банка вакансий; оказание содействия в жилищном обустройстве в виде подбора жилых помещений для найма (аренды) жилья; компенсация расходов участников Государственной программы по найму (аренде) жилья по факту, но не более 25 тысяч рублей в месяц на семью на период не более 12 месяцев с момента прибытия соотечественника на территорию автономного округа; оказание медицинской помощи участникам Программы и членам их семей до получения разрешения на временное проживание или до оформления гражданства Российской Федерации, медицинское освидетельствование, оказание бесплатной медицинской помощи после получения гражданства Российской Федерации.

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Официальный сайт: <http://правительство.янао.рф>

Территорией вселения является вся территория автономного округа и включает один проект переселения «Ямал».

Территория автономного округа занимает арктическую зону Западно-Сибирской равнины, а также восточные склоны гор Полярного и Приполярного Урала. Граничит с Ненецким автономным округом, Республикой Коми, Ханты-Мансийским автономным округом-Югрой, Красноярским краем, с севера омывается Карским морем. Вся территория автономного округа относится к территории Крайнего Севера.

Для климата региона характерны длительная зима (около 8 месяцев), короткое прохладное лето.

Основой экономики Ямало-Ненецкого автономного округа является добыча нефти и газа. Основным добытчиком газа является ОАО «Газпром», на долю которого приходится примерно 90 % всей добычи газа в округе. Добычу нефти и газового конденсата ведут более 30 предприятий, основными нефтедобывающими предприятиями в округе являются дочерние предприятия ОАО «Газпром нефть» (ОАО «Газпромнефть-Ноябрьскнефтегаз» и Филиал «Газпромнефть-Муравленко») и ОАО «НК Роснефть».

Образование, квалификация и опыт работы участника Программы должны соответствовать квалификационным требованиям, предъявляемым к вакантной должности, на которую претендует участник Программы. Опыт работы по профессии должен быть не менее трёх лет в течение пятилетнего периода, предшествующего моменту подачи заявления. Для молодых специалистов – выпускников образовательных организаций среднего профессионального и высшего об-

разования в возрасте до 30 лет включительно, стаж работы по полученной профессии должен составлять не менее одного года на момент подачи заявления при условии трудоустройства в течение одного года с момента окончания образовательной организации профессионального образования.

При принятии решения о трудоустройстве соотечественника (участника Программы/члена его семьи), работодатель направляет в адрес уполномоченного органа территории вселения гарантийное письмо о возможности трудоустройства с указанием конкретной вакансии, срока её резервирования за потенциальным участником Программы, размера заработной платы и варианта возможного жилищного обустройства.

Меры дополнительной поддержки участникам Государственной программы и членам их семей на обустройство на территориях вселения Ямало-Ненецкого автономного округа: предоставление ежемесячных компенсационных выплат участнику Программы по найму (аренде) жилого помещения; предоставление ежемесячных выплат родителям из числа участников Программы на детей, не посещающих муниципальные дошкольные образовательные учреждения; предоставление единовременного пособия участникам Программы и членам их семей, прибывающим из-за рубежа, на обустройство и оформление необходимых документов.

РУССКОЕ СЛОВО

Подписной индекс газеты - 21555
Индекс льготной подписки - 23555

Член поискового
отряда "Август"
Егор Симонян:

"Для памяти

срока
давности
нет"

